

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLIX

(49)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1953

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*.

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова.

.А Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

О ЗАДАЧАХ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ
XIX СЪЕЗДА ПАРТИИ

Выход в свет гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и XIX съезд партии — события огромного исторического значения в жизни советского народа.

Труд товарища Сталина, этот величайший вклад в теорию марксизма-ленинизма, указывает путь к полной победе коммунизма в нашей стране и имеет крупнейшее международное значение. Решения XIX съезда партии и мудрая речь товарища Сталина на заключительном заседании съезда являются великой программой борьбы и побед, мобилизующей советский народ на строительство коммунизма и воодушевляющей трудящихся стран народной демократии на славные подвиги в строительстве социализма.

Говоря о сложности перехода от социализма к коммунизму, товарищ Сталин подчеркивает, что для этого «...нужно пройти ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества, в течение которых труд из средства только лишь поддержания жизни будет превращен в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества»¹.

Воспитание всесторонне развитых, высоко сознательных, культурных и образованных людей — одно из важнейших условий подготовки перехода к коммунизму.

XIX съезд великой партии Ленина — Сталина огромное внимание уделил вопросам развития советской науки. Советские ученые имеют все необходимое для того, чтобы «развивать дальше передовую советскую науку с задачей занять первое место в мировой науке»². Мы обязаны не только глубоко, вдумчиво изучить работу товарища Сталина и решения XIX съезда партии, но и сделать из них все должные выводы в своей повседневной научной работе.

Партия, Советское правительство и лично товарищ Сталин проявляют огромную заботу о развитии науки в нашей стране, о создании всех необходимых условий для повседневной работы ученых. Так, например, число научно-исследовательских институтов, лабораторий и других научных учреждений в СССР увеличилось с 1560 в 1939 г. до 2900 к началу 1952 г.; почти в два раза выросло за это время и число научных работников. Государственные расходы на развитие науки за 1946—1951 гг. составили 47,2 миллиарда рублей.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 66.

² Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 78.

Вместе с тем повышаются и требования, предъявляемые сейчас к советской науке, в частности, — к науке исторической. Принципиальная критика и самокритика, правильный подбор людей и проверка исполнения, хорошо поставленное идеологическое воспитание кадров — таковы основные задачи, выдвинутые перед советским народом XIX съездом партии, таковы необходимые условия развития советской науки, развития творческой научной мысли.

«Критика и самокритика, — говорит Г. М. Маленков в своем докладе, — не ослабляют, а укрепляют Советское государство, советский общественный строй, и это является признаком его силы и жизненности.

В настоящее время особенно важно обеспечить развёртывание самокритики и критики снизу, повести беспощадную борьбу, как с злейшими врагами партии, с теми, кто препятствует развитию критики наших недостатков, глушит критику, допускает преследование и гонение за критику»³.

Критика и самокритика, являющиеся движущей силой развития советской науки, настойчивая борьба с недостатками в работе должны стать повседневным делом каждого советского ученого. Только там, где смело и открыто вскрываются все ошибки, где вместо затхлой атмосферы взаимного восхваления, семейственности и панибратства руководящим стимулом в работе является коммунистическая принципиальность, — возможно плодотворное развитие научных изысканий.

Серьезное внимание в решениях XIX съезда партии уделено идеологической работе. «Идеологическая работа является первостепенной обязанностью партии, и недооценка этой работы может нанести непоправимый ущерб интересам партии и государства»⁴.

«Из всех достояний, имеющихся у нашей партии, — указывает товарищ Сталин, — самым важным и ценным достоянием является её идейное достояние, её идейный багаж, её принципиальная линия, её революционные перспективы»⁵.

Нерушимой основой нашей, социалистической идеологии является марксизм-ленинизм. Настойчивое творческое усвоение замечательных трудов классиков марксизма — непереносимое условие дальнейшего развития и совершенствования советской исторической науки и в том числе — советской археологии.

«Там, где ослабевает внимание к вопросам идеологии, — говорит товарищ Маленков, — создаётся благоприятная почва для оживления враждебных нам взглядов и представлений»⁶.

Непримиримая борьба с идеологическими извращениями и ошибками, последовательное проведение марксистско-ленинской методологии, творческая разработка новых проблем, выдвигаемых практикой строительства коммунизма, — являются важнейшими задачами работников общественных наук. Суровая и справедливая критика работы Института истории АН СССР, прозвучавшая на XIX съезде партии, заставляет и советских археологов еще критичнее и внимательнее пересмотреть свои концепции, бороться за повышение идейно-теоретического уровня своих работ.

«Как показывает практика, там, где теоретические работники не мобилируются на борьбу с идеологическими извращениями, не воспитываются в духе непримиримости к ошибкам, там неизбежны серьёзные идеологические прорехи... Воспитание научных кадров в духе марксизма, в духе нетерпимости к отклонениям от марксистско-ленинской теории — одна из важнейших задач партийных организаций»⁷.

³ Г. Маленков, Ук. соч., стр. 85—86.

⁴ Г. Маленков, Там же, стр. 94.

⁵ «Коммунист», № 21, ноябрь 1952 г., стр. 4.

⁶ Г. Маленков, Ук. соч., стр. 94.

⁷ «Коммунист», № 21, ноябрь 1952 г., стр. 5.

В свете решений XIX съезда партии задачей археологов является дальнейшее повышение идейно-теоретического уровня научной продукции путем неустанного творческого освоения трудов классиков марксизма, обсуждения важных теоретических проблем на специально организованных дискуссиях, широкого обмена мнений в повседневной научной работе — на ученых советах, научных сессиях и конференциях, на заседаниях секторов и теоретических семинарах. «Общепризнано,— говорит товарищ Сталин,— что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»⁸. Только при условии внимательного критического анализа всего, что накоплено наукой до настоящего времени, возможно создание новых подлинно марксистских научных трудов по древнейшей истории нашей Родины.

С каждым годом круг проблем, изучаемых советскими археологами, расширяется. Гениальные труды товарища Сталина по вопросам языкознания и экономики открывают перед советскими археологами новые перспективы развития исторической науки. «Огромное значение теоретических трудов товарища Сталина состоит в том, что они предупреждают против скольжения по поверхности, проникают в глубь явлений, в самую суть процессов развития общества, учат видеть в зародыше те явления, которые будут определять ход событий, что даёт возможность марксистского предвидения»⁹. Работы товарища Сталина являют собой пример глубокого творческого исследования, служат неоценимым руководством для всех советских ученых в разработке теоретических и практических вопросов.

Перед советскими археологами стоят большие задачи. Особенно серьезное внимание археологи должны обратить на разработку важнейшей проблемы экономического развития общества на ранних этапах его истории.

И. В. Сталин в своем труде по экономическим вопросам поднял на новую теоретическую высоту, развил и всесторонне осветил открытый Марксом закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Применение этого закона к экономике первобытно-общинного, рабовладельческого и раннефеодального общества открывает возможность правильного понимания закономерностей исторического процесса.

Наряду с изучением развития производительных сил и производственных отношений необходимо уделить больше внимания проблемам соотношения базиса и надстройки, изучению происхождения отдельных народов, периодизации истории первобытного общества, истории рабовладельческих империй. Большая работа предстоит еще в области изучения общественного строя восточных славян в первом тысячелетии н. э., исследования древнерусских поселений феодальной эпохи, образования древнерусской народности. Не меньшие задачи стоят перед советскими археологами по совершенствованию методики полевых исследований, в частности — на великих стройках коммунизма, и т. д. Почетным долгом советских археологов является создание научно-популярной археологической литературы, имеющей большой спрос со стороны советских читателей, живо интересующихся достижениями нашей науки. Необходимо ценнейшие археологические открытия сделать достоянием широкой общественности, удовлетворить те огромные запросы, которые она к нам предъявляет.

В области полевых археологических исследований от нас требуется концентрация сил для решения наиболее крупных и важных проблем археологии. В связи с этим нужна организация комплексных экспедиций, материалы которых позволили бы всесторонне осветить основные вопросы, касающиеся истории народа, жившего на данной территории. Примером таких

⁸ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 51.

⁹ Г. Маленков. Ук. соч., стр. 107.

экспедиций являются организованные ИИМК АН СССР летом 1952 г. экспедиции Таманская, Молдавская и другие.

Долг всех советских археологов — решительно бороться с любым проявлением порочного влияния теории Марра на археологическую науку.

Только недостаточным знанием огромного теоретического богатства классиков марксизма-ленинизма можно объяснить ошибки некоторых советских археологов, подменявших марксизм в археологии пресловутой теорией Н. Я. Марра. Два с половиной года прошло с момента появления гениального труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», обогатившего советскую историческую науку целым рядом новых положений. Вопросы об экономическом базисе и надстройке общества, о производительных силах и производственных отношениях, о роли языка как орудия развития общества, вопросы сложения народностей получили теперь совершенно новое освещение. Труд И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании, открывший величайшие перспективы для творческой работы во всех областях общественных наук, является постоянным руководством в деятельности советских историков, археологов, языковедов. Однако в отношении критики марристских ошибок в археологии сделано еще недостаточно, и борьбу с порочным влиянием так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра нельзя считать законченной. Так, например, уже после обсуждения труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» ошибки марристского характера были допущены А. Н. Бернштамом в его книге «Очерки истории гуннов», где он, придерживаясь своих старых, марристских взглядов, искажает историческую действительность, приписывая сметавшим на своем пути всякую цивилизацию кочевым ордам гуннов прогрессивную роль в истории. Явное влияние антинаучной теории Марра сказалось и в утверждении А. Н. Бернштама об «автохтонном» происхождении западных гуннов и аваров, о скрещивании языков, о классовом характере языка (А. Н. Бернштам утверждает, что основная масса западных гуннов говорила на славянском языке, а родовая знать — на тюркском).

Не сделав никаких выводов из опубликованных критических статей и рецензии по поводу его книги, А. Н. Бернштам написал новую работу — «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая», где не только повторяет свои прежние ошибочные концепции, но и допускает ряд новых.

Партийная печать Ленинграда подвергла суровому осуждению недопустимое отношение А. Н. Бернштама к критике, однако и в настоящее время он не счел нужным выступить в печати с глубоким самокритичным анализом своих порочных концепций марристского характера.

М. И. Артамонов также до сих пор не выступил в печати с критикой своих ошибок, допущенных в книге «Очерки древнейшей истории хазар», где под сильным влиянием Марра он превращает хазар в автохтонов Восточной Европы — «гунно-булгар», тесно связанных с сарматами. Продолжая отстаивать свои марристские взгляды, М. И. Артамонов выступил с докладом на VI научной конференции Института археологии АН УССР в Киеве в июне 1952 г., где допустил толкование геродотовских легенд о скифах по Марру. В лекции М. И. Артамонова «Происхождение славян» та же марровская концепция происхождения славян проскальзывает в завуалированном виде.

Широкая советская общественность ждет от сотрудников Института истории материальной культуры открытого обсуждения допущенных ранее извращений марксистской теории в археологической науке. Подготовленный в начале 1952 г. институтом сборник статей «Против вульгаризации марксизма в археологии», содержащий критику марристских ошибок по

основным разделам археологии, до сих пор не вышел из печати. Необходимо ускорить выход его в свет и подготовить к изданию второй выпуск.

Советские археологи должны также уделять больше внимания разоблачению реакционных концепций буржуазных археологов. Человеконенавистническим империалистическим «идеям» фашиствующих американских и английских ученых и их приспешников мы противопоставляем идеи борьбы за мир и прогрессивное развитие человечества, отстаиваемые самой передовой наукой мира — советской наукой. Критике буржуазных фальсификаторов в науке необходимо также посвятить специальный сборник статей.

Почетным делом советских археологов является взаимная информация о растущих научных достижениях ученых СССР и стран народной демократии.

В числе решений XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану есть указание на необходимость улучшения работы научно-исследовательских учреждений. Эта задача стоит и перед коллективом сотрудников Института истории материальной культуры.

За последние годы советская археология достигла значительных успехов, однако археологам предстоит еще немало поработать для дальнейшего развития своей науки.

Решительная перестройка всей нашей работы в свете гениальных трудов товарища Сталина и решений XIX съезда партии послужит общей великой цели — занять первое место в мировой науке.

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. Я. БРЮСОВ

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЧАСТИ СССР В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ¹

*(Доклад, прочитанный 1 ноября 1951 г. на совещании по методологии
Этногенетических исследований в свете Сталинского учения о нации и языке)*

До настоящего времени существует мнение, что известная мезолитическая стоянка Кунда в Эстонии является наиболее древней северной стоянкой на европейской территории СССР, составляя параллель датским торфяниковым стоянкам. Спекулируя на этом и отыскивая параллели вещам, найденным на стоянке Кунда, исключительно среди западноевропейских материалов, до находок в Италии и Испании включительно, некоторые буржуазные археологи, как, например, Р. Индреко, преподносят читателям своих «ученых трудов» невероятные гипотезы. Так, Р. Индреко утверждает, что верхнепалеолитическая культура Франции в мезолитическую эпоху была занесена палеолитическими культуртрегерами на восток, в Прибалтику, в неолитическую эпоху — еще восточнее, до Урала, а затем через всю северную Азию — до Тихого океана и оказалась на его берегах только в XVIII в. н. э. Эта «гипотеза» иллюстрируется картой, на которой изображена жирная красная стрела, опирающаяся тыльем на берега Атлантики и вонзающаяся острием в воды Тихого океана у Камчатки.

Изучение соответствующих археологических памятников СССР позволяет решительно отвергнуть эту гипотезу, по которой цивилизующее влияние на «дикие» племена в течение ряда тысячелетий непрерывно изливалось с Запада на Восток. Этой упрощенной антиисторической гипотезе мы можем противопоставить гораздо более сложную, но более соответствующую исторической реальности картину первичного заселения севера европейской части СССР после освобождения ее от ледникового покрова.

Прежде всего необходимо сказать, что параллели типам костяных орудий Кунды оказываются совсем не там, где их ищут буржуазные археологи. В датских стоянках — Холмгаарде, Свердборге и др. — таких параллелей вообще нет. Другие привлекаемые западные аналогии весьма отдаленны, а главное — не представляют хронологического и территориального единства. Наоборот, к востоку мы находим серию таких аналогий на нескольких стоянках — Ягорбской, Погостищенской, Нижнем Веретье в Вологодской обл. и на некоторых стоянках среднего Урала. Однако возникает вопрос, к какому времени могут быть отнесены эти стоянки и древнее ли

¹ Та же тема освещена автором в его книге «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху», М., 1952 г.

они стоянки Кунды. Не существуют ли на той же северной полосе от Урала до Прибалтики еще более древние стоянки, которые можно было бы рассматривать как исходные памятники, давшие начало археологической культуре или культурам, представленным перечисленными памятниками. Если таковых нет, то откуда шло заселение, с востока или с запада?

Я не имею возможности изложить здесь во всех подробностях все факты, которые позволяют мне утверждать, что древнейшие стоянки Среднего Зауралья не моложе, а, вероятно, даже древнее стоянок Кунда, Пярну и им подобных в Прибалтике. Скажу только, что при сравнении некоторых типов костяных орудий, найденных на Шигирском торфянике, с костяными орудиями других среднеуральских стоянок устанавливается глубокая древность первых. Их, несомненно, нельзя датировать поздним неолитом и последующим временем, так как с неолита до исторической эпохи на среднеуральских стоянках и городищах вещей подобных типов не встречается нигде. А между тем древнейшая из исследованных среднеуральских стоянок — стоянка на Стрелке Горбуновского торфяника — датируется временем не позднее первой половины III тысячелетия. Следовательно, полагая значительный промежуток времени на то, чтобы древнейшие шигирские типы орудий вышли из употребления, мы принуждены датировать их по меньшей мере IV тысячелетием, а вернее всего — еще более ранним временем.

О большой древности шигирских находок свидетельствует стратиграфия в тех случаях, когда ее удастся установить. Так, например, часть находок на Курьинском прииске сделана в слое глины, подстилающей торф и сапропель, и даже еще ниже — в золотоносном песке.

Культурно-историческая связь подобных стоянок, вытянутых по узкой северной полосе от Урала до Прибалтики, устанавливается не только по наличию на них некоторых однотипных орудий, но и по дальнейшему их единообразию, подчеркивающему развитие представленных ими археологических культур от одного культурно-исторического целого. Благодаря этому еще для середины II тысячелетия до н. э. наблюдаются поразительные соответствия в типах вещей на стоянках Сарнате в Латвии и среднего слоя шестого разреза на Горбуновском торфянике.

Эти факты позволяют высказать предположение, что в мезолите (дата древнейших северных стоянок Кунды, Пярну, Ягорбской) северная полоса европейской части СССР была заселена племенами, расселявшимися с востока, из Зауралья до Прибалтики. Это было первым заселением Севера. Направление его напрашивается само собою, поскольку в вещах с древнейших стоянок этой полосы нет археологических соответствий ни на Западе, ни на Юге. Самый же факт заселения необходимо предположить, потому что данные стоянки — самые древние на этой полосе севера европейской части СССР и, следовательно, не могут быть производными более древней культуры местного населения.

Естественно, возникает вопрос, почему это заселение шло по такому пути, а не непосредственно с юга. Средний Урал не был древнейшим исходным пунктом расселения, а является таковым в нашем представлении только вследствие недостаточного археологического изучения более южных областей: надо думать, что сам средний Урал, несомненно, был заселен с юга. Это можно предположить на основании материалов, открытых за последние годы палеолитических уральских стоянок, как, например, стоянки Талицкого и пещерных стоянок по р. Юрюзани, которые все показывают кратковременное сезонное пребывание на них человека, как бы свидетельствуя о его начальном продвижении здесь к северу. Если это верно, то исходная область должна находиться южнее, где-нибудь в Казахстане или в Приаралье. Такое предположение хорошо объясняло бы устанавливаемое лингвистами наличие некоторых соответствий в современных финских языках и языках индо-иранских.

Причиной расселения племен из Приаралья к северу могли послужить направления водных путей и отступление зоны лесов, занятость западных областей давно жившим здесь населением а может быть, и иные причины.

К сожалению, мы до сих пор не имеем достаточных археологических данных для построения гипотезы о направлении заселения средней полосы европейской части СССР — бассейнов Оки и верхней Волги. Типы кремневых орудий с немногих известных здесь эпипалеолитических стоянок не имеют совершенных параллелей ни на Юге, ни на Востоке, ни на Западе (Гремячевская стоянка, Елин Бор, Красные Кусты, верхневолжские стоянки). Сходство их с южными и западными типами орудий и между собою не выходит за пределы эпохального сходства.

Нельзя не отметить, однако, что антропологические данные, повидимому, позволяют сделать предположение о родстве населения средней и северной полос европейской части СССР. Исследованный М. М. Герасимовым череп из Шигирского торфяника, найденный в слое глины в сопровождении ранних наконечников стрел тонкого игловидного типа, свидетельствующих о его значительной древности, мог бы служить, по мнению М. М. Герасимова, исходным типом для всего северного неолитического населения.

Итак, мы можем допустить, что в итоге медленного процесса сегментации каких-то племен происходило постепенное заселение с востока средней и частично северной полос европейской части СССР, повидимому, двумя отдельными волнами. Обе области оказались к началу неолита заселенными: более густо в окском и верхневолжском бассейнах и очень разреженно на Севере, поскольку можно судить об этом по количеству и величине известных нам неолитических стоянок и по мощности их культурных слоев.

О длительности процесса первичного заселения Севера и о долгой разобщенности расселившихся групп племен свидетельствует расхождение северных неолитических культур в отношении типов керамики, в формах и орнаментике которой, как известно, изменения происходят быстрее, чем в других областях материального производства. Таким образом, в силу разобщенности некогда, вероятно, родственных племен в разных областях возникли свои специфические черты при наличии некоторого общего сходства. Имеется в виду так называемая ямочно-зубчатая керамика, которая обладает совершенно определенным сходством на всей области ее распространения; она легко отличима от группы степной керамики, а тем более от керамики фатьяновской и ей подобных, не говоря уже о крашеной. Вместе с тем в различных областях распространения ямочно-зубчатой керамики мы находим резко выраженные варианты ее, легко отличимые друг от друга: типичную ямочно-зубчатую в волго-окском междуречье и позднее частично на далеком Севере; зубчатую в западных областях; зубчато-струйчатую на Урале; ямчатую в Прибалтике; типа сперрингс в Финляндии. Это разнообразие вызвано, вероятно, ранним расселением и длительной изоляцией разных групп, принадлежавших в отдаленные времена к родственным племенам.

На исходе III тысячелетия до н. э. развернулись события, в значительной степени изменившие эту картину. Относительное перенаселение в некоторых районах, в частности, в окском, о чем мы можем догадываться по густоте и величине неолитических стоянок, повело к дальнейшей сегментации племен. Часть их расселилась в ближайших районах, как то можно видеть по памятникам волосовской культуры; часть вынуждена была искать свободных мест на отдаленных территориях. Весьма вероятно, что дополнительным импульсом послужило вторжение в клязьминско-волжское междуречье части племен среднеднепровской культуры. Теснимая, очевидно, продвигавшимися к востоку трипольскими племенами, часть племен среднеднепровской культуры продвинулась по Десне к востоку и северу (могильники Вщижский, Брасовский, Мыс-Очкинский, Большое Буньково) и расселилась

сначала в бассейне рек Клязьмы и Москвы, а затем по верхней Волге с ее правыми притоками и в Чувашской АССР, дав начало племенам фатьяновской культуры. Древние насельники были как бы раздвинуты этим клином к югу и северу, потеряв значительную территорию. Как известно, в антропологическом отношении племена фатьяновской культуры отличаются от окских и северных неолитических племен и характеризуются достаточно резко выраженным европеоидным типом.

К этому времени относятся довольно многочисленные стоянки Севера, которые по типам найденных на них вещей показывают, что население двигалось с юга, в частности, в ряде случаев из окского бассейна (карельская, каргопольская, беломорская культуры).

Новое расселение, более интенсивное, чем первоначальное, перекрыло значительную часть той северной полосы, которая была занята уже ранее, за исключением Прибалтики (конечный известный мне на западе пункт составляет стоянка Ломми около Нарвы). Довольно длительное время население этой второй волны, распространившейся с юга, не смешивалось с более древним северным населением или, во всяком случае, оказывало слабое воздействие на материальную культуру последнего. Об этом свидетельствуют такие стоянки первой половины II тысячелетия, как свайное поселение на р. Модлоне и находки близ г. Вологды; значительные следы древней Северной культуры сохранились в типах вещей на ряде стоянок каргопольской культуры, в более северной части ее распространения (на оз. Лача). Однако постепенно древнее северное население было, повидимому, ассимилировано новым, более многочисленным.

Новое население заняло земли далеко на севере, вплоть до берегов Белого моря, за исключением Кольского полуострова и Большеземельской тундры. Заселение этих крайних северных областей произошло, как показывает археологический материал, во второй половине II тысячелетия до н. э. Кольский полуостров был заселен, повидимому, из Карелии, судя по аналогиям в типах вещей на стоянках Кольского полуострова вещам карельской культуры. Большеземельская тундра заселена, вероятно, с востока, из западной Сибири. Поэтому можно предполагать, что, вопреки установившемуся мнению, саамское население Кольского полуострова не было оттеснено к северу, а выселилось туда в еще более древние времена, сохранив в силу изоляции и малочисленности многие признаки древней культуры, а может быть и языка.

Такова общая схема заселения севера европейской части СССР, как она мне представляется на основании изучения археологических фактов. Схема, несомненно, лишена подробностей; дальнейшие работы внесут в нее, вероятно, существенные коррективы. Она намечает в настоящее время только некоторые общие черты сложного и длительного процесса, имеющего, по моему мнению, достаточный интерес для решения проблем этногенеза народов нашей Родины.

Поскольку в некоторых областях при изучении дальнейшего развития поздненеолитических культур устанавливается непрерывная преемственность вплоть до культур, которые, несомненно, могут быть приписаны древнефинским племенам, мы можем заключить, что неолитические культуры с ямочно-зубчатой керамикой, в различных их разновидностях, в общем должны быть приписаны предкам позднейших многочисленных финских племен.

К набросанной общей схеме (в тезисной форме передающей содержание части моей монографии по истории племен европейской части СССР) необходимо сделать несколько добавлений, касающихся частных моментов.

Так, в отношении вопроса о первоначальном населении Карелии, мне кажется, по археологическому материалу следует сделать вывод о заселении этой области в III тысячелетии до н. э. почти одновременно в нескольких

направлениях. Но общее происхождение заселявших Карелию племен, вероятно, говоривших в силу этого родства на сходных диалектах и имевших, повидимому, схожие черты культуры, облегчило процесс слияния населения в одно целое, составившее, по нашему определению, племена карельской культуры. Тем не менее в этой культуре достаточно отразились некоторые локальные различия между отдельными районами, как следствие прихода в эту область различных племен. Таковы районы: западное побережье Онежского озера, юго-западная часть того же побережья, Заонежье, восточное побережье к югу от р. Шалы и, наконец, район группы озер к югу от Онежского (Куштозеро, Ундозеро и др.).

Нельзя пройти мимо некоторых интересных археологических фактов, наблюдаемых в районе среднего и нижнего течения Оки. Проникновение сюда, начиная с середины II тысячелетия до н. э., ряда южных элементов и образование во второй половине этого тысячелетия на южных окраинах областей распространения рязанской и волосовской культур своеобразной поздняковской (иначе подборновской) культуры позволяют сделать вывод о существенных изменениях, которые происходили здесь в составе населения. Повидимому, продвижение степных пространств к северу и наблюдающаяся на юге экспансия племен срубной культуры затронули также ту часть окской долины, которая, по мнению Танфильева, в это время представляла собою степь. Все говорит о том, что степные племена Юга, представленные срубной культурой, проникли сюда и, повидимому, ассимилировали часть местного населения.

Наконец, остается упомянуть о последующей судьбе племен фатьяновской культуры, оторвавшихся от большого массива племен с аналогичными признаками материального производства (среднеднепровская, волынская, мегалитическая, куявская культуры, культура шаровидных амфор) и оказавшихся в окружении чуждых им племен, у которых была распространена ямочно-зубчатая керамика. Характерно полное отсутствие признаков связей между теми и другими в течение ряда столетий. Мы должны вывести из этого заключение о вероятной враждебности друг к другу обеих групп. Исходом было, повидимому, исчезновение фатьяновской культуры, растворение ее в местной среде, т. е. вероятное истребление племен фатьяновской культуры и их ассимиляция в среде многочисленных враждебных им окских и волжских племен.

Я не касался более восточных областей и Поволжья. Объясняется это тем, что в одних случаях археологический материал совершенно недостаточен для каких-либо исторических выводов (Поволжье); в других случаях материал выходит за пределы основной моей темы по истории древних племен европейской части СССР (западная Сибирь). Эти обстоятельства заставляют меня ограничить круг рассматриваемых вопросов только теми областями европейской части СССР, о которых я говорил выше.

Предлагаемая мною гипотеза, несомненно, не может быть подтверждена прямыми и неопровержимыми доказательствами. Это в полном смысле слова только гипотеза. Но, мне кажется, она достаточно хорошо согласуется с известными нам археологическими фактами и, надеюсь, не противоречит фактам других исторических дисциплин.

М. К. КАРГЕР

«ЛЕТСКАЯ БОЖНИЦА» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

I

В Повести временных лет и в Киевской летописи XII в. с 1015 по 1154 г. неоднократно упоминается урочище, фигурирующее под названиями: Лъто, Лто, Альто, Алто, Олто. Однажды это же место названо «Летским (Лядьским) полем». Летописные известия сообщают обычно или о временном расположении на Лъте войска киевского князя, направлявшегося в поход на кочевников, или же о больших сражениях с ними.

Летом 1015 г. сын Владимира Святославича князь Борис выступил в поход против печенегов. Не найдя их в южнорусских степях и возвращаясь домой, Борис узнал о смерти отца. Не дойдя до Киева, князь со своей дружиной «ста на Лъте, пришед»¹. Здесь, в походном шатре, его настигли убийцы, посланные «на Лъто» братом Святополком².

Четыре года спустя, в 1019 г., Святополк, бежавший незадолго перед этим к печенегам, заручившись их помощью, вступил на Русскую землю «в силе тяжьце». Князь Ярослав, сидевший на киевском столе, «собра множество вой» и вышел навстречу «на Лъто»³. Полки Ярослава расположились на месте убийства Бориса. В ожесточенной битве между братьями «покрыша поле Летское обои от множества вой». Сеча на Летском поле, продолжавшаяся от восхода солнца до вечера, по словам летописца, была столь кровопролитна, «яка же не была в Руси». К вечеру полки Святополка были разбиты, а сам он бежал «в Ляхи»⁴.

В 1068 г. было первое крупное нашествие половцев на Русь. Половецкие орды прорвались через Переяславскую землю и подходили к Киеву. Навстречу им «на Лъто» двинули свои полки князя Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи. Киевская рать была разбита наголову⁵.

В течение первой половины XII в. урочище «Лъто» упоминается в Киевской летописи еще несколько раз в качестве места стоянки войска киевских князей на расстоянии одного перехода от Киева по левому берегу Днепра в направлении на Переяслав.

В 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич, идя походом против своего дяди Юрия Долгорукого, собрал «множество вой», выступил из

¹ Лавр. лет. под 6523 (1015) г. То же известие под тем же годом в Ипат. лет. и в «Сказании о Борисе и Глебе» («Памятники древнерусской литературы», вып. 2. Пт., 1916, стр. 32, 34).

² Там же.

³ Лавр. лет. под 6527 (1019) годом.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Киева «и иде на Лто», откуда двинулся далее к Нежатиноу⁶. Два года спустя, в 1149 г., тот же князь, снова в походе против Юрия, перешел со своим войском Днепр у Витичева «и оттуду поидоста во Лто», откуда двинулся дальше к Переяславу⁷.

В 1152 г. киевский князь Вячеслав Владимирович вместе с Изяславом Мстиславичем выступил против Святослава Ольговича, сидевшего в Новгороде. Отойдя от Киева, они остановились «на Лте», где Изяслав уговорил Вячеслава вернуться в Киев, а сам двинулся в дальнейший путь на Новгород⁸.

II

Спустя сто два года после убийства Бориса, в 1117 г., князь Владимир Мономах заложил на Лте каменную церковь Бориса и Глеба. «Повесть временных лет» сообщает: «В лето 6625 Володимер Всеволодич заложил церковь камену святоу мученику»⁹.

19 мая 1125 г. Владимир Мономах умер, находясь, по словам летописца, «на Лте у милое церкви, юже созда потщаньем многым»¹⁰. Характеризуя деятельность умершего князя, летописец еще раз упоминает «церковь прекрасну», выстроенную «на Лте», на месте убийства Бориса¹¹.

В 1154 г. церковь Бориса и Глеба была сожжена половцами, вновь прорвавшимися к Летскому полю. Летописец сообщает по этому поводу: «Тогда же много зла створиша половци около Переяславля: пожгоша бе села вся и Летскую божницу святоу мученику зажгоша»¹². В Ипатьевской летописи этот рассказ имеет некоторое отличие: «...и пожгоша села вся и Лягскую божницу и (! — М. К.) святоу мученику Бориса и Глеба храм зажгоша»¹³. Отличает Летскую божницу от церкви Бориса и Глеба, называя ее к тому же монастырем, и пространный текст Никоновской летописи: «Того ж лета паки приидоша половци, и много зла сотвориша около Переяславля власти и села пожгоша, и монастырь Рожество пречистыа Богородици и монастырь святых мученых Бориса и Глеба, и монастырь святого Савы и Летскую божницу, в ней же множество богатства, все разграбиша и пожгоша, а люди в плен поведоша»¹⁴.

Разногласие текстов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей давно уже обращало на себя внимание исследователей и вызывало различные толкования. Так, М. А. Максимович, возражая Арцыбушеву, отождествлявшему Летскую божницу с выстроенной Мономахом церковью Бориса и Глеба на Лте¹⁵, считал, что Летская божница — часовня, которая была выстроена на месте убийства Бориса не позже 1073 г. и существовала в 1154 г. «отдельно от Мономаховой церкви», возле нее¹⁶. М. А. Максимович

⁶ Ипат. лет. под 6655 (1147) годом.

⁷ Там же, под 6657 (1149) годом.

⁸ Ипат. лет. под 6660 (1152) годом.

⁹ Лавр. лет. под 6625 (1117) годом. В Ипатьевской летописи под 6625 (1117) годом уточнено место постройки: «Того же лета... Володимер и церковь заложил на Лте мученику». Ср. также известия о постройке церкви Бориса и Глеба в Льв., Рогож., Никон. и Густ. лет. под тем же годом.

¹⁰ Лавр. лет. под 6633 (1125) годом; ср. Воскр. лет. под 6633 (1125) годом, где сказано: «преставился же ся на Лте у любовныя ему церкви...» и Степенную книгу: «...всегда си во умилении препровождая дни своя и у любовныя ему церкви, иже на Альте св. мученик Бориса и Глеба пребывая...» (л. 333 об.—334).

¹¹ Лавр. лет. под 6633 (1125) годом; ср. Воскр. лет. под 6633 (1125) годом: «...церковь воздвиже прекрасну на Лте, камением составлену».

¹² Лавр. лет. под 6662 (1154) годом; то же известие в Льв. лет. и Лет. Переяславля-Суздальского под тем же годом.

¹³ Ипат. лет. под 6662 (1154) годом.

¹⁴ Ник. лет. под 6662 (1154) годом.

¹⁵ Арцыбушев. Повествование о России, т. I, стр. 68, 152.

¹⁶ М. А. Максимович. Сказание о празднике св. Бориса под Переяславлем. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, стр. 33, прим. 1.

ссылался на то, что «в Киевской и многих других русских летописях Мономахова церковь и божница Летская различаются явственно»¹⁷. Текст Лаврентьевской летописи, с пропуском союза «и» после слова «божницу», он считал испорченным переписчиками, полагая к тому же невероятным, чтобы великолепная каменная церковь называлась «божницею»¹⁸.

Мнение М. А. Максимовича справедливо опровергал А. В. Стороженко, считая текст Лаврентьевской летописи более точным и первоначальным¹⁹. Полагая, что значение слова «божница» (для XII века) позволяет считать Летскую божницу храмом Бориса и Глеба, выстроенным Владимиром Мономахом на Лыте, А. В. Стороженко утверждал, что позднейшие переписчики, утратившие понимание слова «божница» и находившие, что прекрасная каменная церковь Мономаха не могла называться «божницею» (т. е., по их представлению, — часовней), добавили после слова «божницу» союз «и», тем самым превратив Летскую божницу и Мономахову церковь в два отдельных, самостоятельных сооружения. Составитель Никоновской летописи пошел в этом отношении еще дальше, назвав Мономахову церковь монастырем²⁰.

К соображениям А. В. Стороженко, высказанным в общей форме, можно добавить, что слово «божница» в текстах древних летописей не раз употреблено в отношении к монументальным каменным постройкам. Так, в летописном рассказе о событиях 1152 года в Галиче «божницею св. Спаса» названа церковь на княжьем дворе, связанная переходом с дворцом («...и якоже съеха Петр с княжа двора и Володимер поиде к божнице к святому Спасу на вечернюю и якоже бы на переходех до божницы и ту види Петра едуща и поругася ему...»)²¹.

«Божницею» же названы в 1175 г. дворцовый белокаменный храм в Боголюбове [«...внесоша и (убитого князя Андрея.— М. К.) в божницу, певше над нимъ, вложиша ѿ в гроб каменъ»]²² и маленький храм Остерского городка («...разведоша Городок Гюргеви и пожгоша ѿ и божницу же св. Михаила, верх бяше нарублен деревом»)²³. «Новгородской божницей» называет Киевская летопись церковь Михаила, стоявшую в Киеве на Подоле²⁴. В Киеве же упоминается «Турова божница», около которой собирается киевское вече в 1146 г. («...и скупышася вси кияне у Туровы божницы»)²⁵.

В Новгородской I летописи слово «божница» употреблено по отношению к большому соборному храму Антониева монастыря («испсаша божницу Антонову в монастыре»)²⁶.

III

После 1154 г. Летская божница Бориса и Глеба и самое урочище Лыто в летописях не упоминаются.

Несмотря на достаточную топографическую точность летописных рассказов о многочисленных событиях на Лыте, вопрос о локализации этого исторического урочища, а тем самым и вопрос о местонахождении Монома-

¹⁷ М. А. Максимович. Сказание о празднике св. Бориса под Переяславом. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, стр. 33, прим. 1.

¹⁸ Там же. Лишь в качестве курьеза можно вспомнить мнение Евгения Болховитинова, считавшего Летскую божницу за польскую (лятскую) католическую наплічку. «Описание Киево-Софийского собора». Киев, 1825, стр. 62.

¹⁹ А. В. Стороженко. Очерки Переяславской старины. Исследования, документы и заметки. Киев, 1900, стр. 22.

²⁰ А. В. Стороженко. Ук. соч., стр. 22—23.

²¹ Ипат. лет. под 6660 (1152) годом.

²² Лавр. лет. под 6683 (1175) годом.

²³ Ипат. лет. под 6660 (1152) годом.

²⁴ Там же, под 6655 (1147) годом.

²⁵ Там же под 6654 (1146) годом.

²⁶ Новг. I лет. под 6633 (1125) годом.

ховой божницы, вызывал различные толкования. Так, М. А. Максимович полагал, что Летское поле, Мономахова церковь Бориса и Глеба и Летская божница, которую он, как отмечалось выше, считал самостоятельной постройкой, находились в трех километрах от г. Переяслава в районе сел Борисовка и Глебовка²⁷. Это мнение было основано на достаточно древней, хотя и ошибочной, традиции. Еще в 1660 г. киево-межигорские монахи получили от царя Алексея Михайловича грамоту на построение монастыря «на крови св. Бориса» — недалеко от г. Переяслава, на левом берегу р. Ильтицы²⁸. В 1664 г. переяславский протопоп Г. Ф. Бутович и стрелецкий голова С. К. Белый водрузили там каменный крест, отметив им предполагаемое место смерти кн. Бориса²⁹. Традиция эта была надолго закреплена в 1839 г., когда возле креста была сооружена каменная церковь во имя Бориса и Глеба, считавшаяся храмом «на крови»³⁰.

В 90-х годах XIX в. в собрании актов Киевской археографической комиссии делопроизводителем этой Комиссии О. И. Левицким была обнаружена «Выпись из книг земских воеводства Киевского от 30 июня 1629 г.», опубликованная вскоре А. В. Стороженко³¹. Найденная выпись представляет собою жалобу игумена киевского Пустынно-Никольского монастыря Серапиона Бельского с братиею, которые вели процесс с Софией Станиславовной Данилович, урожденной Жолкевской, из-за земель на левой стороне Днепра, принадлежавших монастырю и незаконно присвоенных ее отцом, коронным канцлером Станиславом Жолкевским. В жалобе упоминается «двор на кпрунте церковном Полукняжевском в окопе, албо в вале Полукнязском, в котором и церковь спустошонная на крве, где княжати русского, именем Бориса Володимеровича, забито, змурованая и до сего часу стоит»³². По словам жалобы, Жолкевский «коло того валу, церкве и дворца, через себе збудованое местечко осадил и Барышподем назвал»³³.

Из жалобы монахов Пустынно-Никольского монастыря явствует, что с. Борисполь, расположенное ныне на полпути из Киева в Переяслав-Хмельницкий, в конце XVI—начале XVII в. называлось «кгрунтом Полукняжевским». Купленное монастырем у толмача Солтана Албеевича более чем за сто лет до 1629 г., оно было захвачено коронным канцлером Станиславом Жолкевским, который основал здесь местечко, назвав его Борисполем. В 1629 г. тут существовал еще не только «окоп, или вал Полукнязевский», но и руины древнего каменного храма, построенного Владимиром Мономахом. Около церкви находился «дворец», т. е., повидимому, двор, усадьба с постройками, среди которых, возможно, были и остатки древних построек Мономаха.

Драгоценные сведения, почерпнутые из выписи 1629 года, можно дополнить известием, сообщенным Павлом Алеппским, сопровождавшим патриарха Макария в его путешествии по России и Украине в середине XVII в. Павел Алеппский писал: «Во вторник, в полдень, проехав пять миль, мы прибыли в торговое местечко, с цитаделью и укреплениями, по имени Борисполь, т. е. город Бориса, сына царя Владимира. Как рассказывают,

²⁷ М. А. Максимович. Ук. соч., стр. 330—339. Вслед за М. А. Максимовичем с. Борисовку ошибочно отождествлял с древним урочищем Лыто И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская старина», Смоленск, 1909, стр. 197.

²⁸ М. А. Максимович. Ук. соч., стр. 336.

²⁹ Там же, стр. 335—336.

³⁰ Там же, стр. 337; см. также А. В. Стороженко. Ук. соч., стр. 31—32.

³¹ А. В. Стороженко. К истории местечка Борисполя Полтавской губернии. «Киевская старина», Киев, 1897, т. LVI, март, стр. 509—518; его же. Очерки Переяславской старины, стр. 24—30. Все дальнейшие ссылки — на последнее издание.

³² А. В. Стороженко. Ук. соч., стр. 25.

³³ Там же, стр. 25—26.

в нем была большая древняя каменная церковь во имя св. Глеба мученика, другого сына царя Владимира; ее разрушили ляхи и увезли ее камни, дерево и железо в Киев, где выстроили из них большую новую церковь, о коей мы раньше упоминали, но с ней им не посчастливилось...»³⁴.

IV

Село Борисполь вплоть до недавнего времени не привлекало серьезного внимания археологов, хотя еще в самом начале XIX в., значительно ранее опубликования упомянутого выше архивного документа, с Борисполем была связана одна из первых находок серебряников Владимира с надписью «Владимир на столе, а се его серебро»³⁵.

В середине XIX в. при постройке новой церкви Бориса и Глеба в Борисполе был открыт фундамент из дикого камня какого-то древнего храма³⁶.

В 1925 г. в Борисполе были произведены небольшие разведочные раскопки. В четырех траншеях, заложенных вдоль Михайловского переулка, соседнего с Борисоглебской церковью, у южной апсиды и во дворе церковной усадьбы были обнаружены наряду с многочисленными вещами XVII—XVIII вв. и вещи «великокняжеской» поры, в частности, обломки шифера, керамика, шиферные пряслица и др. В траншее, заложенной в Михайловском переулке, на глубине 2,45 м открыты следы пожара (слой угля, золы, обожженной земли) и остатки фундамента какой-то постройки, сложенного из больших камней красного песчаника. Ввиду незначительности раскрытой площади план и характер этой постройки не были выяснены.

В августе 1950 г. Киевской экспедицией ИИМК АН СССР, при участии Государственного Эрмитажа, под руководством автора настоящей статьи на территории Борисполя были произведены раскопки разведочного характера.

Церковь, выстроенная в XIX в. на месте древних фундаментов, разобрана в 1930-х годах. Раскопки были крайне затруднены мощным слоем строительного мусора, а также тем, что значительные части фундаментов этой постройки остались невыбранными. На месте разобранной церкви XIX в. удалось обнаружить лишь очень плохо сохранившиеся следы древнего храма. При закладке глубоких фундаментов новой церкви были, повидимому, почти полностью уничтожены не только остатки стен и фундаменты древнего храма, но в значительной мере и фундаментные рвы, которые удалось проследить лишь на незначительных участках.

Разведочные раскопы на площади новой церкви и ее окружения привели к заключению, что восстановить план древнего храма невозможно. Площадь древнего храма, повидимому, была меньше, вследствие чего все его части оказались внутри габаритов новой церкви и были в основном разрушены. Однако и разрушенные, смещенные с первоначального места части здания, в изобилии обнаруженные раскопками, представляют значительный интерес для реконструкции древнего архитектурного облика мономаховой божницы.

В огромном количестве найдены блоки разбитой бутовой кладки фундаментов из очень хрупкого, легко рассыпавшегося песчаника серого или

³⁴ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в полов. XVII в., вып. IV. М., 1898, стр. 189—190.

³⁵ П. Кеппен. Список русским памятникам. М., 1822, стр. 2; «Труды Московского Об-ва истории», т. III, кн. 1, стр. 198.

³⁶ А. В. Богданович. Сборник сведений о Полтавской губернии. Полтава. 1877, стр. 151.

бурого цвета. Сделана она была на растворе извести с примесью речного песка.

Характерная особенность состава известкового раствора в фундаментных частях Летской божницы — полное отсутствие цемьянки (толченого кирпича) — не является неожиданной. Среди памятников киевского зодчества второй половины XI в., тщательно исследованных нами за последние годы, эта своеобразная черта строительной техники встречена дважды. Наличие фундаментов, сложенных на растворе извести с примесью речного песка (без добавки цемьянки), установлено раскопками собора Выдубицкого монастыря³⁷ и развалин храма Бориса и Глеба в Вышгороде³⁸. Фундаменты этого типа резко отличаются своим серым цветом, отчасти напоминающим цементный раствор, от розовато-кремовых растворов извести с цемьянкой, столь характерных для построек домонгольской поры киевского зодчества.

Особый интерес вызывает вопрос о технике кладки стен мономаховой божницы. Нужно вспомнить, что постройка храма относится к 1117 г., т. е. к той поре киевского зодчества, когда старую технику смешанной кладки («opus mixtum») сменяла новая техника равнослойной кирпичной кладки. Большое значение для истории киевского строительного искусства представляет решение вопроса — когда древняя техника, характерная для построек X—XI вв., окончательно уступила свое место новой технике равнослойной кирпичной кладки. До настоящего времени мы располагаем точно датированными памятниками, выстроенными в новой технике, лишь начиная с 30—40-х годов XII в.

К сожалению, мономахова божница на Лыте не дала бесспорных данных о характере кладки. Среди многочисленных строительных материалов не удалось найти ни одного крупного блока кладки стен.

Кирпичи, найденные в значительном количестве в развалинах божницы, относятся к двум различным типам. Преобладают плоские прекрасного обжига кирпичи, толщиной 3—3,5 см³⁹; однако наряду с ними встречается и другой тип, толщиной около 5 см. На многих кирпичах сохранились куски приставшего к ним известкового раствора с примесью цемьянки. Как и в отмеченных выше двух других постройках XI в., известковый раствор без примеси был применен в Летской божнице только в бутовой кладке фундаментов, тогда как в кладке стен использован раствор с цемьянкой.

Наряду с обломками кирпичей найдены характерные небольшие, обработанные в виде продолговатых брусков блоки песчаника, на которых местами сохранились куски приставшего к ним известкового раствора с примесью цемьянки, что свидетельствует о применении их в кладке стен, а не фундаментов. Какую роль играли эти бруски и, в частности, не представляли ли они рядов, чередовавшихся с рядами кирпича, — установить не удалось.

Среди строительных материалов, найденных в развалинах божницы, необходимо также отметить крупные куски шиферных плит, обломки квадратных керамических половых плиток, покрытых одноцветной полизой (12 × 12 × 1,5 см), куски известкового раствора с примесью цемьянки и незначительные фрагменты штукатурки с фресковой росписью. Следует упомянуть также о больших кусках свинцовой кровли, расплавившейся от пожара, и осколки круглых оконных стекол. В завале строительных остатков божницы были найдены обломки древнего бронзового колокола, несомненно, принадлежавшего когда-то храму.

³⁷ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева (1938—1947). Киев, 1950, стр. 156.

³⁸ М. К. Каргер. Вышгородский храм-усыпальница Бориса и Глеба. СА, т. XVI.

³⁹ Ввиду того, что среди найденных при раскопках строительных материалов целых кирпичей не было, установить их размеры не представляется возможным. Узкая сторона кирпича 21,5 см.

Разведочными раскопами, заложенными к югу от развалин храма, обнаружен глубокий ров, повидимому, ограждавший некогда укрепленный двор Владимира Мономаха на Лыте. Никаких следов древних жилых или хозяйственных построек найти пока не удалось.

V

Несмотря на то, что раскопками обнаружены лишь жалкие обломки Летской божницы Мономаха, не дающие возможности реконструировать архитектурный облик этого любопытного памятника в целом,— все же и те материалы, которые собраны в результате тщательных наблюдений в процессе раскопок, безусловно, вносят ценные новые черты в характеристику киевского зодчества первой четверти XII в.

Летская божница принадлежала, повидимому, к тому типу малых каменных храмов, поиски которого киевские зодчие начали в ту пору, когда в официальной, парадной архитектуре еще господствовали монументальные сооружения, продолжавшие и развивавшие архитектурные традиции середины и второй половины XI в. Наряду с монументальными сооружениями, типичными для официального строительства внуков и правнуков Ярослава, в зодчестве конца XI и начала XII в. может быть прослежена вторая линия, характерная для частного, вотчинного строительства, памятники которого дошли до нас в очень незначительном количестве.

Именно к этому типу малых, скромных по своему облику построек княжой вотчины необходимо отнести известную Остерскую божницу Михаила, которую до последнего времени было принято связывать, без особых к тому оснований, со строительной деятельностью Юрия Долгорукого и тем самым относить ее к середине XII в. В действительности этот своеобразный скромный храм, несомненно, принадлежит к числу построек Владимира Мономаха, о чем убедительно свидетельствует типичная для XI в. кладка стен в технике «opus mixtum». Хорошо известная историческая судьба Остерского городка, столь часто упоминаемого в летописи, отнюдь не противоречит высказанным здесь соображениям. Хотя прямых известий о постройке Остерской божницы нет, но летописное сообщение под 1098 годом о закладке Владимиром Мономахом города «на Вьстри»⁴⁰, повидимому, может служить указанием и на время постройки храма.

Нельзя не отметить, что и фресковая роспись, сохранившаяся до наших дней в апсиде Остерского храма, обнаруживает немало архаичных черт, которые не позволяют отнести ее к середине XII в. Особенно ярко связь с более ранними памятниками монументальной живописи Киевской Руси сказывается в орнаментальных мотивах остерской росписи. Совершенно справедливо исследователь этих фресок Н. Макаренко утверждал, что вся орнаментальная роспись божницы «и в своих основных чертах, и в мельчайших деталях, до колорита включительно, имеет ближайшие аналогии в таких же росписях Киево-Софийского собора»⁴¹.

Н. Макаренко колебался в уточнении даты Остерской божницы. Ошибочно полагая, что технические особенности кладки стен храма характерны для древнерусских каменных построек всей «дотатарской эпохи» в целом, он относил постройку храма к периоду от 1098 до 1152 г., считая его сооружением либо сына Владимира Мономаха, суздальского князя Юрия Долгорукого, называвшего церковь своей божницей [«оже есте мои Городецъ пожгли (и божницу), то я ся тому отожду противу...»], либо сооружением

⁴⁰ «Того же лета заложи Володимер Мономах город на Вьстри». Ипат. лет. под 6606 (1098) годом.

⁴¹ Н. Макаренко. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. «Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой», М., 1916, стр. 400.

Владимира Мономаха, построившего церковь одновременно с устройством Городца в 1098 г.⁴²

В более поздней статье, посвященной фресковой росписи Остерской божницы, Н. Макаренко повторил дословно изложенные выше соображения относительно датировки храма, однако высказался более решительно в пользу принадлежности божницы к числу построек Юрия, отнеся ее ко времени между 1120 и 1152 гг.⁴³

Летская божница, выстроенная Владимиром Мономахом, вероятно, несколько позже Остерской, быть может, повторяла ее по своему общему облику. Обе постройки, близкие по своему назначению («храм загородная княжая вотчина»), вероятно, схожие и по архитектурному облику, не случайно были известны современникам под аналогичными названиями «божниц».

---

⁴² Н. Макаренко. Ук. соч., стр. 403.

⁴³ М. Макаренко. Старгородська божниця та її малювання. Чернигіа і північне лівобережжя. Київ, 1928, стр. 206.

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА и В. В. КРОПОТКИН

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ, РАСПРОСТРАНЕНИИ
 И ДАТИРОВКЕ СТЕКЛЯННЫХ БРАСЛЕТОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

(Доклад, прочитанный в секторе славяно-русской археологии ИИМК
 10 апреля 1952 г.)

Стеклянные браслеты были излюбленным украшением древнерусских горожанок. А. В. Арциховский впервые в русской археологической литературе отметил редкие находки стеклянных браслетов в деревенских курганах XI—XIV вв.¹ (рис. 1). Впоследствии, вернувшись к этой теме, он объяснил наличие стеклянных браслетов в подмосковных курганах в Филях (голубой ребристый браслет) и Мякинине (фиолетовый ложновитой) близостью к городу, городским характером погребений². Теперь стеклянные браслеты найдены в культурном слое XII—XIII вв. на территории посада древней Москвы. При раскопках в Зарядье на берегу Москвы-реки обнаружены немногочисленные обломки стеклянных браслетов (синего витого и гладкого зеленого)³. А. В. Арциховский отметил также находку стеклянного фиолетового ложновитого браслета в одном из Пронских курганов (раскопки А. И. Черепнина 1897 г.)⁴.

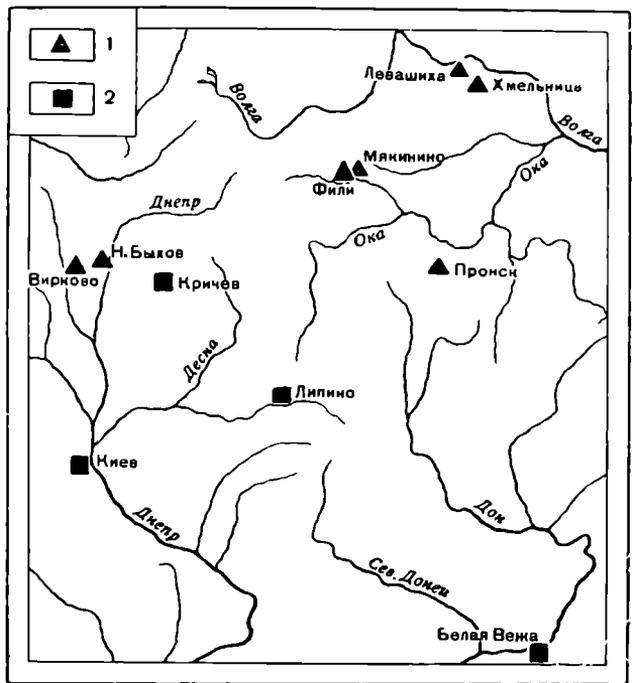

Рис. 1. Карта находок стеклянных браслетов в курганах и городских погребениях X—XIII вв. 1—находки в курганах; 2—находки в городских могильниках (раскопки А. И. Черепнина 1897 г.)⁴.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 26—27.

² А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7, стр. 18—19; его же, Курганы вятичей, стр. 193, № 203; М. В. Городцов, Вятические курганные погребения близ деревни Мякининой; Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 546.

³ М. Г. Рабинович. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе. КСИИМК, вып. XXXVIII, стр. 49, рис. 23, 4 и 5.

⁴ А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы, стр. 19; А. И. Черепнин. Раскопки Пронских курганов. «Археологические известия и заметки», 1898, № 1, стр. 15.

Нам известно еще несколько находок стеклянных браслетов в деревянных погребениях кривичей, дреговичей и радимичей (XI—XII вв.). В 1892 г. В. Э. Завитневич раскопал в урочище Семибраты близ дер. Вирково Бобруйской обл. несколько курганов, в одном из которых (№ 104 по дневнику Завитневича) обнаружено четыре стеклянных браслета: два синих и два черных⁵. Курган имел в высоту 1,32 м, диаметр 9,3 м. На горизонте найдено детское погребение; инвентарь — лунница и различные бусы. В яме на глубине 1,15 м обнаружено основное захоронение: два костяка — мужской и женский. Ориентировка их западная, вокруг костяков сохранились следы дерева от гроба. Инвентарь женского погребения сравнительно богат: височные кольца с заходящими концами и перстнеобразные, сомкнутые; ожерелье из крупнозернистых бус, двух коньков и монетообразной привески. На руках были надеты упомянутые выше стеклянные браслеты.

Летописи не указывают где-либо поблизости ни одного городского центра⁶, но вполне возможно, что эта курганная группа расположена недалеко от неизвестного нам древнерусского городища.

На правом берегу Днепра в районе Нового Быхова Могилевской обл. Е. Р. Романовым раскопан курган (высота 2 м, диаметр 10 м), в котором обнаружены обломки стеклянного браслета⁷. Женское погребение здесь было расположено на горизонте, под костяком отмечена подсыпка из песка, а по сторонам — остатки обугленного дерева от неполного трупосожжения. Погребальный инвентарь состоял из обломков упомянутого браслета, двух бронзовых несомкнутых перстней, колечка и различных бус: сердоликовых, коралловых, позолоченных и посеребренных стеклянных, гладких и граненых. Найдены также остатки шелковой ткани. Дата погребения, судя по стеклянным позолоченным и посеребренным бусам, — XI—XIII в.⁸

Обломки многочисленных стеклянных браслетов из разнообразного стекла обнаружены Фурсовым и Чоловским при раскопках Кричевского «кургана». Курган (№ 52), на котором построена церковь, раскопан не целиком и, по словам исследователей, «представляет древнее кладбище в два яруса». Скелеты находились очень близко друг от друга, в разнообразных положениях, но преобладала западная ориентировка. При раскопках нижнего яруса найдены: витой бронзовый браслет, несколько железных ножей и каменная бусина. В верхнем ярусе обнаружены: бронзовый перстень с вензелем, небольшие ножницы, несколько ножей, маленький сосуд и много обломков витых стеклянных браслетов. Обломки разбитых горшков встречались в большом количестве по всем направлениям⁹. По описанию трудно судить, что представляет собою памятник: может быть, это не курган, а городище, на котором совершались захоронения. Если стеклянные браслеты и вещи относятся к описанным погребениям, то курган, по нашему мнению, может служить интересной аналогией знаменитому городскому могильнику Белой Вежи.

Находки стеклянных браслетов известны в костромских курганах кривичей в д. Хмельница (курган № 2) и в с. Левашиха (курган № 4). Высота последнего 4,38 м, диаметр 6 м. Он содержал трупосожжение в насыпи на глубине 2 м от вершины. По мнению Ф. Д. Нефедова, сожжение было совершено в ладье. В кострище обнаружены обломки черного мелкорубчатого

⁵ В. Э. Завитневич. Дневник раскопок в Бобруйском уезде Минской губ. в 1892 г. ДАК, 1892, № 69, л. 21.

⁶ «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948. Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси (составил Б. А. Рыбаков).

⁷ Е. Р. Романов. Археологические разведки в Могилевской губернии. Вильна, 1912, стр. 7.

⁸ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 139.

⁹ Фурсов и Чоловский. Дневник раскопок в пяти уездах Могилевской губернии. Могилев, 1892, стр. 33.

стеклянного браслета и фрагменты витого металлического¹⁰. В интересующем нас кургане близ д. Хмельницы (высота 1,12 м; диаметр 7,0 м) погребение было совершено на горизонте, ориентировка западная. При костяке обнаружены серебряные височные кольца, железный нож, половина синего ложновитого стеклянного браслета и пластинчатый бронзовый¹¹. По сообщению Р. Л. Розенфельдта, в с. Липино Липинского района Курской обл. в одном из погребений бескурганного могильника XII в., обнаруженного в культурном слое на краю Липинского селища, найдены три стеклянных браслета: два гладких синих и один ложновитой фиолетовой¹². Находки стеклянных браслетов в городских погребениях обычны, но далеко не повсеместны. В Киеве в женских погребениях конца X—XI вв. встречены находки стеклянных браслетов или их обломки¹³. При раскопках городского могильника Белой Вежи на Дону многие женские погребения также содержали стеклянные браслеты¹⁴.

Совсем недавно считали, что стеклянные браслеты производились на Руси только в Киеве, где была открыта большая мастерская по их изготовлению. Отсюда, по мнению Б. А. Рыбакова, мелкие торговцы-коробейники развозили их по широким просторам русских земель¹⁵. Но предположение Б. А. Рыбакова маловероятно. Огромное количество обломков стеклянных браслетов, находимых на территории от Днестра до Белоозера, от Старой Ладogi до Тмутаракани в культурных слоях древнерусских городов, наталкивает на мысль, что были различные местные центры производства стеклянных браслетов, перстней и бус. Новые раскопки подтверждают это мнение и позволяют внести существенную поправку в яркую и увлекательную картину развития древнерусского ремесла, нарисованную Б. А. Рыбаковым.

Раскопки М. В. Фехнер в Костроме в 1951 г. открыли производственные остатки, которые, по ее мнению, «дает возможность говорить о существовании в домонгольской Костроме специальной мастерской стеклянных браслетов. Настоящая находка приобретает тем большее значение, что, кроме Киева (раскопки Хвойко) и Колодяжина (раскопки Гончарова), стеклоделательные мастерские до сих пор не были обнаружены ни в одном из древнерусских городов»¹⁶. Присутствие стеклянных браслетов в костромских курганах теперь получает простое и убедительное объяснение: их не нужно было везти из далекого Киева, они производились в ближайшем городском центре и отсюда проникали в деревню.

Если в дальнейшем будут установлены локальные варианты стеклянных браслетов и бус, то предположение о нескольких центрах их производства в древней Руси станет окончательно доказанным. Локальные особенности стеклянных браслетов в Белой Веже отмечены М. И. Артамоновым, который пишет, что «по сравнению с круглыми и витыми браслетами особенно много имеется пластинчатых, темносиних или черных, украшенных цветным узором на наружной стороне»¹⁷.

Стеклянные браслеты из Белой Вежи близки браслетам из средневековых слоев Тмутаракани и Херсонеса (Курсуни), где пластинчатые брас-

¹⁰ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. В кн.: «Материалы по археологии восточных губерний», т. III. М., 1899, стр. 166, табл. 1, 23.

¹¹ Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., стр. 213, табл. 1, 22.

¹² Материал не опубликован (хранится в Курском музее).

¹³ Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, 1949, стр. 115—116; М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание. СА, т. XI, стр. 67, 78, рис. 14.

¹⁴ «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 198, а также табл. XXXI, 2, и табл. XXXII.

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 459, 460, 465 и 469.

¹⁶ М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, вып. XLVII, стр. 106.

¹⁷ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, стр. 17.

леты с цветным узором встречены в большом количестве. В причерноморских городах распространены также синие браслеты с ребром на внешней поверхности.

Обломок синего пластинчатого браслета с красной полоской на наружной стороне найден в средневековом слое небольшого поселения, расположенного к востоку от Таманского городища — русской Тмутаракани (раскопки В. Д. Блаватского, 1950 г., материалы хранятся в ГИМ).

Возможно, что каждый более или менее крупный древнерусский город имел собственное производство стеклянных браслетов, перстней и бус. Во всяком случае это предположение очень вероятно для таких больших городов, как Новгород или Старая Рязань. Необходимо отметить, что стеклянные браслеты на Болгарском городище встречены в слоях XIII—XIV вв., что расширяет хронологические рамки их существования¹⁸. При раскопках в Болгаре в 1951 г. стеклянные браслеты найдены в золотоордынском слое в таком месте, где домонгольский слой отсутствует совершенно, что доказывает существование стеклянных браслетов в Болгаре после монгольского нашествия во второй половине XIII и XIV в.¹⁹ В Новгороде, который, как и другие города северо-западной Руси, не подвергся монгольскому разорению, производство стеклянных браслетов сохранялось, повидимому, во второй половине XIII и начале XIV в. При раскопках на Славне находки стеклянных браслетов отмечены сразу под строительным слоем стены посадника Федора 1335 г.²⁰ Курганы под Москвой, в которых найдены стеклянные браслеты, по классификации А. В. Арциховского датируются второй половиной XIII — началом XIV в.²¹

Б. А. Рыбаков высказал предположение, что находки оружия и городских ремесленных изделий в древнерусских деревенских курганах XI—XIII вв. могут свидетельствовать о захоронении представителей княжеской или боярской администрации, младших дружинников князя или их жен, располагавшихся «по селам» и выполнявших там различные функции управления²². Это предположение очень интересно, вряд ли только младшая дружина обычно располагалась «по селам». Многочисленные свидетельства русских летописей о княжеских и боярских дружинах позволяют нам думать, что младшие дружинники (отроки, детские), как правило, находились при князе, будучи участниками всех его предприятий и походов. Отроки и детские — это защитники, телохранители князя или боярина, своего рода личная гвардия феодала.

Обычное выражение летописца «в мале дружине», повидимому, означало «с младшей дружиной».

Отдельные представители младшей дружины, без сомнения, назначались князем по городам, селам и погостам в качестве представителей княжеской власти и постепенно оседали на землю, тем самым отрываясь от своего прежнего социального положения. Сравнительно бедные курганные погребения с оружием и отдельными городскими изделиями вряд ли могли принадлежать младшей дружине. Во-первых, дружинники были, без сомнения, христианами и вряд ли их погребали в XII—XIII вв. по курганному обряду. Во-вторых, оружие встречается преимущественно в курганах IX—XI вв. у новгородских словен и кривичей, т. е. пограничных славянских племен, которые колонизировали значительную территорию соседних племен, и их военный быт отразился в их погребальном обряде. В курганах

¹⁸ А. П. Смирнов. Волжские Булгары. Тр. ГИМ, вып. XIX, 1951, стр. 177.

¹⁹ Материалы не опубликованы. За любезное указание А. П. Смирнова приносим ему глубокую благодарность.

²⁰ А. В. Арциховский. Археологические открытия в Новгороде. «Вестник АН СССР», 1951, № 12, стр. 61; его же. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 124.

²¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 183 и 193.

²² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 121, 462—464.

вятичей XII—XIV вв. оружие, столь обычное у их соседей — кривичей, не встречается совершенно, хотя изделия городского ремесла, в том числе стеклянные браслеты и перстни, бусы, шиферные пряслица и т. д., находятся повсеместно. В русской деревне X—XIII вв. происходил медленный процесс социального расслоения и разложения сельской общины. Повидимому, феодалы использовали в своих интересах и зажиточную верхушку сельской общины для выполнения некоторых административных функций и эксплуатации рядового деревенского населения — смердов.

Социальное расслоение в деревне X—XIII вв. находит отражение в курганном археологическом материале. Более тесные связи зажиточной части сельской общины с городом не могут, по нашему мнению, вызывать сомнений. Находки стеклянных браслетов в древнерусских курганах XI—XIII вв. являются интересной иллюстрацией проникновения изделий городского ремесла в деревню и одновременно показателем усилившегося разложения сельской общины.

А. Ф. МЕДВЕДЕВ

К ИСТОРИИ КОЛЬЧУГИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вопрос о применении оборонительных доспехов племенами и народами Восточной Европы в древности и в средние века имеет большое значение для выяснения причин и времени появления того или другого вида наступательного оружия.

Оборонительное и наступательное оружие развивается и совершенствуется в постоянной взаимосвязи с древнейших времен до наших дней.

В данной статье мы останавливаемся на историко-археологических сведениях, относящихся к одному из видов оборонительных доспехов, изготовлявшихся и широко применявшихся в древней Руси,— к кольчуге. До настоящего времени история оборонительных доспехов в должной степени не освещена, вопрос же о появлении и употреблении железной кольчуги на территории Восточной Европы и в древней Руси имеет для нас особое значение, поскольку история, распространение и развитие этого вида оборонительных доспехов в древней Руси находились в тесной взаимосвязи с историей, распространением и техническим усовершенствованием железных наконечников древнерусских стрел, копий и т. д.

Изучение наступательного оружия, будь то копья, мечи, сабли или стрелы, должно вестись с учетом этой взаимосвязи. Только при таком подходе возможно понимание и правильное освещение многих сторон истории определенного вида оружия и взаимоотношений его формы и технических особенностей с функциональным назначением. Само собой разумеется, что не только тип оборонительных доспехов влиял на развитие и формы наступательного оружия. Функциональное назначение различных видов наконечников стрел древней Руси определялось и другими важными факторами и явлениями, также тесно связанными с формой и назначением наступательного оружия и постоянно на них влиявшими (например, вид военного строя и т. п.). Разнообразные факты, относящиеся к истории появления кольчуги, опровергают измышления норманистов и других буржуазных фальсификаторов истории, старавшихся принизить роль русской культуры, ее самобытность и высокий уровень развития в домонгольский период.

Время появления оборонительных доспехов у племен и народов Восточной Европы точно установить пока не удастся. Применявшиеся в ранний период истории кожаные или деревянные панцыри до нас не дошли. Возможно, что древнейшими доспехами были плетеные из веревок с деревянными нашивками панцыри.

Достоверно известно, что скифы уже на раннем этапе (VII в. до н. э.) применяли доспехи из кожи, иногда с металлическими нашивками. Скифский панцырь имел вид безрукавной кожаной рубашки с нашитыми

чешуйчатыми бронзовыми и железными пластинами¹. В V в. до н. э. к панцырю добавился наборный пояс из кожи с нашитыми на него бронзовыми и железными чешуйками, а затем появились и чешуйчатые же поножи, прикрывавшие голени и бедра². Естественно, что металлические панцыри могли иметь лишь наиболее состоятельные скифские воины, рядовые же воины употребляли, повидимому, более простые кожаные или матерчатые.

Оборонительные доспехи сарматов мало чем отличались от скифских. Здесь наблюдается лишь большее разнообразие³; тяжелые железные и бронзовые чешуйчатые панцыри сочетаются с гораздо более распространенными более легкими кожаными и костными чешуйчатыми панцырями.

У Павсания имеется очень интересное описание устройства современных ему сарматских панцырей, один из которых находился в храме Асклепия (бог врачевания) в Афинах. Автор сравнивает сарматские панцыри по внешнему виду с сосновой шишкой. Пластинки для панцырей сарматы делают из лошадиных копыт. «Пробуравив их (пластинки.— А. М.) и связав жилами лошадей или быков, они пользуются этими панцырями, ничуть не менее красивыми, чем эллинские, и ничуть не менее прочными: они хорошо выдерживают удары мечами и копьями в рукопашном бою»⁴. По словам Павсания, сарматы, из-за недостатка у них железа, широко использовали кость.

Дальнейшее усовершенствование наступательного оружия, копий и железных наконечников стрел, которые могли пробивать такие доспехи, привело к тому, что уже в сарматский период на территории Восточной Европы появились железные кольчужные доспехи⁵, надежно прикрывавшие тело от ударов и значительно более удобные, чем жесткие, стеснявшие движения пластинчатые панцыри. Это нововведение вызвало дальнейшее усовершенствование наконечников копий и стрел, которые становятся более приспособленными для пробивания кольчуги. Появляются железные наконечники стрел с массивной, но узкой трехлопастной, а затем трех- и четырехгранной головкой. Железная кольчуга как оборонительный доспех употреблялась не только в сарматский период, она использовалась народами Восточной Европы в эпоху переселения и позднее, вплоть до IX—X вв., когда широкое применение ее на Руси отмечено письменными источниками.

Использование железной кольчужной брони народами северо-востока Европы в VI—VIII вв. н. э. засвидетельствовано находками кольчуги в уфимских погребениях этого периода⁶. Интересно, что в мужском погребении вместе с кольчугой находились костяная накладка от сложного лука, ошибочно принятая Р. Б. Ахмеровым за деталь колчана, и железный наконечник стрелы. Такой комплекс находок свидетельствует, что погребенный был лучником. Остатки кольчуги и удила обнаружены в кургане VIII—IX вв. близ выселка Пыштайн на Каме⁷.

В VI—IX вв. и на юге европейской территории СССР употребление коль-

¹ Остатки железных, бронзовых и костяных панцырей неоднократно встречались при археологических раскопках на юге европейской части СССР. Они относятся к середине I тысячелетия до н. э. См. ОАК за 1876 год, стр. 114; А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы, т. I, стр. 117; т. II, стр. 133—134, 162 сл., табл. XV, рис. 1; т. III, стр. 60, 109.

² А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов. Автореферат. М.—Л., 1950, стр. 19—20.

³ В. Д. Блаватский. О стратегии и тактике скифов. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 28.

⁴ Павсаний. Описание Эллады, т. I, гл. XXI, 5, 6; гл. XXXI, 6. М., 1938, стр. 57 сл.; А. Бобринский. Ук. соч., т. II, стр. 166, 168; т. III, стр. 75, стр. 84, 90, табл. VIII, рис. 15—21.

⁵ См., например, В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ. «Тр. Секции археологии РАНИОН», т. IV. М., 1929, стр. 128 сл.

⁶ Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э. КСИИМК, вып. XL, стр. 125—126.

⁷ ОАК за 1900 год. СПб., 1902, стр. 88.

чужной брони зафиксировано неоднократно археологическими находками.

На Северном Кавказе в этот период широко употреблялись железные кольчужные нагрудники. Они часто встречаются в могильниках Северной Осетии; как отмечает Д. Я. Самоквасов, особенно много их в катакомбных погребениях могильника у аула Чми⁸. Возможно, что такие нагрудники являлись лишь частью кольчуг. Интересно отметить, что местная традиция выделки оборонительных доспехов живет здесь очень долго. С VI до XIII в. кольчужные панцыри, повидимому, выделывались местными кузнецами. Применение кольчужных доспехов в период с VI по IX в. зафиксировано археологическими материалами, а от XIII в. сохранились и письменные известия. Вильгельм де Рубрук, побывавший на Северном Кавказе в середине XIII в., сообщает, что из двадцати сопровождавших его татарских воинов лишь двое были в панцырях (повидимому, железных), да и те, как ему заявили, они приобрели от аланов, «которые умеют хорошо изготовлять их и являются отличными кузнецами»⁹.

На коренной территории Восточной Европы древнейшая археологическая находка кольчуги на р. Осколе относится к VIII веку¹⁰.

Оборонительным доспехом на Руси с древнейших времен служила кольчуга, которая в наших летописях носила название брони (бронь, броня). Под этим названием она много раз упоминается во всех русских летописях начиная с X в., и лишь в Московской Руси, как отмечает А. В. Арциховский, входит в употребление слово «кольчуга»¹¹.

Сведения о широком использовании русскими кольчуги, шлема и других оборонительных доспехов мы находим и у византийских военных историков X в. Лев Диакон сообщает, что войска Святослава, осажденные в Доростоле, были защищены кольчужными бронями¹², помимо щитов и шлемов. По его словам, сам Святослав был сбит с ног во время сражения копьем или мечом, но не погиб только потому, что его спасла кольчужная броня¹³. Это прямое свидетельство Льва Диакона об употреблении русскими кольчуги подтверждается многократными находками ее в курганах X в. и последующих веков, а также находками на различных поселениях домонгольского периода, на поселениях или городищах, разрушенных во время монгольского нашествия. Поэтому нужно считать твердо установленным фактом полное соответствие летописной «брони», реально существовавшей на Руси, именно кольчужной броне, ибо никакой другой ни в курганах, ни на поселениях при археологических раскопках не обнаружено¹⁴.

Первое летописное упоминание о броне у русских относится к 968 г., когда воевода Претич подарил в знак примирения печенежскому князю под Киевом бронь, щит и меч¹⁵.

В русских курганах Черниговщины IX—X вв. кольчуги встречались неоднократно и — что для нас особенно важно — в погребениях конных воинов, вооруженных луком и стрелами. Д. Я. Самоквасов при раскопках в Чернигове обнаружил кольчугу в кургане Гульбище на Болдиной горе

⁸ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 178—184, катакомба XIX и др.

⁹ В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, стр. 169; ОАК за 1903 год. СПб., 1906, стр. 75—76, рис. 154.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 232.

¹¹ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 4. М., 1946, стр. 8.

¹² «История» Льва Диакона. Пер. Д. Попова. СПб., 1820, стр. 89 сл.; «Хрестоматия по русской военной истории». М., 1947, стр. 14 и 16.

¹³ Там же, стр. 89 сл.

¹⁴ Описание кольчужных рубашек и других доспехов см.: Э. Ленц. Опись собрания оружия гр. С. Д. Шереметева. СПб., 1895, стр. 3—15, табл. I и II. Остатки пластинчатого панцыря XII—XIII вв. впервые были найдены при раскопках в Новгороде в 1952 году.

¹⁵ Лавр. лет. под 968 годом. ПСРЛ, т. I, изд. 2, 1926, стр. 67.

и остатки двух кольчуг в известном кургане Черная Могила¹⁶. Курган Гульбище относится к концу IX или к началу X в., а Черная Могила, как убедительно доказал Б. А. Рыбаков, — ко времени Святослава¹⁷.

Остатки кольчужных доспехов конца X в. обнаружены и в языческих погребениях Киева. В одном из киевских погребений обрывок кольчуги лежал вместе со стрелами¹⁸. В гнездовских дружинных курганах X в. близ Смоленска найдены не только кольчуги и их обрывки¹⁹, но несколько раз встречены и заготовки колечек, по предположению Б. А. Рыбакова, предназначенные для починки кольчуг во время походов. В одном из гнездовских курганов был погребен и мастер-кольчужник, с инструментом и заготовками колец²⁰. Это погребение свидетельствует о том, что кольчуги выделывались на Руси уже в X в., а возможно, и раньше. Обрывок кольчуги X в. встречен в одном из курганов близ д. Княжое село Новгородской обл.²¹

О широком распространении кольчужной брони в этот и последующий периоды свидетельствуют находки ее в городских слоях и курганах всех областей древней Руси: Новгородской, Суздальской, Рязанской, Черниговской, Смоленской, Киевской и Волынской.

В более позднее время наряду со словом «броня» стало употребляться также и слово «доспех». В Воскресенской летописи доспех упоминается уже в XII в. В летописном рассказе сообщается, что во время усобиц в 1156 г. племянник Юрия Долгорукого Владимир был в доспехе, который и предохранил его от пущенной врагами стрелы. Стрела, вероятно, не пробил доспеха («мало бо захвати, но и то по доспеху»²²). Под 1184 годом упоминается другой случай, когда стрела пробил кольчугу. При осаде великого города волжских болгар внук Юрия Долгорукого Изяслав был тяжело ранен стрелой «сквозе броне»²³.

До нас дошла и сама броня (доспех) этого времени — опять-таки кольчужная, неизменно господствовавшая на Руси с IX в. до конца средневековья — до XVII в. включительно.

В древнем Новгороде при раскопках А. В. Арциховского в 1938 г. на Ярославовом дворище найден хорошо сохранившийся обрывок кольчуги из железных и медных колец, последние составляли как бы оторочку кольчужной рубашки. Диаметр каждого колечка не превышал 1 см²⁴. Эта находка относится к началу XII в. Аналогичные новгородским фрагменты обнаружены в могильнике близ с. Лопьяла Уржумского у. Вятской губ. в 1904 г. Здесь колечки попеременно были спаянные и склепанные, некоторые из них медные²⁵. Повидимому, медные колечки использовались для облегчения процесса изготовления кольчуг. Кольчуги в это время употреблялись в Восточной Европе не только русскими, но и степными кочевниками Юга, возможно, покупавшими их у русских. Крымские татары еще в XVI в. пользовались трофейными персидскими и московскими панцирями²⁶.

¹⁶ Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., стр. 195—197.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, стр. 26—29.

¹⁸ Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, стр. 155.

¹⁹ В. И. Сизов. Гнездовский могильник. МАР, № 28, СПб., 1902; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15. СПб., 1905; его же. Отчет о раскопках в Гнездове И. С. Абрамова. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, 1906; ОАК за 1901 год. СПб., 1903, стр. 111.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 230—231.

²¹ ОАК за 1912 год. П., 1916, стр. 77—78, рис. 87.

²² Воскр. лет. ПСРЛ, т. VII, стр. 65.

²³ Лавр. лет. ПСРЛ, т. I, изд. 2, стр. 389—390.

²⁴ А. В. Арциховский. Раскопки восточной части дворища в Новгороде. МИА, вып. 11, стр. 174—175, рис. 13, а, б.

²⁵ ОАК за 1904 год. СПб., 1907, стр. 107.

²⁶ См. ОАК за 1902 год. СПб., 1904, стр. 132; А. Бобринский. Ук. соч., т. III, стр. 123—124; Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., стр. 225; Мартин Броневский. Описание Крыма. ЗООИД, т. VI, Одесса, 1867, стр. 365.

Употребление кольчужной брони отмечено летописями и для XIII в. В том же Новгороде ее использовали не только в военных походах против внешних врагов, например, против немецких рыцарей²⁷, но даже и во внутренних столкновениях между новгородскими концами. В этом случае броня упоминается и у князей, и у простых воинов, нужно думать, все же у наиболее состоятельных из них²⁸.

От периода монгольского нашествия 1237—1241 гг. до нас дошли многочисленные остатки кольчуг. Они встречены в городах и городках древней Руси, подвергшихся полному и частичному разрушению. Так, на Райковецком городище близ Бердичева, целиком сожженном и разрушенном монголами, «сотни скелетов защитников города и их врагов с оружием и доспехами обнаружены в тех местах, где их застала смерть»²⁹. В. К. Гончаров, опубликовавший материал городища, среди огромного количества различного оружия отмечает и наличие железных кольчуг. На городище были и мастерские, кузницы, где выделывали оружие и орудия труда.

К этому же трагическому для Руси времени относится железная кольчуга с приварившимися, вероятно во время пожара, различными наконечниками стрел, обнаруженная на князем дворе, на так называемом Золотом Току древнего Галича³⁰. Подавляющее большинство кольчуг, найденных на городищах, подобных Райковецкому, безусловно, принадлежало русским воинам, так как у осаждавших татаро-монголов, по свидетельству очевидцев, такие доспехи почти не употреблялись и кольчуги монголы покупали у персов или алан Северного Кавказа³¹. Большинство же татарских воинов, как отмечают Плато Карпини и Рубрук, имели кожаные (или меховые) панцыри. Наиболее состоятельные из монголов обладали кожаными латами, которые были усилены железными полосами, соединявшимися ремнями и пряжками и склеивавшимися в два-три слоя смолой³². Повидимому, по своему устройству они напоминали чешуйчатые панцыри, употреблявшиеся и другими кочевниками Поволжья и Западного Казахстана до XII в. Один из подобных панцырей найден в 1948 г. И. В. Сеницыным в погребении с конем в местности Бек-Бике на оз. Сарайдин³³; он скреплен ремешками так же, как и татарские панцыри.

Нельзя, конечно, отрицать возможности изготовления кольчуги у самих монголов, имевших много пленных ремесленников — алан и русских, среди которых находились, вероятно, и бронники. Известно, например, что в плену у монголов был очень искусный золотых дел русский мастер Кузьма³⁴. Из сообщения Ипатьевской летописи мы знаем, что в середине XIII в. в город Холм бежало из татарского плена много ремесленников, в том числе и кузнецов «железу и меди и серебру»³⁵. Но в татарских курганах находки кольчужных доспехов мне неизвестны.

После XIII в. кольчужные доспехи на Руси упоминаются в летописях³⁶; найдены они в Тушковом городке XIV в.³⁷ и на Куликовом поле. В XV веке их называют чаще просто доспехами.

²⁷ В описании Ледового побоища 1242 г. в Лифляндской рифмованной хронике говорится, что русские «имели луки без числа и много прекрасных кольчуг». См. *Livländische Reimchronik herausgegeben von Franz Pfeiffer*. Stuttgart, 1844, ст. 1214 и 1215. (Перевод А. В. Арциховского, одобренный проф. А. И. Смирницким).

²⁸ Новг. I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 259 и 262, под 1218 и 1220 годами.

²⁹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 20.

³⁰ Я. Пастернак. Старый Галич. Краков—Львов, 1944, стр. 183—187.

³¹ В. де Рубрук. Ук. соч., стр. 169.

³² Иоанн де Плато Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 28.

³³ И. В. Сеницын. Археологические памятники на реке Малый Узень. КСИИМК, вып. XXXII, стр. 109—111, рис. 32 и 33.

³⁴ В. де Рубрук. Ук. соч., стр. 95; Плато Карпини. Ук. соч., стр. 57.

³⁵ Ипат. лет. под 1259 годом. ПСРЛ, т. II, изд. 2, стр. 558.

³⁶ Ник. лет. ПСРЛ, т. 11, стр. 16.

³⁷ Раскопки М. Г. Рабиновича 1950 г.

Кольчуга встречена при раскопках в Москве и Новгороде в 1951 г.

В связи с появлением в XIV в. огнестрельного оружия оборонительные доспехи на Руси становятся совершеннее и разнообразнее. Получают распространение цельнометаллические или из толстых стальных пластин тяжелые панцыри, нагрудники, поножи и т. п. Среди всего этого разнообразного, но чрезвычайно громоздкого и неудобного, особенно для действия мобильной и легковооруженной русской конницы, вооружения кольчуга по-прежнему сохраняла первенствующее значение и широкое употребление вплоть до конца XVII в.

По сообщениям самых разнообразных письменных источников XVI—XVII вв., в том числе и по многочисленным записям иностранных путешественников и соглядатаев, посещавших Россию в этот период, этот тип оборонительного доспеха постоянно находился на вооружении русских войск вообще, русской конницы в особенности³⁸.

В XVI в., как и в предшествующие века, на Руси имелись специальные мастера по выделке кольчуг — бронники. Они работали в Новгороде Великом³⁹, в Москве и во многих других городах и поселениях. В крупных городах существовали отдельные слободы или улицы, где размещались бронники. Память об этом сохранилась до наших дней в названиях улиц.

Рассмотренный материал показывает, что в Восточной Европе и, в частности, на Руси кольчужная броня появилась очень рано; по археологическим данным она известна уже с сарматского периода, а с X в. — по письменным источникам. Исследователи, относившиеся не предвзято к историческим фактам, совершенно справедливо отмечали, что кольчужный доспех у наших предков возник на два-три века раньше, чем в странах Западной Европы, где он появляется как заимствование у восточных народов после грабительских крестовых походов и получает распространение лишь в XII в.⁴⁰

Как уже отмечал А. В. Арциховский, слава о русских кольчугах в этот период была широко распространена. О русском производстве кольчуг говорится в героической французской поэме XII в. «Рене де Монтабан»⁴¹. Упоминаются они в древних русских былинах, например, в восходящей к XIII в. былине «Илья Муромец и Калин-царь»⁴².

Говоря об оборонительном доспехе, в частности, о кольчуге, не следует забывать, что это вооружение в течение всего средневековья было доступно лишь состоятельным дружинникам, профессиональным воинам из класса землевладельцев и зажиточным горожанам. Простые ратники не могли иметь это дорогое вооружение. Защитную одежду малоимущих слоев русского воинства составляли толстые полотняные стеганые куртки, подбитые, повидимому, паклей, ватой или другим подобным материалом. Такая защитная одежда простого воина носила название «тегилай». В XVI в. Герберштейн отмечает наличие у некоторых русских воинов «платья, подбитого ватой (возможно, пенькой или паклей.— А. М.) для защиты от всяких ударов»⁴³. Без сомнения, подобная защитная одежда могла существовать и в более древний период. Конечно, такая одежда не могла так же надежно, как кольчуга, защитить воина от острых стрел и другого оружия.

³⁸ См., например, «Известия англичан о России XVI в.», М., 1884, стр. 59; Герберштейн, Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 75—77, 275.

³⁹ А. В. Арциховский, Новгородские ремесла. «Новгородский исторический сборник», вып. 6, Новгород, 1939.

⁴⁰ А. В. Арциховский, Русское оружие X—XIII вв., стр. 8; М. Г. Рабинович, Вооружение новгородского войска. ИАН, серия истории и философии, 1946, № 6, стр. 550 сл.; Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, стр. 229—232.

⁴¹ G. Lozinsky, La Russie dans la littérature française du Moyen Âge. Revue des études slaves, t. IX. Paris, 1929, стр. 264.

⁴² Ю. М. Соколов, Былины. М., 1937, стр. 58 и 256

⁴³ Герберштейн, Ук. соч., стр. 75.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

РУССКИЕ ЗАМКИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

В древней Руси были хорошо известны и пользовались широким распространением навесные и внутренние замки различных конструкций. Нет ни одного крупного поселения X—XIII вв., при раскопках которого не было бы найдено нескольких замков и ключей. Во время археологических работ на Райковецком городище обнаружено 152 замка и 140 ключей¹, на городище Княжа Гора — 50 замков и много ключей. Несколько сот различных типов замков и ключей найдены при раскопках Киева². Много их из Новгорода, Старой Рязани, Старой Ладogi, Вщижа; встречены они и в курганных инвентарях, где попадаются и подвески-амулеты с изображением ключей.

Техника замочного производства того времени стояла на высоком уровне: каждый навесной замок состоял, по меньшей мере, из десяти-пятнадцати железных и стальных деталей, собранных воедино при помощи клепки и медной пайки. Сложность производства, необходимость специального инструмента (оправочных болванок, стержней, напильников, узколезвийных зубил), применение медной пайки при сборке деталей замков, умение делать стальные замочные пружины — все это служило предпосылкой для выделения из среды ремесленников, занятых обработкой железа, мастеров-замочников, изготавливавших только замки и ключи. Массовость продукции этих ремесленников, вызванная большим спросом, привела к стандартизации размеров и внешнего вида серий навесных замков. Несмотря на строго индивидуальное изготовление каждого экземпляра, а порою и существенные отличия в конструкции запирающих механизмов, все они кажутся, судя по внешнему виду, отлитыми в одной литейной форме в одной или нескольких мастерских.

Первая сводка общего характера о древнерусских замках дана Б. А. Рыбаковым³. Автор тщательно разбирает устройство механизма трубчатых замков и делает попытку определить нововведения, внесенные

¹ В. К. Гончаров, Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 144—145.

² Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 218.

³ Там же, стр. 218—223. Автор из-за ошибочного определения, сделанного реставратором ГИМ А. Д. Чеварзиным, принял обмедненные корпуса трубчатых навесных замков из раскопок 1943 г. в Звенигороде за медные и говорит о наличии в древней Руси трубчатых замков с медными литыми по восковой модели корпусами. В действительности все корпуса древнерусских замков железные, за исключением замков в виде фигурок животных болгарского и херсонесского происхождения. В. К. Гончаров в книге «Райковецкое городище» вслед за Б. А. Рыбаковым говорит о наличии среди замков Райковецкого городища экземпляров с медными литыми корпусами.

русскими мастерами в их производство. В работах других авторов число опубликованных замков не велико; публикации обычно ограничиваются приведением фотографии с замка и указанием в тексте на число найденных экземпляров.

В древней Руси бытовали три основные группы: замки-засовы дверные, врезные замки для ларцев и сундуков и навесные различных конструкций.

Дверные замки-засовы хорошо известны еще с античности и употребляются и в настоящее время⁴. Конструкция их предельно проста. Замок состоит из деревянного засова с гребенкой, подвижно закрепленного в горизонтальном положении на внутренней стороне двери в двух деревянных скобах. Третья скоба укрепляется на обойме двери, и в нее входит засов при запирании. Через небольшую округлую скважину, расположенную над засовом, замок отпирался и запирался, передвигаясь в скобах при помощи коленчатого ключа. Известны замки-засовы, запиравшиеся без ключа, посредством особым образом привязанной к засову веревки, конец которой через отверстие выпускался на наружную сторону двери.

Замки-засовы древней Руси, изготавливаемые целиком из дерева, сохраняются в земле плохо и при археологических раскопках не встречены. Железные коленчатые ключи от них попадают довольно часто в курганных могильниках и на поселениях. Наиболее примитивный тип коленчатого ключа (рис. 2, 1) имеет на рабочем конце один зуб. По находкам ключей такого типа на славянском Екимяуцком городище их можно датировать X — первой половиной XI в. Многозубые коленчатые ключи (рис. 2, 2) в большинстве своем относятся к XI—XIII вв., хотя находят их и в памятниках более раннего времени (Черная Могила в Чернигове). В настоящее время для замков-засовов употребляются ключи в виде длинного железного стержня, в раздвоенном конце которого подвижно закрепляется небольшая железная пластинка (рис. 2, 3). На Старорязанском городище был обнаружен подобный ключ⁵, однако найден он на поверхности городища, и, следовательно, о времени бытования замков этого типа сказать что-либо определенное трудно. В XI—XII вв. по всей Руси, и в особенности в Новгородских землях, были широко распространены замки-засовы с ключами, близкими к современным поворотным ключам. Отличие их заключается в том, что они имеют расчлененную бородку, несколько выступов которой отогнуто в сторону⁶ (рис. 2, 4). С замками этого типа следует связывать находки предохранительных пружин (рис. 2, 5), применение которых делало запор более надежным⁷ и исключало самопроизвольное отодвигание засова. Замки-засовы с коленчатыми ключами очень простой конструкции, повидимому, изготавливались местными силами, а ключи к ним — деревенскими кузнецами. Этот тип бытует одновременно с более совершенными дорогими замками-засовами с пружинами и поворотными ключами с изогнутой бородкой. Несколько отличный в деталях тип подобного замка был распространен в то же время в Литовских землях. Ключи от таких замков довольно характерны для домонгольских слоев прибалтийских поселений (рис. 2, 6) и, судя по стратиграфии находок, продолжали существовать в Прибалтике до XV—XVI вв. Замки-засовы в силу конструктивных особенностей могли применяться для запирания одностворчатых дверей, каковыми, повидимому, и были в большинстве двери на Руси в домонгольское время.

Внутренние врезные замки для ларцев и сундуков также хорошо известны в домонгольское время. От них сохранилось значительное количество

⁴ Ш. Дильс. Античная техника. Гостехиздат, 1934.

⁵ Коллекции Рязанского областного краеведческого музея, колл. № 2.

⁶ Подобные ключи найдены в большом числе в Новгороде, известны они и из Вщижского городища, Чернигова, Старой Ладogi, Старой Рязани, Белоозера, Киева и других мест.

⁷ Такие пружины известны из Новгорода, Вщижа и Старой Рязани.

ключей и деталей механизмов. Полные экземпляры обнаружены на Старорязанском и Вишижском городищах. Находки эти относятся к XI—XII вв.⁸

В подавляющем большинстве древнерусские замки навесные. По форме корпуса они распадаются на две группы — кубические и цилиндрические, или трубчатые. Кубические замки в старых изданиях часто назывались коробчатыми. Корпуса их в виде куба изготовлялись из квадратных железных пластин толщиной около 1 мм и спаивались воедино медью (рис. 2, 7). В корпусе, на боковой его грани, прорезалась скважина в виде перевернутой буквы Т. К середине противоположной грани припаивался медью небольшой железный цилиндр диаметром в 5—7 мм, открытый сверху. Общие размеры корпуса кубического замка не велики — 4 × 4 × 4 см. Нижняя плоскость корпуса (донце) глухая, в верхней расположены от одного до шести прямоугольных отверстий, которые, как и замочная скважина, вырубались зубилом и выравнивались напильником. Другая составная часть замка — отъемная железная дужка, которая изготовлялась из круглого в сечении железного стержня. Один конец ее был гладким, часто конически заостренным, другой одинарным или расчлененным на серию параллельно направленных стержней (по числу отверстий на верхней плоскости корпуса замка и расположенных в том же порядке). К каждому стержню приклепывалась пара пластинчатых пружин, направленных вдоль стержня и обращенных свободными концами вверх. Концы этих пружин слегка отходили от стержней дужки, которая вставлялась в корпус замка сверху таким образом, что гладкий конец ее попадал в припаянный к корпусу цилиндр, а каждый стержень другого конца с парой пружин на нем — в соответствующее отверстие верхней грани корпуса. Проходя через отверстия, пружины прижимались к стержням и, лишь попав в корпус, расходились вновь. Разошедшиеся пружины удерживали дужку в корпусе — замок был заперт. Для более плотного прилегания дужки к корпусу и чтобы воспрепятствовать раскачиванию ее, на ней делался прилив, плотно прилегающий сверху к корпусу замка. Для этой же цели верхняя плоскость корпуса слегка утапливалась вглубь, а верхние грани боковых стенок образовывали закраину.

Для отпираания кубических замков употреблялись ключи в виде прямоугольной лопаточки с прямоугольными отверстиями в ней, расположенными в том же порядке и в том же числе, что и на верхней плоскости корпуса замка (рис. 2, 8). Ключ вставлялся лопаточкой в поперечный вырез Т-образной замочной скважины и затем по продольной части поднимался вверх. При этом лопаточка ключа надевалась на стержни дужки и прижимала к ним пружины. Дужку с прижатыми пружинами легко можно вынуть из корпуса — замок открывался. В более совершенных конструкциях кубических замков между стержнями дужки, параллельно им, устанавливались дополнительные стержни различного сечения (в большинстве случаев круглые). Для этих стержней делались дополнительные отверстия в верхней плоскости корпуса и в лопаточке ключа.

Кубические замки — самый ранний тип навесных замков древней Руси. Время распространения их в южной части Руси X — начало XI в., в северо-восточной Руси отдельные экземпляры бытовали до начала XII в.⁹

⁸ Р. Л. Розенфельдт. Старорязанский врезной замок. КСИИМК, вып. XXXV; его же. Новая конструкция древнерусских врезных замков. КСИИМК, вып. XXXIX, стр. 140—141.

⁹ Два ключа и кубический замок найдены в кургане Черная Могила в Чернигове (раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ, Москва). Из Гнездовского курганного могильника, из курганов X — начала XI в. известны три замка и два ключа. Железный кубический замок найден Сизовым в кургане с трупосожжением у дер. Лонино. Сильно помятый коробчатый замок встречен в кургане с трупосожжением в группе Б у дер. Озерницы. Замок и два ключа обнаружены Г. Б. Федоровым на Екимауцком городище в 1951 г. (городище X — начала XI в.). Ключи к кубическим замкам найдены Н. Н. Ворониным в нижних слоях Ярославля, А. Л. Монгайтом в 1948 г. на Старорязанском горо-

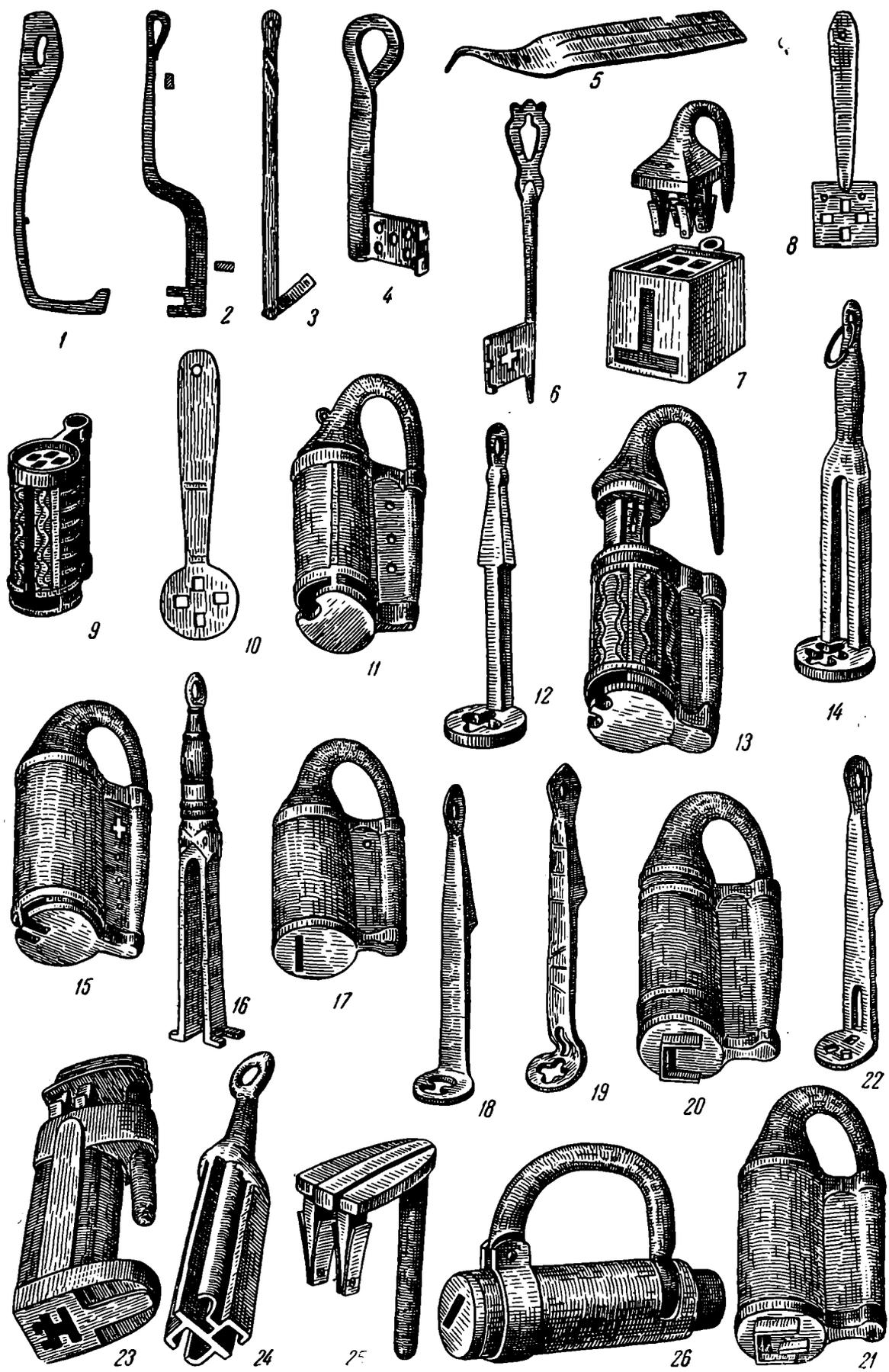

Рис. 2. Древнерусские замки и ключи

Цилиндрические навесные замки произошли от кубических. Повидимому, большая трудоемкость изготовления кубического корпуса замков привела к замене его цилиндрическим, при изготовлении которого без ущерба для прочности число швов, спаянных медью, было уменьшено вдвое. В настоящее время известно около двадцати типов таких замков. Цилиндрические навесные замки изобретены древнерусскими замочниками, приложившими немало труда для создания максимально прочных, простых и надежных механизмов. Высокое качество изделий было по достоинству оценено современниками, а за пределами древней Руси цилиндрические замки так и назывались русскими¹⁰. Наиболее примитивная конструкция этих замков (рис. 2, 9) отличалась от системы замков кубических только формой корпуса, который состоял из большого и малого железных цилиндров. Они изготовлялись из прямоугольных железных пластин толщиной около 1 мм, согнутых на специальной болванке. Цилиндры соединялись при помощи узкой железной пластинки, вставленной длинными сторонами в боковые швы и припаянной к ним медью. Часто в этой пластинке пробивались сквозные круглые крестообразные отверстия орнаментального порядка. При наличии в замке отъемной дужки в них иногда продевалась нить; другой конец ее привязывался к ушку на дужке; это препятствовало потере или подмене ее дужкой другого замка. На большой цилиндр медью напаивались железные обручи, иногда в комбинации со змейкообразными железными полосками, что не только украшало замок, но и увеличивало прочность конструкции. Донце большого цилиндра делалось глухим, в верхней плоскости прорезались отверстия для стержней с пружинами. Скважина в виде перевернутой буквы Т вырезалась на боковой поверхности большого цилиндра. Ключи к этому типу похожи на ключи к кубическим замкам и отличаются от них круглой по форме лопаточкой (рис. 2, 10).

Определить период бытования этой, первой по времени появления, конструкции цилиндрических замков довольно трудно. Во всяком случае в XII в. они были распространены достаточно широко¹¹. Размеры корпуса этого типа варьируют по высоте от 4 до 8 см и по диаметру большого цилиндра от 1,5 до 3 см. Это, повидимому, связано с применением их для запираания вместилищ и сооружений разного характера. Чтобы затруднить отмыкание ключами иного рисунка, к стержням дужки напаивались пластины различного сечения, которые одновременно укрывали пружины так, что даже при наличии сравнительно большой замочной скважины трудно было установить их расположение в механизме и подобрать соответствующий ключ. Тем не менее наличие большой скважины, хотя бы по той причине, что она снижала прочность корпуса замка, было нежелательным, и замочники изобрели другой тип замка с небольшой скважиной в виде прямой буквы Т в нижней части большого цилиндра. Перекладина Т находилась у нижнего конца, а мачтовая часть заходила на дно и слегка прорезала его край. Замки с подобной прорезью (рис. 2, 11) известны достаточно хорошо и по распространенности стоят на первом месте среди

дище, Б. А. Рыбаковым в 1948 и 1949 гг. на Вщижском городище. Известны также находки ключей к кубическим замкам из Киева и Пскова. Найдены они и на Сарском городище Д. Н. Эдинггом. Наиболее поздняя по времени находка кубического замка отмечена в курганной группе у села Беседы Московской обл. в погребении конца XI — начала XII в. А. В. Арциховским в 1945 г.

¹⁰ А. Н. Ясинский. Чешское свидетельство XIV века о русском металлическом производстве. «Сборник Учено-литературного общества при Юрьевском университете», вып. 1. Юрьев, 1898, стр. 54, 55.

¹¹ Замки такого типа известны из Новгорода (раскопки А. В. Арциховского 1948 года), Старой Рязани (раскопки А. Л. Монгайта 1948 года). Ключи к ним встречены в Ярославле (раскопки Н. Н. Воронина), на Вщижском и Пронском городищах. Известны они из Пскова, Болгар и других мест.

навесных цилиндрических замков¹². Ключ к этому типу (рис. 2, 12) делался в виде лопаточки с прорезями, прикрепленной под углом в 90° к стержню. Ключ лопаточкой вводили в перекаладинную часть Т-образной прорези и затем продвигали в цилиндре вверх. Широкое распространение замков этой системы послужило причиной появления новой разновидности — замка со скважиной в виде буквы Т в нижней части большого цилиндра, но с двойной мачтовой частью прорези (рис. 2, 13). Для отпирания этих замков служил ключ с раздвоенным соответственно двум прорезям стержнем (рис. 2, 14). Этот тип замков широко распространен в XII в. и, повидимому, бытовал также и в XIII в.¹³

Другой разновидностью этого типа являются замки с Т-образной скважиной, мачтовая часть которой, так же как и вся нижняя часть большого цилиндра, разделена невысокой перегородкой на две половины (рис. 2, 15).

Перегородка полностью исключала возможность употребления для этой системы всех разновидностей ключей описанных типов. Ключи к таким замкам имеют вид камертона, концы ножек которого отогнуты в стороны и раздвоены. Замочные пружины зажимались между раздвоенными концами ножек ключа (рис. 2, 16). Известны также и камертонообразные ключи с разновеликими ножками, для которых концы перекаладинной части Т-образной прорези помещались на различной высоте над донцем большого цилиндра корпуса. Замки с камертонообразными ключами не получили широкого распространения, потому что при этой системе прорези нельзя добиться большого разнообразия типов ключей и, соответственно, большей надежности замка. Камертонообразные ключи найдены при раскопках Б. А. Рыбакова на Вщижском городище в 1949 г. Время бытования этого типа замков установить пока трудно, возможно — это XII век.

Другую группу, более позднего времени, образуют навесные цилиндрические замки со скважиной, расположенной только на донной части большого цилиндра. Такие замки также достаточно широко распространены в комплексах и слоях XII—XIII вв. Более точной датировки отдельных разновидностей по состоянию материала дать нельзя. К ним прежде всего следует отнести замки с хордообразно расположенной щелевидной скважиной (рис. 2, 17). Запирающий механизм их не отличается оригинальностью. Ключ имел вид округлой лопаточки, поперечное сечение которой соответствовало размерам замочной скважины; со стержнем-пластинкой той же толщины, что и лопаточка ключа. Стержень-пластинка располагался под углом в 90° к лопаточке (рис. 2, 18). Эти ключи отличаются от ключей к трубчатым замкам с Т-образной прорезью наличием пластинчатого, плоского стержня, тогда как у ключей старого типа стержень обычно в сечении квадратный. Чтобы отпереть замок с хордообразной скважиной, ключ вставляли в прорезь и поворачивали под углом в 90°, когда лопасть полностью входила в корпус замка; после этого скрепленная с пластиной-стержнем лопаточка ключа вдвигалась в верхнюю часть цилиндра корпуса¹⁴. Существует разновидность ключей этого типа, у которых имеется выгиб между лопаточкой и пластинчатым стержнем. В середине выгиба обычно делался пропил, также служивший для зажимания стерженька с парой пружин при открывании замка (рис. 2, 19). Применение ключа с выгибом помогло ликвидировать «мертвое пространство» внутри корпуса посредством размещения там дополнительного стерженька с парой пружин. В более совершенных моделях вокруг замочной скважины, по контурам ее,

¹² Замки этого типа и ключи к ним найдены в большом количестве при раскопках Киева, городища Княжа Гора, Райковецкого городища. Есть они из Старой Рязани, Новгорода, Вщижского городища, Пскова, Гродно, Болгар и других мест.

¹³ Замки и ключи этого типа известны из тех же пунктов, что и замки и ключи описанного выше типа.

¹⁴ Замки и ключи этого типа найдены в Новгороде (раскопки А. В. Арциховского 1948 года), в Пскове (раскопки С. А. Таракановой), в Болгарах и других местах.

устанавливалась невысокая оградка с прорывом, величина которого ограничивала ширину стержня ключа (рис. 2, 20). Замки этого типа, повидимому, были наиболее распространены в Новгородских землях и значительно меньше в южнорусских городах¹⁵. Иногда посреди прорыва оградки устанавливалась дополнительная пластинка, и тогда в плоском стержне ключа делалась щель, по ширине соответствовавшая пластинке (рис. 2, 21, 22).

Последнюю по времени группу составляют цилиндрические замки с лабиринтообразной замочной скважиной, расположенной на донце большого цилиндра. Наиболее ранние и простые образцы этого типа имеют скважину в виде буквы Н. Ключ изготовлялся в виде прямого стержня, сечение которого по форме и размерам соответствовало замочной скважине. Ключ вставляли торцом и вдвигали в корпус замка. Более совершенные образцы замков этого типа имеют прорезь в виде лабиринта. Ключи к ним собирались из серии узких железных пластин, спаянных медью в стержень сложного профиля, соответствовавшего рисунку и размерам скважины¹⁶ (рис. 2, 23, 24). При вдвигании ключа в корпус пружины на дужке зажимались между противоположающимися пластинами ключа. Замки этого типа, основные центры изготовления которых размещались в северной части Русской земли (Тверь — Новгород), «пережили» татарское нашествие и послужили прототипом для пружинных замков XIV—XVII вв., известных в литературе под названием «сничных».

В XIV в. произошло значительное изменение формы корпуса и дужки навесных пружинных замков. Подобные изменения бывали в более раннее время, но в каждом отдельном случае небольшие и для каждого замка своеобразные. В XIV в. дужка цилиндрических замков принимает вид прямоугольной скобки (рис. 2, 25). Средняя часть ее становится плоской, обычно усиливается ребром и плотно прикрывает сверху оба цилиндра. Середина малого цилиндра и примыкающая к нему часть сбединительной пластинки исчезают. Замок теперь вешают не на среднюю часть дужки, а на середину гладкой ее ветви, заключенной между верхним и нижним остатками малого цилиндра. Мощность корпуса значительно увеличивается. Большой цилиндр заменяется эллипсоидом или призмой со скошенными углами.

В заключение следует остановиться еще на одной группе навесных пружинных замков — замках «путных». Они выделяются в особую группу специфической формой дужки (рис. 2, 26). Путные замки одностержневые и имеют только большой цилиндр. Дужка их имеет вид дуги, один конец ее подвижно укреплен на нижней части цилиндра, а другой снабжен петлей, для которой в верхней части цилиндра сделана горизонтально расположенная прорезь. Сверху в цилиндре — прямоугольное отверстие, в которое вставляется отъемный стержень с парой пластинчатых пружин на нижнем конце. Войдя в отверстие, стержень проходит и сквозь петлю дужки, вставленную в щель, и закрепляет ее на цилиндре. Для отпирания замка употреблялись различные ключи, подобные описанным выше. Путные замки найдены на Райковецком городище, в Звенигороде и на городище Князя Гора. Датируются они XII—XIV вв.

Автор не ставил своей целью привести в этой заметке все известные ему типы древнерусских замков. Его цель — показать уровень технических знаний древнерусских мастеров-замочников и постепенный технический прогресс в этой отрасли древнерусского ремесла.

---

¹⁵ Замок хорошей сохранности с оградкой вокруг замочной скважины найден в Болгарах (ГИМ).

¹⁶ Замки и ключи этого типа известны из Новгорода, Пскова, Смоленска, Гродно, Москвы, Звенигорода, Владимира и многих других поселений со слоями XIII—XV вв.

Э. А. РИКМАН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ТОПОГРАФИИ ДРЕВНЕЙ ТВЕРИ

Древние изображения русских городов весьма немногочисленны. Среди них — несколько изображений древней Твери, приведенных в сочинениях иностранцев, посетивших Русь в XVI—XVII вв.: С. Герберштейна, А. Оллария, А. Мейерберга и Э. Пальмквиста. Эти рисунки довольно условны, попытки использовать их для воссоздания облика древнего города и его отдельных зданий не всегда можно признать достаточно удачными.

Гораздо достовернее рисунки Твери русского происхождения, относящиеся к XV, XVII и к началу XIX в.

Обратимся к одному из изображений — плану тверских земляных укреплений самого начала XIX в. (рис. 3). Ценность плана состоит в том, что он фиксирует полностью уничтоженные в начале XIX в. вал и ров — укрепления, которые сложились тогда, когда Тверь была столицей независимого княжества, и с тех пор существенно не изменялись. План выполнен между 1800 и 1803 гг. землемером Алексеем Петиным¹ и представляет крепость такой, какой она была (как свидетельствует надпись на плане) в 1800 г. Валы окружали участок в форме неправильного овала, расположенный при слиянии рек Волги и Тмаки. На берегу Волги укрепления сохранились плохо, на плане показан лишь небольшой отрезок вала. Остальная часть, видимо, к 1800 г. была смыта рекой или срыта. Рвы показаны не только с напольной стороны, но как будто и со сторон рек. Площадь крепости равна 189 540 м², протяженность вала 1600 м.

Земляные укрепления тверского кремля, вычерченные Петиним, в основных чертах сложились к концу XIV — началу XV в. Это и придает интерес плану 1800—1803 гг.

Если сравнить изображение тверского кремля на иконе Михаила и Ксении, восходящее к первой половине XV в. (о нем подробно ниже), с чертежом Петина, то можно убедиться, что в тех местах, где на иконе показаны Владимирские и Васильевские проездные ворота, на чертеже Петина изображены разрывы вала.

Сравнивая данные XIV—XV и XVII вв., можно видеть неизменность величины и расположения земляных укреплений. Число ворот и их размещение, устанавливаемые для тверского кремля XVII в. по писцовым книгам и плану 1674 г. Э. Пальмквиста, остались, судя по данным летописи и

¹ Калининский областной музей, колл. № 262. Дата изготовления плана определяется наличием дела о смене в 1803 г. умершего губернского землемера Петина землемером Обуховым. Калининский обл. архив, д. № 10351, св. № 405.

изображению кремля на иконе, такими же, какими были в великокняжеской Твери. Об этом свидетельствует и неизменность положения церквей у земляных укреплений, в непосредственной от них близости. Под 1390 годом мы читаем в летописи: «и сретоша их со кресты перед Володимерскими воротами у святого Юрия»². Из документа 1626 года узнаем: «От Володимерских ворот, от рву идучи по левую сторону по Волге на берегу храм бывал Георгии страстотерпец»³.

В XVII в. высота вала в Твери со дна рва с восточной стороны кремля равнялась 21 м, ширина гребня вала 4,2 м, ширина рва 21 м.

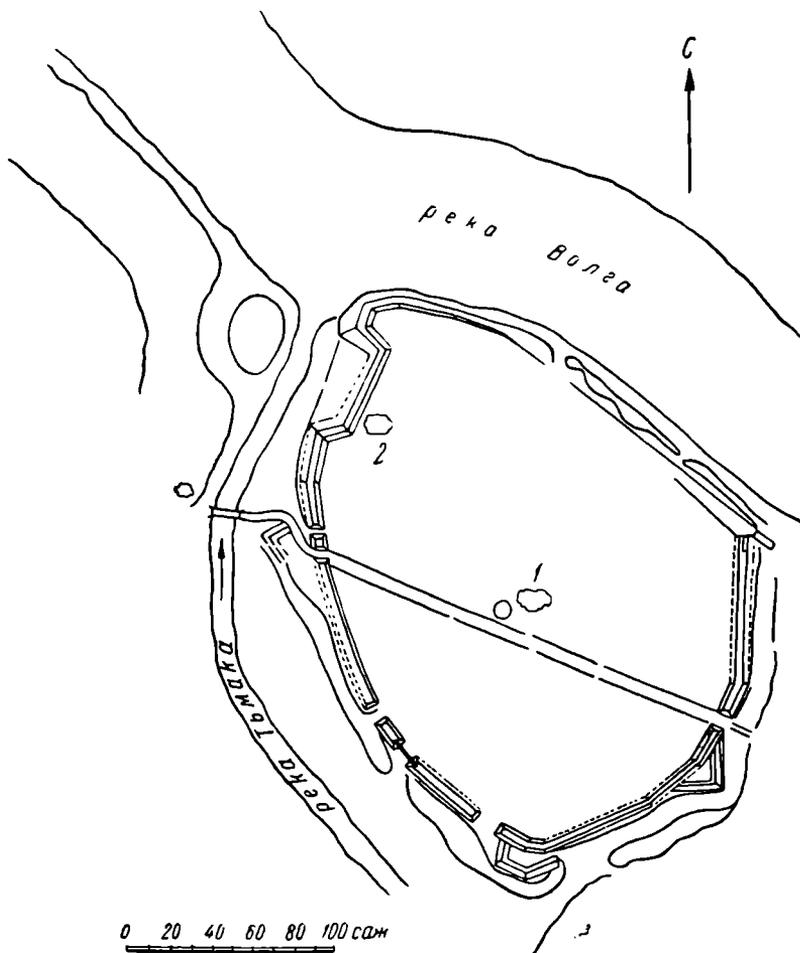

Рис. 3. Земляные укрепления Твери (чертеж А. Петина 1800—1803 гг.):

1 — Собор Преображения; 2 — церковь Николая Чудотворца

В XVIII в. известна лишь одна перестройка кремля. В 1707 г. Л. Магницкий по приказу Петра I подправил крепость и соорудил при ней несколько «фольверков», три из которых показаны на плане А. Петина.

Чертеж начала XIX в., следовательно, запечатлел общий характер древних земляных укреплений Твери.

Для изучения деревянных оборонительных сооружений и расположения зданий внутри тверского кремля огромное значение имеет памятник, недавно опубликованный Н. Н. Ворониным, — это восходящая к образцам XV в. икона кн. Михаила Ярославича Тверского и его матери Ксении с

² ПСРЛ, т. XV, стр. 445.

³ «Выпись из тверских писцовых книг Потапа Нарбекова 1626 г.». Изд. ТУАК, 1901, стр. 52.

изображениями тверского кремля, великокняжеского дворца, Спасского собора и нескольких церквей⁴.

Позволяю себе предложить интерпретацию памятника, в ряде пунктов отличную от той, которую дает Н. Н. Воронин. Он пишет, что изображение кремлевской стены на иконе очень условно и «лишено всякого значения для анализа топографии тверского кремля»⁵. Ниже приведены факты, которые дают право считать разбираемое изображение довольно точным.

Кремлевский ансамбль изображен с восточной стороны, ибо Спасский собор обращен к зрителю абсидами. При такой точке зрения помещенные на иконе трое проездных ворот кремля получают реальное значение.

Юго-восточные ворота и стоящая рядом церковь, о которой Н. Н. Воронин пишет, что «нет никаких данных для определения имени и даты этой постройки»⁶, топографически определяются летописью под 1390 годом: «в Твери доспеша ворота у св. Василия»⁷.

Церковь Василия изображена с купольным покрытием и узким навесом над стенами и увенчана луковичной главкой. Такие сооружения, рубленные восьмериком или четвериком, — типичные образцы древнерусского зодчества. Церковь Василия, упоминаемая в летописи лишь один раз и, видимо, вскоре погибшая и не возобновлявшаяся, скорее всего была основана непопулярным в Твери кашинским князем Василием Михайловичем (1347—1368) в период его княжения в Твери, либо епископом Василием (1361—1373). Таким образом, она могла быть создана между 1347 и 1373 гг.

Не оставляет сомнений и топографическое определение центральных ворот восточной стены крепости. Здесь, напротив Спасского собора, в центральной части напольной стороны кремля, в XIV—XVII вв. находились Владимирские ворота, парадный въезд в «город»⁸. Северо-восточные ворота — Волжские⁹. Именно под ними, судя по ориентировке рисунка, протекала Волга. Они упомянуты впервые в 1375 г.¹⁰

Последние ворота кремля, упоминавшиеся с XIV в., — Тмацкие. Они не видны и не могут быть видны на рисунке, изображающем напольную и часть волжской стороны кремля, ибо находились, очевидно, там же, где и в XVII в., — в юго-западной стене, примыкавшей к р. Тмаке, где они показаны Э. Пальмквистом.

Намеченное нами расположение башен тверского кремля конца XIV — середины XV в. находит прямое подтверждение в плане Э. Пальмквиста. На его чертеже, кроме Тмацких, показаны Волжские и Владимирские ворота. Шведский соглядатай почему-то не показал на своем плане существовавших в тверском кремле XVII в. Благовещенских ворот, находившихся к юго-востоку от церкви Благовещенья¹¹. В XVII в. Благовещенские ворота занимали угловое положение, находясь на стыке тмацкой и напольной сторон кремля, ибо были видны из Загородия¹², от церкви Семена Столпника¹³ и из-за Тмаки¹⁴. Сопоставляя план Пальмквиста и изображение на иконе, убеждаемся, что Волжские и Владимирские ворота в обоих случаях приблизительно совпадают, а Благовещенские совмещаются с

⁴ Н. Н. Воронин. Тверской кремль в XV в. КСИИМК, вып. XXIV, стр. 84—91, рис. 21.

⁵ Там же, стр. 88. Н. Н. Воронин привел и точку зрения автора настоящей статьи, к сожалению, без доказательств.

⁶ Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 91.

⁷ ПСРЛ, т. XV, стр. 445.

⁸ Н. Овсянников. Тверь в XVII в., 1889, стр. 7.

⁹ Названия «Владимирские» и «Волжские» ворота — лишние свидетельства об известных с XII в. связях Твери с Владимиром, где также имелись Волжские ворота.

¹⁰ ПСРЛ, т. XV, стр. 434.

¹¹ М. Рубцов. Тверь 1674 г. по Э. Пальмквисту. Тверь, 1902, стр. 24.

¹² «Выпись из тверских писцовых книг...», стр. 73.

¹³ Местоположение последней см. на печатном плане Твери 1845 г.

¹⁴ «Выпись из тверских писцовых книг...», стр. 107.

Васильевскими. Церковь Благовещенья в XIII—XV вв. еще не упоминается, а в XV—XVII вв. не говорится о церкви Василия. Очевидно, церковь Благовещенья дала имя воротам уже после гибели церкви Василия.

Напомню еще об одном доказательстве достоверности изображения на иконе. Местам, где на иконе Михаила и Ксении показаны Владимирские и Васильевские (Благовещенские) ворота на плане А. Петина соответствуют разрывы вала.

Можно предложить иное, чем данное в работе Н. Н. Воронина, истолкование нескольких связанных друг с другом построек, помещенных против алтарей Спасского собора, к северо-востоку от него. В правой части, в центре, расположено высокое здание, конек двускатной кровли которого приходится на уровне сводов собора. В стене постройки, выходящей на восток, четыре окна на уровне «горницы» — второго этажа. С севера примыкает пристройка, упирающаяся в кремлевскую стену и являющаяся, очевидно, переходом к ней; аналогичная пристройка имеется и с южной стороны. Переходы крыты на два ската. Слева на переднем плане — четырехъярусная церковь, близкая по типу к памятникам зодчества юго-западной Руси; в частности, ее ярусность находит себе аналогии в зодчестве Прикарпатской Руси, в зданиях, «сохранивших облик, убеждающий в их древности»¹⁵. Ярусная церковь второй четверти XV в.¹⁶ имеется в Городне — летописном Вертязине.

По мнению Н. Н. Воронина, описанная выше многоярусная церковь «не находит себе места в числе известных по летописным данным памятников тверской архитектуры»¹⁷. Он называет это сооружение церковью Ивана Милостивого, приводя следующие доказательства. Многоярусная церковь показана на иконе рядом со столпом-колокольной, выстроенной в 1407 г. тверским князем Иваном Михайловичем. Писцовые книги конца XVI в. упоминают внутри тверского кремля церковь «Ивановскую, что во Твери под колоколы»¹⁸. Ее-то Н. Н. Воронин и считает той самой многоярусной церковью, которая показана на иконе рядом с колокольной 1407 года. Церковь, по мнению Н. Н. Воронина, выстроена между 1413—1420 гг., т. е. тогда, когда об Иване Михайловиче на страницах летописей нет никаких упоминаний. Отсутствие в летописи сообщения о постройке церкви Ивана исследователь объясняет последующей редакционной правкой.

Позволю себе не согласиться с этим мнением прежде всего потому, что летописные данные XIV—XV вв. для точного определения многоярусной церкви имеются.

Двухэтажное здание, о котором говорилось выше, связанное переходами с церковью и крепостью, — это княжеский дворец, а ярусная церковь — видимо Михайловская, упомянутая впервые в 1399 г. По прибытии в Тверь из Царьграда посланца с чудотворной иконой великий князь Михаил Александрович «стрете его на своем дворе, у святого Михаила»¹⁹. Источники не оставляют сомнений в том, что церковь Михаила была дворцовой, связанной с покоями княжеского двора, т. е. такой, какая изображена соединенной с дворцом на иконе. Они называют ее «палатной» и указывают на то, что церковь находилась «на сених». Михаил Александрович «повелел же епископу, да в палатной церкви святого Михаила поставяше честную икону»²⁰. Редакция текста Тверского сборника, где описывается то же событие, уточняет: «придоша на свои сени и поставиша близ ложа своего святую икону»²¹. Борис Александрович в 1452 г. перестроил заново

¹⁵ И. Э. Грабарь. История русского искусства, т. II, стр. 363.

¹⁶ Датировка Н. Н. Воронина.

¹⁷ Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 89.

¹⁸ Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 90.

¹⁹ ПСРЛ, т. XV, стр. 459; т. XI, стр. 178—179.

²⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 178—179; ПСРЛ, т. XVIII, под 1399 годом.

²¹ ПСРЛ, т. XV, стр. 459.

церковь Михаила: «поча князь великий Борис ставить церковь каменную на своем дворе святого Михаила на сенях»²². Новая церковь, выстроенная в 1455 г.²³ (о ней говорится и в конце XVI в.²⁴), простояла до 1628 г., когда упоминается «церковь Михаила, что в Твери на сенях»²⁵. Церковь оставалась каменной²⁶. Летописные данные подтверждают и реалистичность изображенного на иконе княжеского дворца. Дворец тверских князей был двухэтажным. Следуя древнерусской строительной схеме, он состоял из сеней, жилого и парадного помещений с широкими окнами²⁷.

Таким образом, представляется ясным, что в группе белокаменных построек, показанных к северо-востоку от Спасского собора, следует видеть не церковь Ивана, а княжеский дворец и переходы от него с одной стороны — к «палатной» церкви Михаила и с другой — к крепостной стене.

Сходный ансамбль сооружений отмечен в Переславле Залесском²⁸. В Боголюбове княжеский собор с северной стороны был связан висячими переходами с двухэтажным дворцом, а с южной — с башней крепостной стены. В Галиче двухэтажный дворец был соединен такими же переходами с «палатной» церковью, «божницей»²⁹.

К южной стене южного придела Спасского собора примыкает постройка с двускатной кровлей, равная по высоте приделам. Южнее показана белокаменная с двускатной же кровлей постройка с узкими окнами. Эти постройки, безусловно, принадлежали епископскому двору, который в XIV—XV вв. находился в непосредственной близости от собора, что ясно из известий 1358³⁰ и 1438³¹ гг. В последнем случае летопись сообщает, что когда умерла княгиня Софья, то «положена бысть святем Спасе, отладычня двора». Великокняжеские погребения часто находились именно в южных приделах соборов.

Не задерживаясь на описании Спасского собора, подробно и убедительно охарактеризованного в работах Н. Н. Воронина, следует остановиться на двух церквях, шатры которых с луковичными главками показаны на иконе рядом с дворцом к западу от него. Одну из церквей следует считать церковью Афанасия, построенной в 1297 г.³² Как церковь придворного монастыря, она упоминается и под 1399 годом при описании кончины тверского князя Михаила Александровича. Из описания ясно, что находилась она близ княжеского дворца. Покинув «степени» Спаса, князь «в монастырь святого Афанасия на пострижение грядяще». Причем, когда князь шел, то приближенные не знали, куда же он идет, во дворец или в монастырь, так как путь совпадал: «сынове же его и бояре мняху на свой двор идуща; он же рукою кажа, веляше вести себе в монастырь святого Афанасия»³³. Некоторые авторы, основываясь лишь на данных XVI в., считали, что монастырь Афанасия и в XIII—XV вв. располагался за алтарем Спасского собора³⁴. Но на упомянутой иконе перед алтарем Спасского собора храм не показан. Летописное свидетельство 1399 г., в согласии с изображением на иконе,

²² Н. П. Лихачев. Инок Фомы слово похвальное о благоверном и великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, л. 310 об.

²³ ПСРЛ, т. XV, стр. 495.

²⁴ ПКМГ, ч. 1, отд. II, стр. 159.

²⁵ «Выписка из тверских писцовых книг письма и меры Ф. Игнатьева 1627—1628», вып. 1. Тверь, 1916, стр. 38.

²⁶ Там же, стр. 12.

²⁷ Н. Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XIV вв. ИАН СССР, сер. истории и философии, т. II, № 5. М., 1945.

²⁸ Н. Н. Воронин. Переславль Залесский. М., 1948, стр. 15.

²⁹ Н. Н. Воронин. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца. КСИИМК, вып. XI, стр. 82—83.

³⁰ ПСРЛ, т. XV, стр. 67.

³¹ Там же, стр. 498.

³² Там же, стр. 496.

³³ ПСРЛ, т. XI, стр. 81.

³⁴ Н. Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XIV вв., стр. 382.

позволяет поместить церковь Афанасия не к востоку, а к северу от Спаского собора, у княжеского дворца.

Второй храм с шатровым верхом, изображенный на иконе,— «церковь Александра», где в 1395 г. был погребен князь Борис Михайлович³⁵. Предполагали, что «Александр святой, во Твери у Спаса в приделе» XVI в., был придельным и в XIV в.³⁶, хотя, как нам кажется, источники XIV—XVI вв. данных в пользу такого взгляда не содержат. Думается, что создание придела при соборе Спаса произошло в XVI в., когда сама церковь Александра перестала существовать.

До 1438 г. в летописи упомянуты пять церквей тверского кремля: Спаса, Михаила, Василия, Александра, Афанасия; все они изображены на иконе. Три из них, а может быть, и четвертая, как полагают, получившая имя Ярослава Ярославича (Афанасия)³⁷, носят имена князей. Наличие на иконе пяти изображений церквей показывает, что прототип ее был создан до 1438 г., когда по приказанию великого князя Бориса Александровича была выстроена шестая каменная церковь княжеского двора — церковь Бориса и Глеба³⁸. Но время создания прототипа можно уточнить. Центральное место в изображении кремля занимает подчеркнуто преувеличенное изображение деревянной звонницы. Эта звонница хорошо сопоставляется с летописным известием 1407 года о построении великим князем тверским Иваном Михайловичем «колокольницы». В тверской летописи другие звонницы не упоминаются; повидимому, «колокольница» Ивана Михайловича была огромной.

Полагаю, что прототип иконы с изображением тверского кремля был создан художником, работавшим по заказу великого князя Ивана Михайловича Тверского (1407—1452). Художник, создатель иконы, стремясь во что бы то ни стало угодить Ивану Михайловичу, выделил его «колокольницу», нарушив пропорции: звонница по высоте и ширине равна собору.

Выше разбирались изображения тверского кремля. Обратимся к чертежу, в основной части которого представлен посад, главный торг Твери.

Краеведы Твери Н. Овсянников, М. Рубцов и др., пытаясь разобраться в топографии древней Твери по писцовым книгам 1625—1626, 1677 и 1685—1686 гг., убедились в невозможности представить расположение важнейших зданий.

Недавно был найден в фонде ЦГАДА³⁹ древний план Твери (рис. 4). Размер его 100 × 85 см. Изображен один из интереснейших и важнейших участков древней Твери перед Владимирскими проездными воротами — парадным въездом в крепость XIV—XV вв. Видны городни кремлевской стены (при пожаре 1537 года в тверском кремле со стороны р. Тмаки сгорело 87 городен⁴⁰), две глухие башни, широкий ров перед стеной и мост через него; к Владимирским воротам радиально сходятся улицы: «Большая Московская дорога», существовавшая в XIV—XV вв., и «дорога что ходят в Рыбачью слободу» и пр.

В центре — прямоугольная площадь. К западу от нее «гостиный двор» с таможенной избой и «важней». Гостиный двор со всех сторон окружен торгово-ремесленными рядами и амбарами. Например, к западу находятся «сапожные ряды», южнее «пеночные ряды». Юго-западный угол плана занимает прямоугольник земского двора с земской избой.

³⁵ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 143.

³⁶ Н. Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XIV вв., стр. 376—377.

³⁷ А. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси, т. II. СПб., 1891, стр. 454.

³⁸ Н. П. Лихачев. Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, л. 252.

³⁹ Карта Тверской губернии № 29. Приношу благодарность А. А. Кипарисовой, предоставившей в мое распоряжение фотоотпечаток плана.

⁴⁰ ПСРЛ, т. VI, стр. 303.

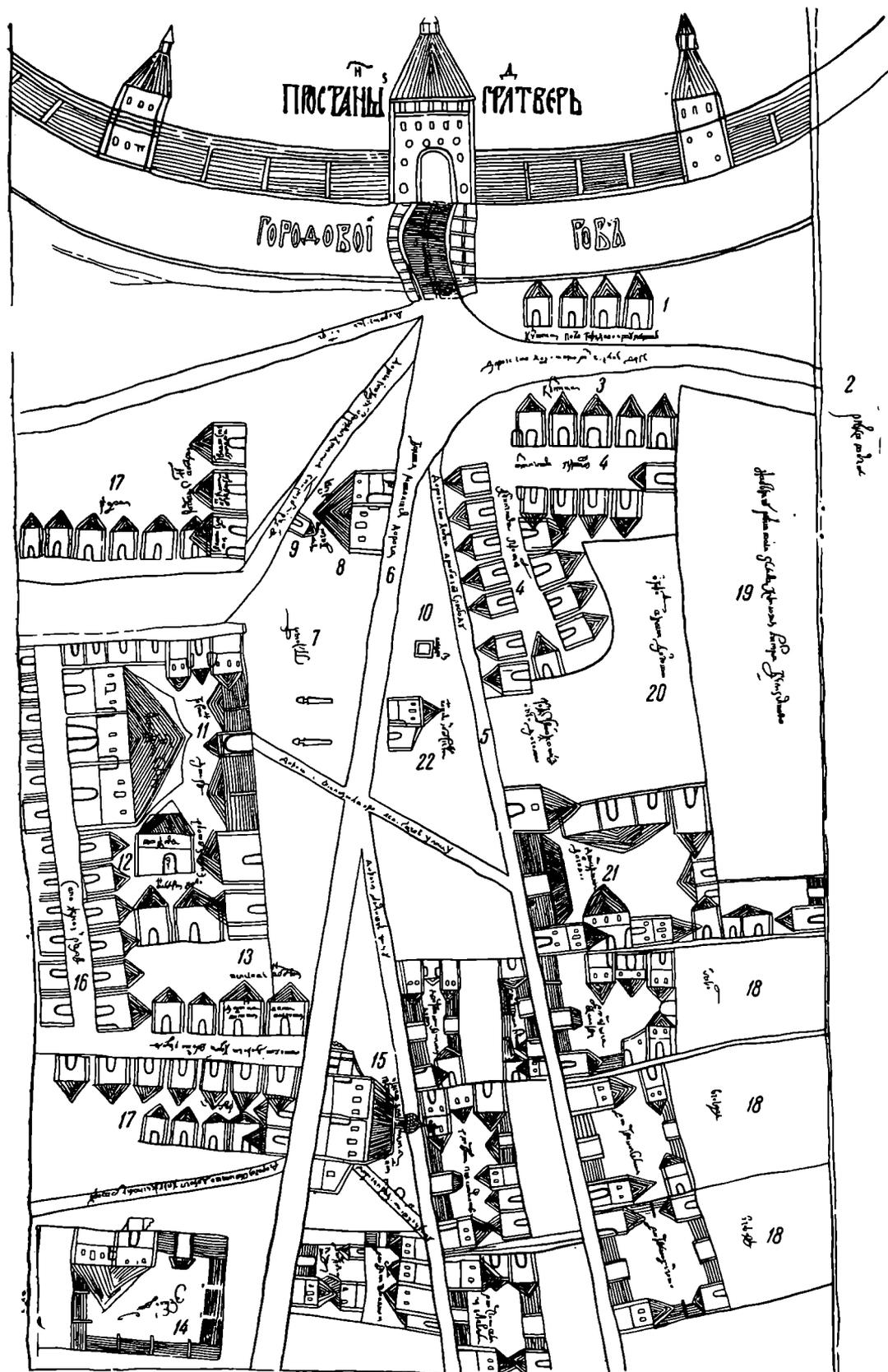

Рис. 4. Чертеж древней Твери (конца XVII в.):

1 — кузницы подле городского рва; 2 — река Волга; 3 — кузницы; 4 — кузнечная площадь; 5 — дорога, что ходят в Рыбачью слободу; 6 — Большая Московская дорога; 7 — площадь; 8 — богадельня; 9 — часовня; 10 — колодец; 11 — гостинный двор; 12 — важня; 13 — пещные амбары; 14 — земский двор; 15 — церковь Знаменья; 16 — сапожный ряд; 17 — ряды; 18 — огороды; 19 — на берегу реки Волги земля Кириллова монастыря Белоозерского; 20 — огород Алешки Долгова; 21 — двор Алешки Долгова; 22 — конская изба

Центральную часть изображения занимают богадельня, часовня, помещение дляковки лошадей, колодец, церковь Знаменья и дворы посадских людей.

В восточной части чертежа видим «кузницы подле городского рву», «кузницы», «кузнечную площадь», дворы посадских людей с огородами (например, «двор Алешки Долгова», «огород Алешки Долгова»). Отмечена «земля Кирилловского Белозерского монастыря» и т. д. Большинство домов посадских людей двухэтажные, с окнами лишь во втором этаже. Дворы огорожены заборами из горизонтальных слег, вправленных в вертикальные стояки. Изображены и бревенчатые сараи. Дома выходят на улицу, а огороды на берег Волги.

План относится к XVII в. Этот вывод подтверждается анализом почерка и изобразительных приемов. План вполне аналогичен чертежу XVII в. Розважского Новгородского монастыря, изданному Б. Д. Грековым, плану Кашина конца XVII в. Сравнение чертежа с данными писцовых книг 1685—1686 гг. Шишкова показывает, что дата плана — конец XVII в. Описания, например гостиного и земского дворов, вызывают в памяти изображения их на плане вплоть до деталей.

Рассматриваемый чертеж имеет значение для изучения Твери не только XVII в., но и более древней. Есть, например, все основания думать, что тверской торг XIV—XV вв. находился где-то поблизости от показанной на плане торговой площади XVII в. или совпадал с нею. Более чем вероятно существование в XIII—XV вв. показанного на плане и упомянутого в XVI в.⁴¹ гостиного двора с таможенной избой. Тверь была центром дальних русских и международных торговых связей. В 1399 г. на похоронах великого князя Тверского Михаила Александровича присутствовали «гости мнози»⁴². Часто бывали гости с территории Литовского княжества⁴³. Среди финансовых чиновников тверского князя были «гостинники», собиравшие пошлину за хранение товаров в гостиных дворах⁴⁴. Широкое применение тверскими князьями таможенных пошлин с товаров, продаваемых на торгу, делает существование таможенной избы гостиного двора более чем вероятным и в XIII—XV вв.

Описанный выше план тверского торга конца XVII в. является ценным источником. Этот план; важнейший рисунок на иконе, изданной Н. Н. Ворониным; чертеж А. Петина; немногие данные летописи и археологические материалы позволяют наметить топографию древней Твери.

На предлагаемом реконструктивном плане⁴⁵ показаны тверские поселения XI—XII вв. (рис. 5, 1—3). Центр города в XII в. сложился у устья р. Тверцы (рис. 5, 1). Свидетельство тому само имя города — поселение у устья р. Тмаки вряд ли могло первоначально носить имя «Тверь», так как оно было расположено на расстоянии в 1,5 км от устья Тверцы. Культурный слой XI—XIII вв. в устье Тверцы пока не найден, и лишь находки западных монет XI—XII вв.⁴⁶, дрогичинской пломбы⁴⁷, образка, относимого Д. Филимоновым к XII в.⁴⁸, позволяют надеяться на открытие там более значительных следов древнейшего поселения. Жизнь Твери XII в. была тесно связана с Новгородом. Недаром упомянутый в новгородской грамоте 1135 года «тверской гость»⁴⁹ пользуется одинаковыми правами с

⁴¹ Уставная грамота царя Федора Ивановича 1586 г., СГГид, т. II, стр. 89.

⁴² ПСРЛ, т. XVIII, стр. 148.

⁴³ АЗР, т. I, № 33, 51, 79.

⁴⁴ В. Борзакровский. История Тверского княжества. СПб., 1878, стр. 214.

⁴⁵ Положения, развиваемые в данном разделе статьи, более подробно аргументированы автором в диссертации «Города Тверского княжества».

⁴⁶ Н. П. Милонов. Археологические разведки в Тверском кремле. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 45.

⁴⁷ «Тверской музей и его приобретения в 1891 г.». Тверь, 1892, стр. 41.

⁴⁸ Там же, стр. 20.

⁴⁹ ДАН, т. I, № 3, стр. 3.

новгородскими купцами. Новгородское поселение должно было сложиться именно в устье Тверцы, за господство на которой Новгород сражался с владими́ро-суздальскими князьями. Защитой этому поселению, возможно, был Отроч монастырь (рис. 5, 24), впервые упомянутый в 1205 г.⁵⁰, но, вероятно, существовавший и ранее.

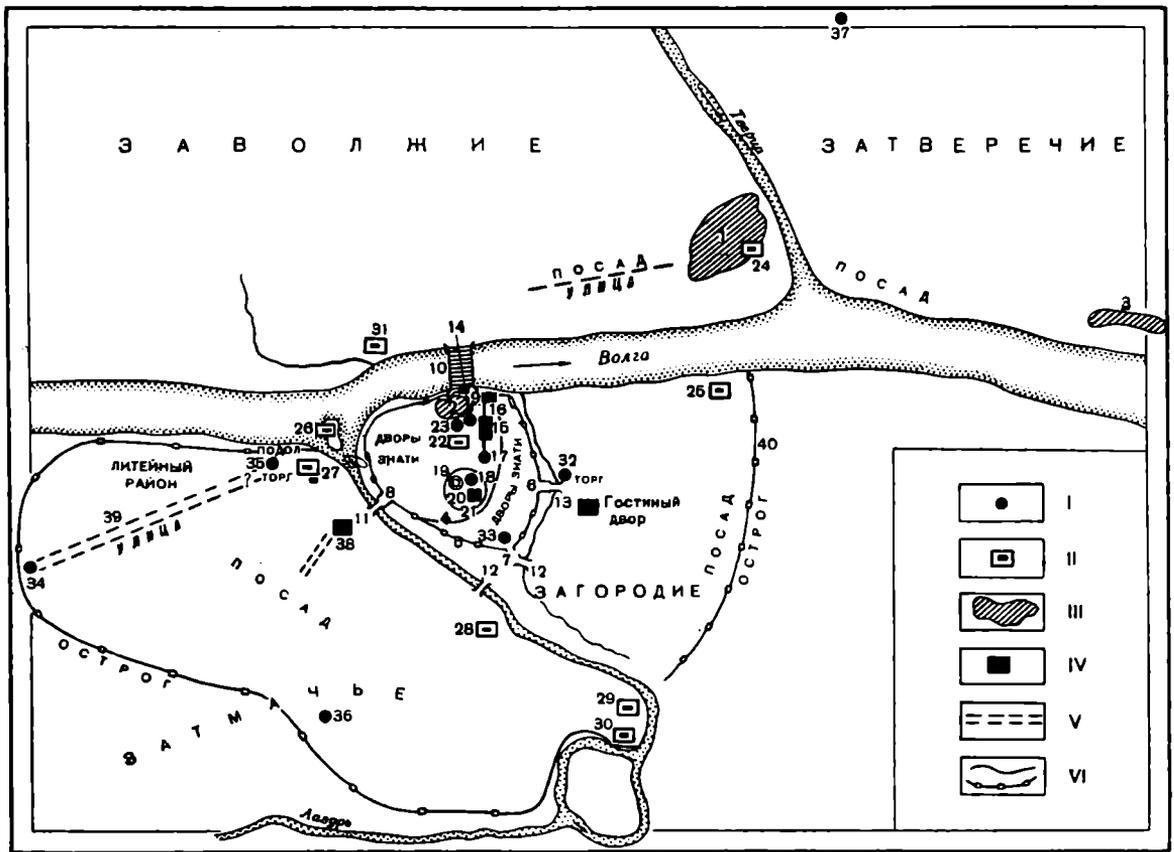

Рис. 5. План древней Твери (опыт реконструкции):

I — церковь; II — монастырь; III — древнейшие поселки; IV — строения; V — улицы; VI — линии укреплений. 1—3 — древнейшие поселки XI — XII вв.; 4 — древнейший кремль; 5 — стена кремля¹ (1317. ПСРЛ, XV, 409); 6 — Владимирские ворота (1390. ПСРЛ, XV, 445); 7 — Васильевские ворота (1390. ПСРЛ, XV, 445); 8 — Тмацкие ворота (1375. ПСРЛ, XI, 23); 9 — Волжские ворота (1375. ПСРЛ, XV, 434); 10 — мост к торгу; 11 — мост у Тмацких ворот (ПСРЛ, XI, 23); 12 — мосты у Васильевских ворот; 13 — мост у Владимирских ворот (1408. ПСРЛ, XV, 474); 14 — ц. Бориса и Глеба (1438. «Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче»); 15 — княжеский дворец (1298. ПСРЛ, X, 171); 16 — переходы от дворца к баше крепостной стены и ц. Михаила; 17 — ц. Михаила (1399. ПСРЛ, XV, 459); 18 — ц. Козьмы и Демьяна (1270. ПСРЛ, III, 62); позже здесь собор Спаса (1285. ПСРЛ, XVIII, 81); 19 — звонница (1407. ПСРЛ, XV, 473); 20 — епископский двор; 21 — ограда епископского двора; 22 — монастырь Афанасия (1297. ПСРЛ, X, 171); 23 — ц. Александр (1395. ПСРЛ, XVIII, 143); 24 — Отроч монастырь (с XII в.); 25 — монастырь Михаила (1320. ПСРЛ, X, 187); 26 — Федоровский монастырь (1317. Греческий богослужебный устав); 27 — Марфин монастырь с ц. Пречистой богородицы (1484. ПСРЛ, XV, 499); 28 — монастырь Иоанна Богослова (1405. ПСРЛ, XI, 192); 29 — монастырь Григория Богослова (1446. ПСРЛ, XV, 493); 30 — Афанасьевский монастырь с ц. Покрова богородицы (1375. ПСРЛ, XI, 22); 31 — монастырь Николая (1386. ПСРЛ, XV, 444); 32 — ц. Георгия (1390. ПСРЛ, XVIII, 140); 33 — ц. Василия (1390. ПСРЛ, XV, 445); 34 — ц. Предтечи (1405. ПСРЛ, XI, 191); 35 — ц. Параскевы (1468. ПСРЛ, XV, 497); 36 — ц. Введения (1464. ПСРЛ, XV, 499); 37 — ц. Воздвиженья (1375. ПСРЛ, XI, 24); 38 — Татарские двор и улицы (Писцовые книги XVII в.); 39 — улица от ц. Иоанна Предтечи (1483. ПСРЛ, XV, 499); 40 — острог (1452. «Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче»)

¹ В скобках указаны год, с которого известен памятник, и письменный источник, где он упоминается, том и страница.

В верхнем течении Тверцы торговые пути Новгорода защищал его пригород Торжок, в формировании которого сыграл роль древний Борисоглебский монастырь.

Древнейшие поселки (рис. 5, 2, 3) обнаружены при археологических разведках и раскопках древней Твери. Жители поселка 2 занимались

⁵⁰ ПСРЛ, т. XV, стр. 302.

металлургическим производством⁵¹. Недаром поблизости расположена была патрональная церковь кузнецов и металлургов, носившая имя Козьмы и Демьяна, замененная впоследствии Спасским собором (рис. 5, 18).

Территорию древнейшего ремесленного поселения (рис. 5, 2) перекрывают в конце XII или начале XIII в. обнаруженные при раскопках укрепления первоначального тверского кремля (рис. 5, 4), созданные здесь владими́ро-суздальскими князьями в ходе борьбы с Новгородом за господство на Волжском пути. Эти укрепления, повидимому, сохранялись до 1317 г., когда Михаил Ярославич увеличил территорию кремля — «заложил большой град кремник»⁵² (рис. 5, 5).

На территории кремля показаны княжеский дворец (рис. 5, 15), шесть церквей, епископский двор (20). Размещение их установлено выше благодаря изучению иконы Михаила и Ксении. Церковь Бориса и Глеба 1438 г. (14) помещена по данным «Слова похвального инока Фомы» и писцовых книг XVII века. Путем сравнения названий, упомянутых летописью в XIV—XV вв. на посадах остальных тверских церквей и монастырей, с данными XVII—XX вв. удается установить и их местонахождение и нанести на план (рис. 5, 34, 36, 37 и др.).

Основная часть тверского посада (Загородие, Затмачье) сложилась на правом берегу р. Волги под стенами крепости. В Загородии под напольной стеной находится основной торг Твери, известный по летописи с 1327 г.⁵³ На торгу показан гостиный двор, локализовать который, как и сам торг, помогло изучение плана конца XVII в. Значение Загородия как основной части тверского посада проявляется и в том, что на его восточной окраине находился монастырь архангела Михаила — усыпальница тверских тысяцких (рис. 5, 25).

К юго-западу от кремля за р. Тмакой располагалось Затмачье. Первые строения, упомянутые за Тмакой, принадлежат Федоровскому монастырю (рис. 5, 26), упомянутому впервые в греческом богослужебном уставе 1317 г.⁵⁴; он находился на острове в устье р. Тмаки. В 1446 г. территория монастыря временно была занята крепостным сооружением, внутри которого был выстроен «двор» князя Бориса Александровича⁵⁵. В монастыре была единственная на посаде каменная церковь. Остальные были деревянными. Во время пожара 1537 г. «церкви... по посаду деревянные все сгореша»⁵⁶.

Затмачье было обширным, плотно застроенным районом Твери. В 1405 г. «за Тмакою сгорело дворов сто»⁵⁷, в 1468 г. сгорело 110 дворов⁵⁸, в 1484 г. сгорело 80⁵⁹. В 1483 г. «горела улица от Ивана святого до Предтечи к Пречистой на подол»⁶⁰. Эта улица Затмачья (рис. 5, 39) тянулась от церкви Предтечи (34) к Марфинскому монастырю с церковью Пречистой богородицы (27), находившемуся «на устье»⁶¹ (р. Тмаки). Марфинский монастырь был, повидимому, основан женой князя Ивана Михайловича Марией Кейстутьевной, в монашестве Марфой, скончавшейся в 1389 г.⁶²

⁵¹ Н. П. Милонов. Ук. соч., стр. 151.

⁵² ПСРЛ, т. XV, стр. 409.

⁵³ Там же, стр. 43.

⁵⁴ Н. Красносельцев. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885, стр. 22.

⁵⁵ Н. П. Лихачев. Ук. соч., л. 258.

⁵⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 303.

⁵⁷ ПСРЛ, т. XI, стр. 191.

⁵⁸ ПСРЛ, т. XV, стр. 497.

⁵⁹ Там же, стр. 499.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² В. Владиславлев. Крапкие исторические сведения о более замечательных церквах г. Твери. «Памятная книжка Тверской губ. на 1863 год». Тверь, 1863, стр. 109.

Церковь «Пречистой богородицы» Затмачья определяется в известии 1483 г. как находящаяся «на подоле». Подобные названия в письменных источниках обычно применялись к расположенным низко у воды ремесленным частям городов.

В Затмачье в 1913 г. при археологических наблюдениях С. А. Диевского⁶³ обнаружены следы литейных мастерских XIV—XV вв., простиравшихся от церкви Предтечи до устья р. Тмаки. Были найдены литейные формы; одна из них, при помощи которой отливались полусферические бляшки с орнаментом в виде радиально расположенных вытянутых ромбов, была изготовлена из светложелтого песчаника (толщина 0,7 см). Две другие, из темносерого сланца, служили для отливки шаровидных кончиков медных булавок — одна для восьми, вторая — для девяти (рис. 6, 1). Часты

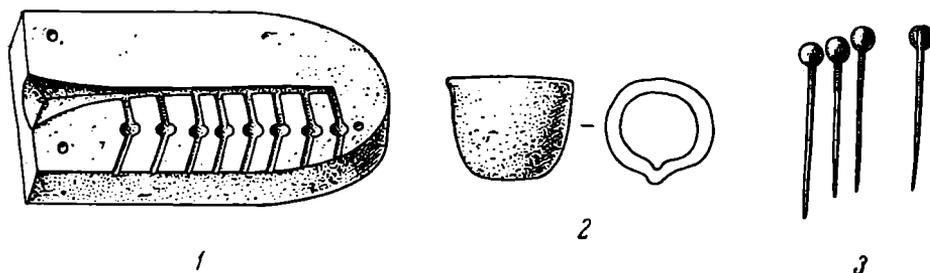

Рис. 6. Предметы из ремесленного района древней Твери:
1 — литейная формочка для отливки булавок; 2 — тигель; 3 — булавки

были находки медной проволоки (длиной 4 и 5 см), подготовленной, по-видимому, для изготовления булавок. Найдено и несколько готовых булавок, еще не разъединенных, со следами литейного шва на головках (рис. 6, 3). Формы для отливки булавок изготовлялись тут же: одна обнаружена еще не оконченная. Неоднократно находили в Твери формы для отливки шаровидных орнаментированных и неорнаментированных пуговиц. Найдено огромное количество глиняных тиглей, покрытых бело-зеленой глазурью, с овальным дном и сливом, высота и диаметр их 7—9 см (рис. 6, 2). Собрано много вещей, не отделанных после отливки: крестики с потеками меди, не очищенные от нагара; три крестика, отлитые в одной литейной форме, не были разъединены. В грудях медного, железного, керамического шлака и угля удалось отметить остатки глиняного с булыжным основанием литейного горна. Вокруг обнаружено много обломков тиглей и четырехгранный напильник (длиной 17 см).

Формы для отливки булавок и тигли тождественны найденным при раскопках в Москве в слое XIV—XV вв.

Тверь была крупным центром литейного производства. Здесь отливали колокола (1403 г.), пушки. Микула Кречетников, работавший в середине XV в., по свидетельству инокa Фомы, автора похвального слова, значительно превосходил своим искусством «немецких» мастеров. Основные кварталы литейщиков находились в Затмачье, потому так часты и опустошительны были в этом районе пожары.

В 1468 г. в Затмачье упомянута церковь Параскевы Пятницы⁶⁴ (рис. 5, 35), находившаяся близ крепости. Судя по известию 1537 года, в Твери было несколько торгов⁶⁵, один из которых можно искать близ этой церкви. Торги обычно располагались по соседству с крепостью. Находки на территории Затмачья крупных монетных кладов свидетельствуют о том, что здесь селились не только ремесленники, но, возможно, и купцы.

⁶³ «Журнал экскурсии и 117 заседания ТУАК 12 мая 1913 года», стр. 3—16.

⁶⁴ ПСРЛ, т. XV, стр. 497.

⁶⁵ ПСРЛ, т. XI, стр. 303.

В писцовой книге 1626 года упоминается в Затмачье «татарский двор» и «татарская улица», которые находились недалеко от предполагаемого затмацкого торгога. Эти упоминания — следы того времени, когда в Твери жила «гости ординские старие и новопришедшие»⁶⁶.

Загородие и Затмачье — основные части посада — были ограждены острогом (рис. 5, 40). Вопрос о существовании в Твери острога не поднимался в литературе. Между тем известие «Слова» 1452 года говорит именно о сооружении посадского острога: «князь Борис Александрович повеле около Твери ров копати»⁶⁷. Исследователи почему-то относили это сообщение к тверскому кремлю, хотя в известиях о его создании или ремонте он, как правило, называется «городом». Более того, существование в начале XVII в. посадского острога, сооруженного, очевидно, там же, где в XV в. был вырыт ров, также осталось незамеченным. Документ 1609 года четко отличает острог от кремля Твери XVIII в.⁶⁸ Судя по писцовым книгам 1626 года, острог ограждал Загородие и Затмачье — важнейшие части тверского посада. «Глинное» (длинное.— Э. Р.) городище» Загородия отмечается у церкви Рождества Христова⁶⁹. Применительно к Загородию же говорится о «рве». В Затмачье местонахождение «острожного рва» определяется тем, что через него нужно было проходить, пробираясь вверх вдоль р. Тмаки к церкви Белой Троицы. Острог был на берегу Волги, где участок его прослеживается между Марфинским монастырем и церковью Параскевы Пятницы⁷⁰.

В XIV—XV вв. посады левого берега р. Волги были значительно менее развиты, чем правобережные. В Заволжье в слоях XV в. близ Отроча монастыря найдены следы домов и мастерских ремесленников. Избы располагались вдоль берега Волги, образуя улицу. В первой половине XVI в. здесь находилась ремесленная монастырская слободка⁷¹.

В 1386 г. в Заволжье упомянут монастырь Николая «над ручьем» (рис. 5, 31). Местонахождение его (на берегу р. Волги), установленное М. Рубцовым⁷², и название весьма характерны. Церкви в честь Николая Мирликийского — покровителя купцов и мореплавателей устраивались в пристанских, торговых частях древнерусских городов. В «Выписи из тверских писцовых книг Потапа Нарбекова 1626 г.» ручей, близ которого находился монастырь, назывался «Гостин». Название это, по всей вероятности, восходит к XIV—XV вв. В Затверечье в XIV—XV вв. располагались дома и усадьбы ремесленников.

Расположенный по обоим берегам р. Волги посад должен был связываться по крайней мере одним мостом, расположенным у торгога (рис. 5, 10). Сведения о тверских мостах проскальзывают в летописи при описании осады города московским князем Дмитрием Донским в 1375 г.

Судя по упоминанию в летописи все новых и новых посадских строений, в XIV—XV вв. неуклонно происходил рост Твери. Разместив эти строения на плане, можно убедиться в том, что крупный ремесленный и торговый центр древней Руси — Тверь к концу XV в. имела примерно такую же территорию, как и в XVIII в.

⁶⁶ ПСРЛ, т. X, стр. 194.

⁶⁷ Н. П. Лихачев, Ук. соч., л. 311

⁶⁸ «Две отписки кн. М. Шуйского в Ярославль и Вологду о поражении литовских людей под Тверью». ААЭ, т. II, стр. 241.

⁶⁹ «Выпись из писцовых книг Потапа Нарбекова 1626 г.», стр. 61, 64, 96, 112.

⁷⁰ С. Шумаков, Из актов Отроча монастыря, М., 1896, стр. 4—6.

⁷¹ ПСРЛ, т. XV, стр. 444.

⁷² М. Рубцов, Св. Никола над Ручьем в Твери. Старица, 1911.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. АРЕМБОВСКИЙ и Л. Н. ИВАНЬЕВ

НОВОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ
ИРКУТСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

Осенью 1951 года исполнилось восемьдесят лет со времени открытия и первоначального изучения первой палеолитической стоянки на территории Советского Союза.

Осенью 1871 года при осмотре производившихся в то время строительных работ в Знаменском предместье (в настоящее время предместье Марата) города Иркутска, членом Сибирского отдела Русского географического общества В. А. Бельцовым были обнаружены следы деятельности первобытного человека и остатки четвертичной фауны¹.

При дальнейших исследованиях стоянки под руководством известных сибирских геологов И. Д. Черского и А. Л. Чекановского найдены весьма интересные остатки культуры первобытного человека палеолитического периода. Подробное описание первых находок дано в работе И. Д. Черского², тем не менее следует остановиться на таких интересных предметах, как изделия из бивня мамонта, представленных биконическими столбиками, просверленными посередине (рис. 7, 1), шаровидным предметом (рис. 7, 2), кольцами с нанесенными по краю ободками, костяным наконечником, по мнению И. Д. Черского — от лыжной палки, и обломками орудий, имевших веретенообразную форму. Вещи были украшены симметричными группами параллельных кольцеобразных бороздок. Дальнейшие раскопки дали просверленные зубы изюбря (*Cervus elaphus*), крупные наконечники стрел (?) грубой отделки, кварцитовое скребло. Интересны граненые трубчатые изделия из глины, по предположению А. С. Уварова³ представлявшие собою первую попытку в жизни первобытного человека использовать этот материал.

Найденные предметы сопровождалась остатками фауны: костями первобытного быка (бизона), лошади, трубчатыми большей частью расколотыми для добычи мозга костями крупных птиц. Кости эти имели следы надразов, сколов и т. п. И. Д. Черский зафиксировал следующую фауну: мамонт, изюбрь, бизон, лошадь и оставшиеся не определенными крупные птицы.

Позже в 1,5 км от указанного пункта, по правому берегу р. Ушаковки, в идентичных отложениях вместе с костями носорога, мамонта, северного

¹ И. Д. Черский. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода. «Изв. Сибирского отдела РГО», 1872, т. III, вып. 3, стр. 167.

² Там же, стр. 168—172.

³ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. Т. I, стр. 231—238.

олени, бизона, косули, бурундука, водяной крысы, ящериц и птиц была найдена метакарпальная кость крупного оленя, отнесенного И. Д. Черским предположительно к виду *Cervus euyceros* Aldrov⁴. Эта находка интересна

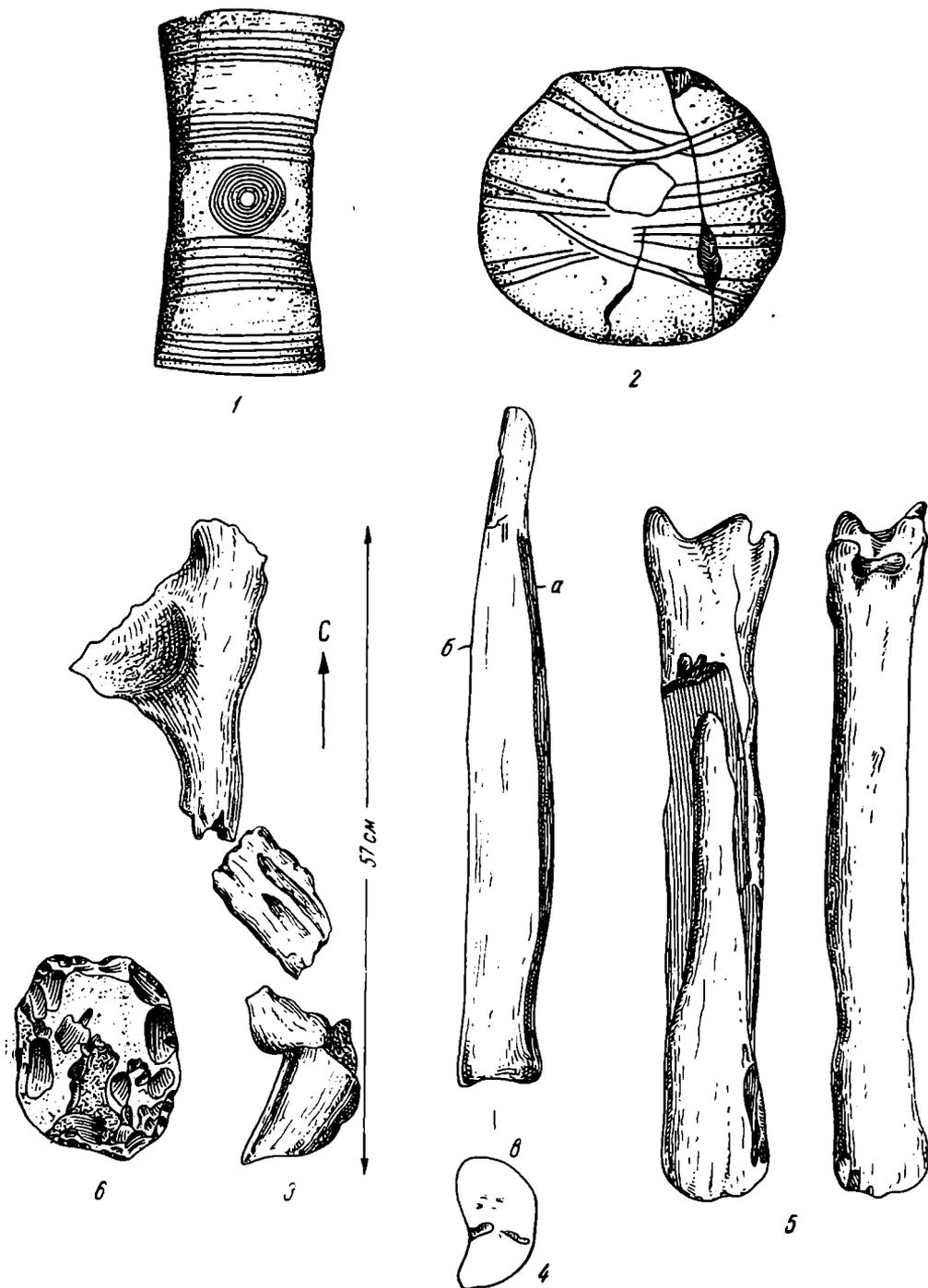

Рис. 7. Находки со стоянки в Пшеничной пади (Иркутск)

в том отношении, что кость носила явные следы обработки человеком, придавшим ей долотообразную форму (рис. 7, 4).

Основываясь на всем комплексе геологических, палеонтологических и археологических данных, И. Д. Черский вполне определенно датировал памятник следующим образом: «Иркутскую находку 1871 г. можно отнести

⁴ И. Д. Черский. Заметка об ископаемых остатках северного оленя, вырытых в окрестностях г. Иркутска, и о современной им фауне. «Изв. Сибирского отдела РГО», 1874, т. V, вып. 2, стр. 76—78.

не иначе, как к солютре, или к самому началу магдалинской части палеолита, желая этим скорее уменьшить, нежели преждевременно увеличивать ее древность». Далее, сообщает автор, «находка эта... впервые знакомит нас с употреблением обожженной глины в палеолитическую эпоху»⁵.

Уже первая публикация И. Д. Черским находки вызвала интерес в научных кругах и была подробно освещена в обширной работе сводного характера А. С. Уварова⁶. К сожалению, ввиду того, что И. Д. Черский не смог поставить в то время систематических раскопок, а собранные материалы погибли вместе со зданием музея во время иркутского пожара 1879 года, в характеристике памятника осталось много неясного, что и привело к недооценке его последующими исследователями, причем некоторые даже отрицали его палеолитический характер.

Продолжительное время этот интересный археологический памятник был незаслуженно забыт. Только благодаря развитию советской археологической науки, вызвавшему расширенное исследование бассейна р. Ангары, вновь привлечено внимание к палеолитическим памятникам окрестностей Иркутска. С 1924 г. производятся систематические раскопки на Кайской горе, в пади Ушканка, на Верхоленской горе, давшие ценные материалы по палеолиту Ангары. Открытие же таких классических стоянок, как Мальта и Буреть, заставило советских ученых, вооруженных марксистско-ленинской наукой, пересмотреть наследие прошлого. В связи с этим взгляды и позднейших исследователей были подвергнуты серьезному критическому анализу со стороны Г. П. Сосновского, который подтвердил несомненность палеолитического характера стоянки⁷.

Новые представления о палеолите Восточной Сибири, в частности бассейна Ангары, заставили нас в 1935—1938 гг. произвести дополнительные исследования по правому берегу р. Ушаковки и в районе раскопок И. Д. Черского, с целью уточнения стратиграфии находок. При этом было установлено, что стоянка располагалась на мысообразном выступе высокой террасы (третьей, по Домбровскому⁸), ограниченном с северо-запада долиной Ангары, а с юго-востока долиной ручья Пшеничного, правого притока Ушаковки. Терраса имеет высокий цоколь из юрского песчаника, на котором залегают аллювий в виде слоя галечника с линзами песка и редкими валунами кристаллических пород. На аллювии расположена мощная толща покровных отложений. В непосредственной близости от места находок И. Д. Черского, не далее 50 м, в искусственном обнажении удалось выявить характер отложений: внизу залегают мощная толща тяжелого лёссовидного суглинка, а сверху слой типичного лёсса, прикрытый гумусовым горизонтом современной почвы. В данном пункте на глубине 1,8—2,2 м хорошо выражен погребенный почвенный горизонт, расположенный между лёссом и суглинком. Простираение этого горизонта прослеживается и по направлению места находок И. Д. Черского, что дает нам основание увязать палеолитическую стоянку с погребенной почвой.

В эти же годы начато обследование долины ручья Пшеничного, образующего обширную подковообразную падь. В крайних, по направлению к вершине пади, карьерах действовавшего тогда кирпичного завода выявлен тот же характер залегания покровных отложений и найден погребенный

⁵ И. Д. Черский. Описание коллекций послетретичных млекопитающих животных, собранных Новосибирской экспедицией 1885—1886 г. «Записки Академии Наук», 1891, т. XV, № 1, приложение, стр. 702.

⁶ А. С. Уваров. Ук. соч.

⁷ Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. «Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы», т. V, 1934, стр. 271.

⁸ В. В. Домбровский. Геологическое строение, литологический состав и полезные ископаемые окрестностей Иркутска. «Труды Восточно-Сиб. геол.-гидрогеол. треста», вып. 8, 1934.

почвенный горизонт, подобный указанному выше. В этом горизонте найдены кости мамонта, носорога, северного оленя, лошади, бурого медведя, пещерного тигра и бизона. К сожалению, следов деятельности человека обнаружить не удалось. Но в одном месте, там, где горизонт погребенной почвы был особенно хорошо выражен, найдена нижняя челюсть сибирского носорога, а внутри ее дисковидное орудие из сидерита (рис. 7, 6). Внутри челюсти и около нее обнаружены в значительном количестве раковины наземных моллюсков.

Несмотря на то, что место этих находок располагается на расстоянии около 1,5 км от пункта, обследованного И. Д. Черским, большое сходство геологических условий за-

легания остатков фауны, а также облик найденного орудия, идентичного дисковидным орудиям из Костенок, дает нам возможность синхронизировать находку с находками И. Д. Черского.

В 1951 г. археологические исследования в окрестностях Иркутска были возобновлены. Исследованию подверглись мысообразный выступ, на котором в 1871 г. И. Д. Черский впервые произвел раскопки, и окрестности в радиусе до 2 км, главным образом карьеры бывших кирпичных заводов, где искусственные обнажения, вызванные добычей глины, значительно способствовали проведению исследований интересующей нас местности.

Обнажения в карьерах, достигающие глубины 5—7 м, дают следующую геологическую картину (рис. 8):

сверху толща лёсса до 2 м, лежащая на слое супеси в 5—10 см толщиной, под ней 40-сантиметровый слой тяжелого лёссовидного суглинка, лежащего на песчаниках юрского возраста.

При обследовании только небольшой части карьеров в конце Первомайской улицы Маратовского предместья, примерно в 100 м от последнего дома, на глубине 2 м обнаружена тазовая кость сибирского носорога (*Rhinoceros tihorhinus*), частично со следами обжига. Кость лежала на слое ожелезненной супеси и была разбита на несколько частей (рис. 7, 3).

Далее, в северном направлении, во втором углублении карьера, в 50 м от предыдущего на той же глубине обнаружена большая берцовая кость крупного вида северного оленя (*Rangifer tarandus*), искусственно сколотая и заостренная на одном конце в виде лопатки (рис. 7, 5), представляющая собою долотообразное костяное орудие, подобное находке Черского. Около орудия лежал обломок от искусственно расколотой нижней челюсти песца.

Орудие и челюсть были извлечены из слоя ожелезненной супеси, в которой в значительном количестве встречаются примеси древесного угля

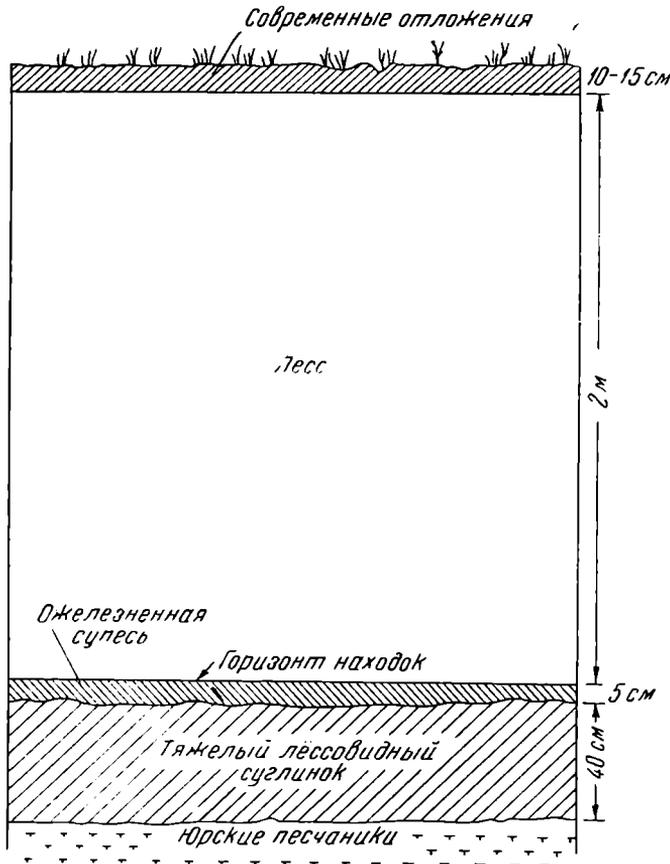

Рис. 8. Разрез стоянки в Пшеничной пади

и известковые включения. Толщина ее незначительна и колеблется в пределах 5—10 см. Примерно ту же картину залегания палеолитических остатков представляет исследованная М. М. Герасимовым стоянка на Кайской горе в Иркутске⁹.

Подводя итоги исследованиям на стоянке в предместье Марата за 80 лет со времени ее открытия, следует отметить следующее:

1. Несомненно, что мы имеем дело с памятником средней поры палеолита, во всяком случае не позже солютрейского этапа. Это подтверждается как палеонтологическими данными, так и находками орудий, особенно характерным дисковидным орудием и наконечниками копий, которые, видимо, И. Д. Черский ошибочно назвал наконечниками стрел. Подтверждается это также находкой одним из авторов статьи в Восточном Забайкалье изделий из мамонтовой кости, абсолютно подобных изображенным на рис. 7, 2, совместно с такими руководящими формами солютре, как остроконечники с выемкой.

2. Наши обследования, проводившиеся с 1935 г., доказали, что следы древней культуры, впервые выявленные И. Д. Черским, имеют широкое распространение на рассматриваемой территории.

А. П. ЧЕРНЫШ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БАБИН I
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1949—1950 гг.*(Доклад, прочитанный на заседании сектора палеолита и неолита ИИМК
АН СССР 16 января 1952 г.)*

В последние годы среднее Поднестровье занимает одно из первых мест в Советском Союзе по количеству открытых палеолитических местонахождений и стоянок. Достаточно сказать, что лишь за 1946—1951 гг. не только обследованы известные по литературе палеолитические местонахождения правобережья среднего Поднестровья и части левого берега, но и открыты 73 новых палеолитических памятника.

Эти палеолитические местонахождения относятся к различным периодам палеолита и частично ко времени мезолита. На ряде местонахождений во время разведок найдены остатки четвертичной ископаемой фауны и культурный слой, находившийся в непереотложенном состоянии (Молодово V, Корман II, Корман IV, Распопинцы, Вороновица I, Вороновица III, Сокол II и т. д.).

Открытие местонахождений с непереотложенным культурным слоем побудило автора начать в Поднестровье стационарные раскопки палеолитических памятников.

За последние годы в археологической научной литературе было высказано мнение о том, что палеолитические памятники Поднестровья переотложены и размыты и что на них нельзя обнаружить не только остатков долговременных жилищ, но даже остатков временного характера¹; следует отметить, что тогда не было еще сделано попытки исследовать путем раскопок ни одного из памятников палеолита на Днестре. Полная несостоятельность этих мнений доказывается первыми раскопками палеолита на Днестре в 1949—1951 гг.

Первой стоянкой, исследование которой начато в 1949 г., является стоянка Бабин I, находящаяся на правом берегу р. Днестра у д. Бабин Кельменецкого района Черновицкой обл. Она была открыта в конце 20-х годов Ч. Амброжевичем; сборы материалов производились в конце 20-х и начале 30-х годов Н. Морошаном, в 1946—1947 гг. П. И. Борисковским, а в 1948—1951 гг. нами. Стоянку Бабин I Ч. Амброжевич датировал ориньякским временем, эту датировку полностью поддерживает П. И. Борисковский².

¹ Это положение неоднократно выдвигается и в автореферате докторской диссертации П. И. Борисковского «Палеолит Украины».

² П. И. Борисковский. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины. СА, т. XV. М.—Л., 1951.

Палеолитические находки на стоянке Бабин I обнаружены на поверхности мыса четвертой террасы Днестра, с двух сторон ограниченном известняковыми толтрами, а с двух других — обрывом берега Днестра и оврагом. Рядом с мысом в обрывах берега и оврага прослеживаются обнажения сеноманского кремня и выходы ключевых вод. Урочище Яма возвышается над уровнем р. Днестра на 110—140 м, однако оно на 50 м ниже вершины толтра.

В 1949 г. было заложено 9 шурфов по 4 м², чтобы выявить площадь с наиболее сохранившимися участками культурного слоя. Шурфы в центральной части урочища Яма дали возможность проследить культурный слой в отложениях бурой глины на глубине 40—80 см. Бурая глина залегала под гумусированным слоем и подстилалась светлокоричневым суглинком, который в свою очередь покрывал выходы известняков в верхней части мыса и возле обрывов.

Раскоп № 1 (площадью в 100 м²) заложен в центральной части мыса, возле наиболее насыщенных материалами шурфов № 6 и 3. Площадка, на которой был заложен раскоп № 1, понижалась на 2,4 м в северном направлении. Раскоп дал следующую стратиграфию: 0,2 м — гумусированный слой, от 0,2 до 1,2 м — бурая глина; ниже шел серо-коричневый суглинок толщиной 0,8 м в южной части раскопа и 0,4 м в северной; под серо-коричневым суглинком находился светложелтый суглинок в южной части раскопа толщиной 0,6 м, который выклинивался в 10 м ниже по склону; под этими слоями залегала красно-бурая глина толщиной 0,3 м, покрывающая известняковый массив. Культурный слой прослежен на глубине 0,6—1 м в южной части раскопа и на глубине 0,8—1,2 м в северной, т. е. снижался, примерно, на 0,2 м в северном направлении.

Раскоп № 2 (площадью в 35 м²) находился в 45 м юго-восточнее первого, в пункте, где дождевыми водами размывалось обнажение культурного слоя. Чередование слоев установлено следующее: 0—0,2 м — гумусированный слой; ниже — бурая глина делювиального происхождения толщиной 0,5—1 м; глина покрывала известняковые глыбы. Культурный слой (мощностью 5—10 см) обнаружен на глубине 0,6—0,7 м в нижней части бурой глины; он понижался соответственно уровню поверхности слоя известняковых камней в северо-восточном направлении к обрыву.

В 1950 г. раскопки стоянки были продолжены. Одиннадцать шурфов на урочище Яма и по краю пятой террасы дали возможность уточнить размеры площади, занятой стоянкой. С целью выяснения стратиграфии двух обнаруженных в 1950 г. разновременных верхнепалеолитических комплексов была заложена траншея длиной в 45 м, связывавшая раскопы № 2 и 3.

Раскоп № 1 1950 года (площадью в 24 м²) являлся прирезкой к раскопу № 1 1949 года. Прирезка сделана с целью исследования остатков землянки трипольского времени и, попутно, части площади стоянки.

Раскоп № 2 1950 года (площадью 115 м²) был дальнейшим расширением раскопа № 2 1949 года; раскоп № 3 1950 года (площадью в 60 м²) заложен в нескольких метрах южнее шурфа № 1 1949 года. В раскопе № 3 культурный слой встречен на глубине 0,3—0,8 м. Выяснена следующая геологическая стратиграфия: от 0 до 0,2 м — гумусированный слой; 0,2—1,5 м — бурая глина делювиального происхождения; 1,5—1,8 м — серо-коричневый суглинок; 1,8—2,15 м — светложелтый суглинок; ниже до глубины 2,5 м — коричневая глина, а под ней до глубины 3,6 м — снова светлый суглинок.

Раскоп № 4 1950 года (площадью в 50 м²) разбит в 25 м севернее раскопа № 1 1949 года рядом с шурфом № 6. Он прокопан до глубины 1,4 м. Здесь гумусированный слой шел до глубины 0,25 м; ниже, до глубины 1,1 м, залегала бурая глина, от 1,1 до 1,4 м находился

серо-коричневый суглинок, а ниже — меловой мергель. Культурный слой в раскопе № 4 залегал на глубине 0,3—0,7 м.

Шурф № 13 1950 года, прокопанный в конце мыса перед подъемом к пятой террасе, дал на глубине 1,6—2 м материалы, связанные с более древним верхнепалеолитическим культурным слоем. В отличие от других шурфов и раскопов здесь палеолитические находки до горизонта культурного слоя не были встречены.

Всего за 1949—1950 гг. на стоянке Бабин I была вскрыта площадь в 509 м². В культурном слое верхнепалеолитического времени обнаружено больше 20 тысяч находок, состоящих из орудий труда, отбросов, обломков костей животных, кусочков краски и угля и т. д.

В раскопе № 1 1949 года находки залегали в культурном слое почти равномерно по всей площади. Обнаружены незначительные остатки костей очень плохой сохранности (мамонта, носорога, северного оленя, лошади³). Скопление кремня (нуклеусы, пластины, отщепы) прослежено в квадратах 69, 70, 73, 77 на глубине 1—1,2 м и в квадрате 85 на глубине 0,9—1 м. В остальных квадратах кремневые находки встречены только по 10—15 на 1 м². Наличие на площади раскопа № 1 большого количества нуклеусов, первичных отщепов, обломков конкреций свидетельствует о том, что обработка кремня производилась здесь же.

В этом же раскопе встречены остатки трех кострищ и следы краски. Первое кострище находилось на глубине 0,95—0,98 м (квадраты 14, 15, 18, 19); размеры очажного пятна 0,4 × 0,25 м; оно овально, вытянуто вдоль склона мыса; толщина линзы кострища 2—3 см. Второе кострище размером 0,6 × 0,6 м прослежено на глубине 1 м (квадраты 26—30), толщина линзы 3 см. Под ним прослежена тонкая полоска обожженной докраски глины. В кострище обнаружены остатки древесного угля (ель, по определению проф. Г. Козия). Третье кострище встречено на глубине 1,05—1,1 м (квадраты 69—70); размеры его 1,0 × 0,5 м; возле этого кострища находилось первое сравнительно небольшое скопление кремневых находок. Незначительная мощность кострищ свидетельствует о их недолговременности.

В раскопе № 1 1950 года в квадрате 1Г на глубине 1,37—1,47 м обнаружено пятно кострища⁴ размером 0,6 × 0,7 м; здесь же встречены фрагменты костей животных, куски песчаника, остатки краски и кремневые находки. Насыщенность материалом была такой же, как и в раскопе № 1 1949 года.

В раскопе № 3 в культурном слое кострищ не было встречено: найдены остатки красной краски (окись железа), фрагменты костей животных, кремневые поделки, кусочки древесного угля и несколько кусков песчаника. Средняя насыщенность культурного слоя находками — около 50 на 1 м².

В раскопе № 4, как и в предыдущем, остатков от кострищ не прослежено; встречены кости животных, кусочки красной и желтой краски, куски песчаника и кремневые поделки. Скоплений орудий в этом раскопе, как и во всех предыдущих, не отмечено. Орудия составляют лишь 3% всей массы кремневых находок. Здесь найдено много кремневых конкреций и первичных отщепов.

В раскопах № 1, 3, 4 1950 года в культурном слое обнаружены остатки костей северного оленя (5 особей), лошади (5 особей), зубра (5 особей), мамонта и гигантского оленя⁵.

Кремневый инвентарь всех раскопов идентичен, поэтому мы рассматриваем его одновременно (рис. 9, 10).

На исследованной площади обнаружено 380 нуклеусов, 39 нуклевидных обломков, 11 нуклевидных орудий, 21 поперечный скол от подправки

³ Определение В. И. Бибиковой.

⁴ Различие в глубине залегания этого кострища от предыдущих объясняется различием высоты нулевых точек, от которых производилась нивелировка.

⁵ Фауну из раскопа 1950 г. определял И. Г. Пидопличко.

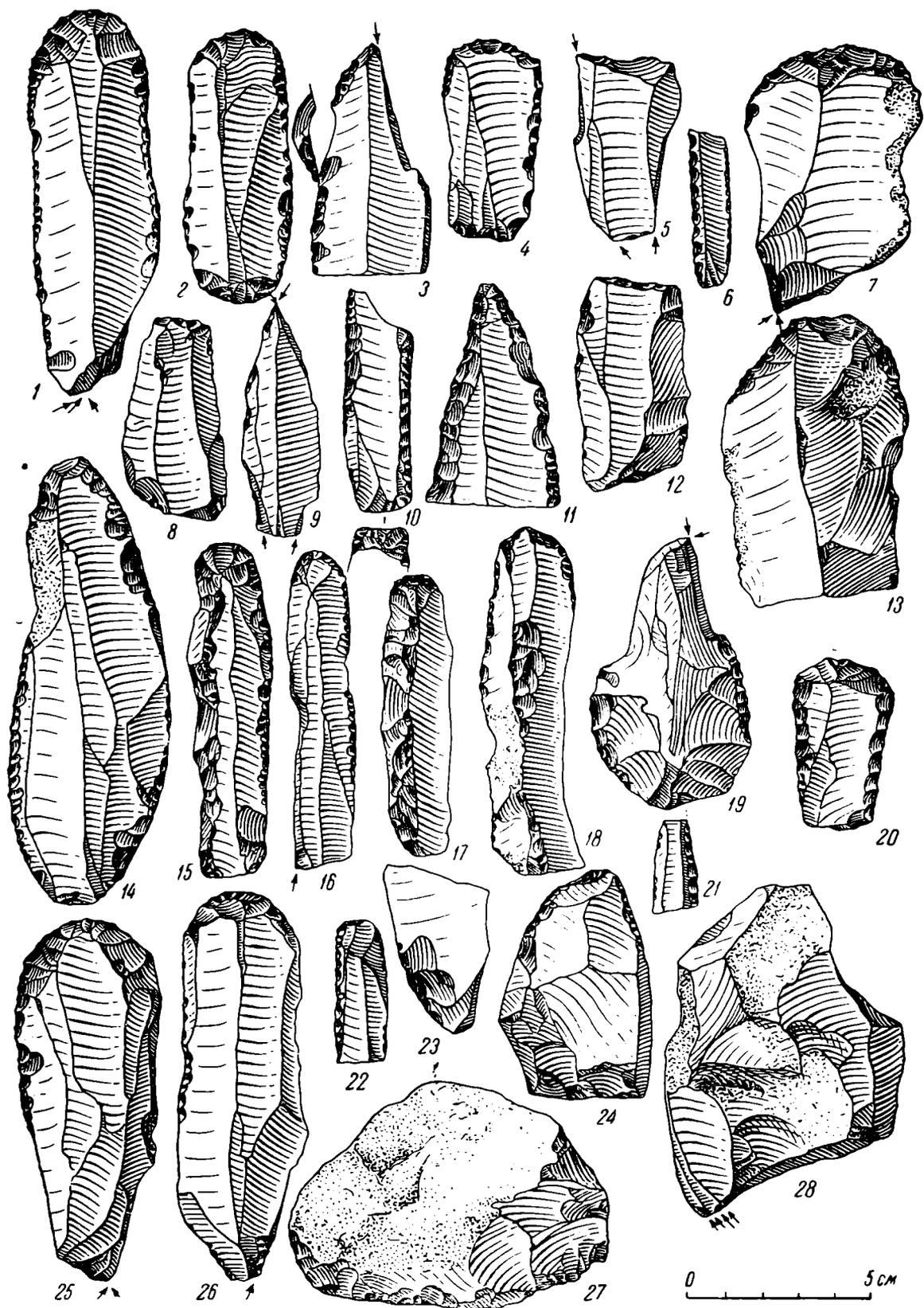

Рис. 9. Кремневые орудия из раскопа № 3 1950 г. (позднее солютре):

1, 7, 25, 26 — скребки-резцы; 2, 4, 13, 15, 18, 20 — скребки; 3, 5, 9, 19 — резцы; 6, 21, 22 — пластинки с притупленным краем; 8, 12 — скребки с прямым лезвием; 10 — фрагмент наконечника с боковой выемкой; 11 — фрагмент наконечника; 14 — пластина с плоской ретушью; 23 — пластина с подтеской по брюшку; 24 — орудие типа остроконечника; 27 — скребло; 28 — нуклеидное орудие

нуклеуса, 411 резцов, 152 скребка, 67 пластинок с краевой ретушью, 41 пластинка с притупленным краем, 7 острий, 10 скребел, 6 проколов, 8 диско-видных орудий, 4 остроконечника, 2 рубилообразных орудия, 3 наконечника с боковой выемкой, несколько скобелей и орудий с подтеской, пластинка с зубчиками по краю, комбинированные орудия, резцовые сколы и около 3 тысяч пластин. Остальной кремневый инвентарь представлен отбросами производства, обломками конкреций и отщепами.

Орудия труда изготовлялись из светлорычневом прозрачного, светлорычневом непрозрачного и темносерого кремня. Нуклеусы в среднем 8—10 см; иногда они имели величину до 13 см, а в одном случае был обнаружен первичный нуклеус — желвак длиной в 22 см со следами нескольких сколов. Соответственно нуклеусам, найденные в раскопах кремневые пластины также крупные; средний их размер 7—8 см. Большая часть орудий изготовлена на крупных пластинах. По цвету патины среди находок преобладают предметы с сине-серой, а около 30% имеет белую патину.

В числе орудий труда преобладают резцы. Они составляют 60% всех орудий из кремня. Резцы можно разделить на угловые (150 экз.), срединные (124 экз.), двойные (57 экз.), плоские, скошенные, нуклеобразные, боковые, билатеральные, тройные и т. д. В большом количестве встречены резцы на пластинах с плоской краевой ретушью, резцы на пластинах с выемчатой или прямой концевой ретушью, угловые резцы на сломанных пластинах, а также призматические и полиэдрические.

Среди второй по численности группы кремневых орудий-скребков довольно много скребков с прямым рабочим краем и на пластинах с плоской краевой ретушью.

Большое значение для датировки материалов имеют наконечники с боковой выемкой, обработанные плоской ретушью, симметричные острия, а также пластины с плоской краевой ретушью.

Группа архаических орудий представлена рубилообразными орудиями, скреблами и орудиями типа остроконечников. Наличие среди инвентаря мустьерских форм является любопытной чертой памятника, так как до сих пор существовало мнение, что для верхнепалеолитических стоянок Поднепровья мустьерские формы не характерны.

Кремневый инвентарь раскопов № 1, 3, 4 стоянки Бабин I характеризуется крупными размерами нуклеусов и орудий, наличием нескольких наконечников с боковой выемкой и односторонней обработкой поверхности; наличием резцов и скребков на пластинах с краевой плоской ретушью; призматических резцов, скребков с прямым и сужающимся лезвием, острий, и т. д., что позволяет сравнивать памятник с группой стоянок типа Костенки I (верхний слой), Гагарино, Бердыж, Авдеево, Пушкири I и Боршево I. Инвентарь этой группы стоянок, хронологически близких между собой, характерен преобладанием в отдельных стоянках тех или других типов орудий, что является конкретной особенностью каждого памятника. Так, среди орудий стоянки Пушкири I преобладают острия, среди орудий Авдеево — орудия с подтеской, на стоянке Костенки I — скребки и резцы, а в Бабине I, как и в Гагарине, преобладают резцы. Тем не менее эти памятники относятся к одной хронологической группе, хотя некоторые из них, например Боршево I, — к наиболее поздним, а Бабин I, повидимому, к наиболее древним среди этой группы.

Сравнение находок из раскопов № 1, 3, 4 стоянки Бабин I с находками на указанной группе стоянок позволяет сделать заключение о том, что полученные нами материалы относятся ко времени бытования этой группы памятников, датирующихся концом эпохи солютре. В отличие от стоянок Пушкири I⁶, Костенки I, Гагарино и Авдеево, где были найдены остатки от

⁶ Речь идет о раскопках П. И. Борисовского в 1937—1938 гг.

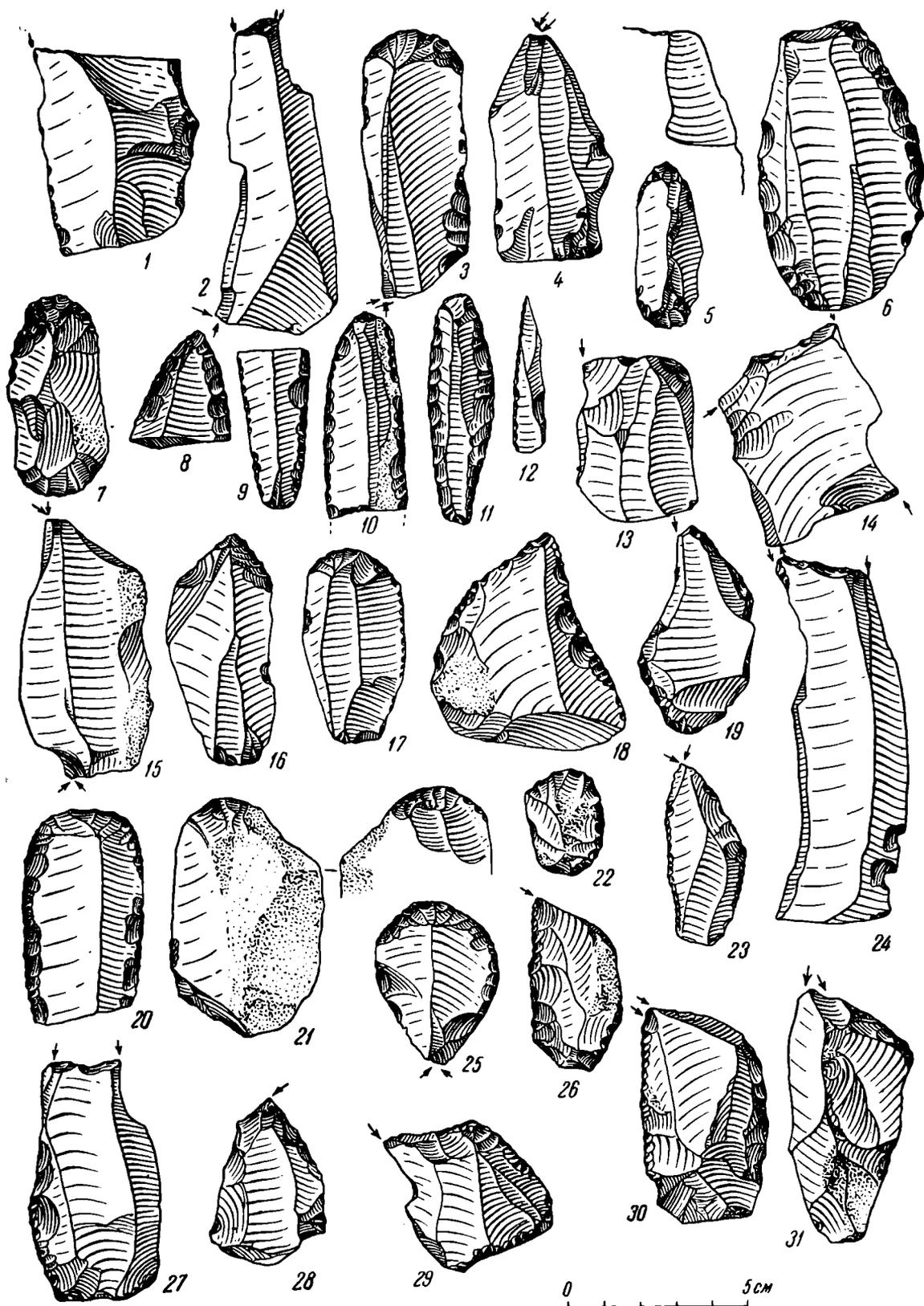

Рис. 10. Кремневые орудия из раскопа № 4. 1950 г. (позднее солютре):

1, 2, 4, 6, 13 — 15, 19, 23, 24, 26 — 31 — резцы; 3, 25 — скребки-резцы; 5, 7, 16, 17, 20 — скребки; 8 — фрагмент острья; 9, 10 — пластины с краевой ретушью; 12 — проколка; 18 — остроконечник; 21 — орудия с подтеской (11 — орудие неопределенного назначения); 22 — скребкообразное орудие.

долговременных жилищ, на стоянке Бабин I обнаружены остатки открытого стойбища типа, аналогичного встреченному М. Я. Рудинским в Пушкарях I. Топографические условия залегания культурного слоя на стоянке дают возможность заключить, что культурный слой стойбища Бабин I частично размыт.

Второй комплекс верхнепалеолитического времени на стоянке Бабин I был вскрыт в раскопах № 2 в 1949—1950 гг. Культурный слой здесь не превышал 0,1 м.

В центре раскопа № 2 1949 года на плитах мелового мергеля прослежено очажное пятно размерами $4 \times 3,5$ м, где были найдены остатки пережженных костей. Кострище находилось на глубине 1,2—1,3 м. В культурном слое обнаружены остатки большей частью раздробленных костей ископаемых животных. Второе кострище ($0,8 \times 0,4$ м) открыто в 1950 г. Оно овальной формы, толщина линзы 3—4 см; в нем встречены остатки пережженных костей и небольшое количество кусочков угля. Кострище находилось в ограждавшем его со всех сторон естественном углублении между камнями, использованном обитателями стойбища. Вокруг кострища в культурном слое в юго-западном углу раскопа собраны кремневые находки и раздробленные кости. Здесь прослеживалось скопление находок, тогда как в других квадратах скоплений не было обнаружено. Были найдены также кусочки краски красной и желтой (охры) и красной (окиси железа).

Фаунистические находки по сравнению с материалами из раскопов № 1, 3, 4 были лучшей сохранности, несмотря на то, что они залегали в том же геологическом слое. Найдены трубчатые кости мамонта, челюсть лошади, остатки рогов северного оленя. По определению В. И. Бибиковой, в раскопке № 2 1949 года обнаружены остатки костей зубра (2 особи), мамонта, северного оленя.

В 1950 г. фаунистических находок в раскопе № 2 было больше. По определению И. Г. Пидопличко, они представлены остатками костей северного оленя (20 особей), лошади (3 особей), мамонта (3 особей), зубра (2 особи) и гигантского оленя (1 особи). Следовательно, преобладает северный олень, составляющий около 60% всех остатков фауны, что до известной степени служит хронологическим показателем.

В отличие от раскопов № 1, 3 и 4 в раскопах № 2 найдены орудия из кости. В 1949 г. был обнаружен обломок молотообразного орудия из рога северного оленя, аналогичный молоткам из Мезина, Чулатово I, Чулатово II, Молодовы и Рипичен. В 1950 г. найдены второй подобный экземпляр, обломок шила, выструганный из трубчатой кости мамонта, фрагмент рога северного оленя со следами обрезывания кремневым орудием, обломок рога северного оленя с обрезанным концом и следами среза на поверхности.

Кремневый инвентарь раскопов № 2 отличается от инвентаря раскопов № 1, 3, 4 преобладанием предметов с синей патиной (80%) и небольшими размерами орудий и нуклеусов. Орудия изготовлены из мелового кремня и галек. Средние размеры нуклеусов 5—6 см, их форма призматическая и коническая; обнаруженные пластины тонкие, удлиненные, хорошо ограненные. Орудия сделаны преимущественно на таких пластинах. В числе кремневого инвентаря 55 нуклеусов, 88 резцов, 64 скребка, 16 пластин с притупленным краем, 3 комбинированных орудия, 2 скобеля, пластины, отщепы и обломки (рис. 11). Из орудий преобладают резцы, среди которых можно выделить 25 угловых, 19 двойных, 17 срединных, 11 боковых, 9 нуклеообразных многофасеточных, 1 клювовидного, 3 билатеральных и 1 с четырьмя рабочими краями. Преобладают небольшие орудия. Скребки почти все изготовлены на пластинах, 4 из них с ретушью по краю, а 4 с подтеской с брюшка на нижнем конце. Средние размеры 5—6 см, но встречено много скребков по 3—4 см. Большинство скребков относится к так называемым коротким, характерным для стоянок мадленского времени. Среди

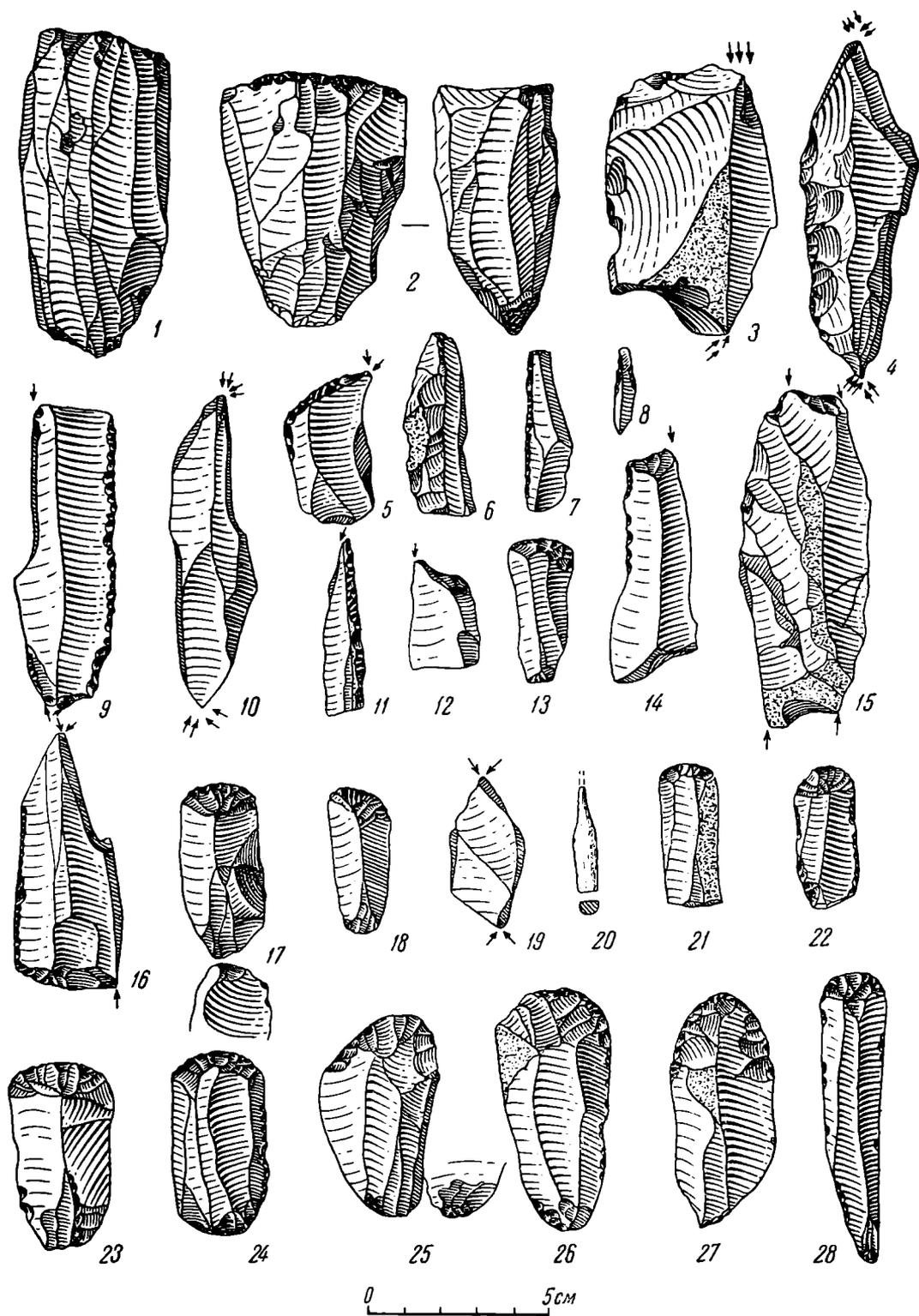

Рис. 11. Материалы из раскопа № 2 1950 г. (мадленское время):
 1, 2 — нуклеусы; 3—5, 9—12, 14—16, 19 — резцы; 13, 17, 18, 21—28 — скребки; 20 — фрагмент
 костяной проколки; 6 — пластинка с боковой выемкой; 7, 8 — пластинки с притупленным краем

других орудий интересно арковидное, аналогичное арковидному орудью из стоянки Корпач (Прут) и подобным находкам из некоторых других мадленских стоянок (Лимейль, Кулон — Франция).

Кремневый инвентарь раскопов № 2 (1949—1950 гг.) стоянки Бабин I имеет много общего с материалами таких стоянок, как Гонцы, Карачарово, Чулатово II, Боршево II, Супонево. Из стоянок, находящихся за пределами СССР, возможно указать аналогии среди таких памятников, как Рипичены (верхний слой), Плакар (верхний слой), Мадлен, верхний слой навеса Марии, Меж, Мюнцинген, т. е. стоянок, относящихся к мадленскому времени, что позволяет стойбище, открытое в Бабин I раскопами № 2, датировать этим же временем.

Незначительная толщина культурного слоя, наличие раздробленных костей животных, остатков от недолговременных кострищ, сравнительно небольшое количество кремневых находок и т. д. — все это свидетельствует, что открытый раскопами № 2 в 1949 и 1950 гг. участок мыса Яма был занят временным сезонным стойбищем охотников на северного оленя, зубра, мамонта и лошадь. Это стойбище аналогично временным стойбищам, обнаруженным в Боршево II, Владимировке, стоянках порожистой части Днепра.

Таким образом, первыми на среднем Поднестровье раскопками 1949—1950 гг. на стоянке Бабин I были обнаружены остатки двух разновременных стойбищ верхнепалеолитического времени, что позволяет подойти к уточнению ряда вопросов, связанных с периодизацией позднего палеолита Днестра.

Несколько слов о работах 1951 года.

В 1951 г. Днестровской экспедицией Львовского филиала Академии наук УССР продолжены раскопки стоянки Бабин I. Была исследована площадь мыса Яма, занятая указанными верхнепалеолитическими стойбищами. Исследован также новый участок возле шурфа № 13 1950 года. На этом участке обнаружен культурный слой со следами кострищ, краски, орудиями из кремня и кости, остатками четвертичной фауны. Среди орудий труда встречены острия с плоской ретушью по брюшку, крупные пластины с выемками, крупные скребки с плоской краевой ретушью и т. д. Этот комплекс относится к более древнему времени верхнего палеолита, чем комплекс, вскрытый раскопами № 1, 3, 4.

Одновременно была произведена шурфовка и заложен раскоп на стоянке Вороновица I, где обнаружен исключительно богатый материалами культурный слой с остатками фауны, кремневыми орудиями и мотыгообразными орудиями из кости и найдена часть углубленного в землю постоянного жилища.

В этом же году произведены раскопки и на пункте Молодова V, у д. Молодова Кельменецкого района Черновицкой обл. Работы дали возможность обнаружить следы нескольких кострищ с кремневыми орудиями и остатками фауны, залегавшими в двух культурных слоях, из которых первый был отделен от нижележащего второго стерильной прослойкой. Следовательно, этот памятник, как и Бабин I, также оказался многослойным.

Проведенные в 1949—1951 гг. раскопки трех памятников палеолита на Днестре являются лишь первыми шагами на пути к решению проблемы периодизации позднего палеолита Поднестровья. Эта проблема может быть решена лишь после исследования целого ряда стоянок, что даст возможность на основании материала опорных памятников, с учетом данных геологии и палеонтологии, обосновать определенные этапы позднего палеолита Поднестровья и окончательно хронологически расчленить имеющийся огромный подъемный материал с этой территории.

Н. Н. ГУРИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Полевые археологические исследования северо-западного отряда Северной экспедиции летом 1950 г. были проведены в Карело-Финской ССР и северной части Ленинградской обл. Как и в предыдущие годы, работы проводились за счет Карело-Финского филиала Академии Наук СССР. Они распадалась на разведочные и стационарные. В общей сложности вновь открыто 44 археологических памятника, из которых 37 стоянок и поселений эпохи неолита и раннего металла и 7 славянских селищ. Кроме того, в южной Карелии найдено три пункта выплавки болотной железной руды XVI—XVII вв. н. э.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ В КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

Институт истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии Наук СССР, совместно с Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР, в 1948 г. начал планомерные, рассчитанные на ряд лет исследования центральной и северной Карелии.

В результате трех экспедиций обследована сравнительно большая территория юго-западной и средней Карелии и обнаружено свыше 70 археологических памятников.

В 1950 г. в Карелии археологическими разведками была охвачена значительная часть республики от Вагатозера и Шотозера до Кимасозера включительно. Работы этого года, в территориальном отношении и по своим задачам, явились прямым продолжением работ двух предшествовавших лет. Археологические разведки были начаты с северо-западного побережья Сегозера, от пос. Паданы (т. е. от конечного пункта работ 1948 г.).

В общей сложности обследовано: западное побережье озер Сегозера и Ондозера, восточное побережье оз. Ругозера, южная часть озер Ледмозера и Нюкозера, южная и юго-восточная части оз. Кимасозера, левый берег р. Ногеуксы, северное и северо-западное побережье оз. Лексозера (рис. 12).

В южной части Карелии обследована южная часть озер Крошнозера, Миккольского, Шотозера и Вагатозера, а также продолжено обследование побережья оз. Сямозера, давшее исключительно интересные результаты. Удалось обнаружить местонахождения близ пункта Сайнаволок и у пристани Соломенное, на оз. Онежском. На последнем проведены раскопки сильно разрушенной стоянки.

К началу наших работ в северной части средней Карелии на этой весьма обширной территории не было известно ни одного археологического

памятника, если не считать некоторых данных о случайных находках вещей, без точного указания их местонахождения.

В результате работы экспедиции 1950 года обнаружено 22 памятника, из которых: 2 на Сегозере, 5 на Ондозере, 3 на Ругозере, 2 на Ледозере, 2 на р. Ногейксе, 1 на Кимасозере, 1 на Нюкозере и 6 на Лексозере.

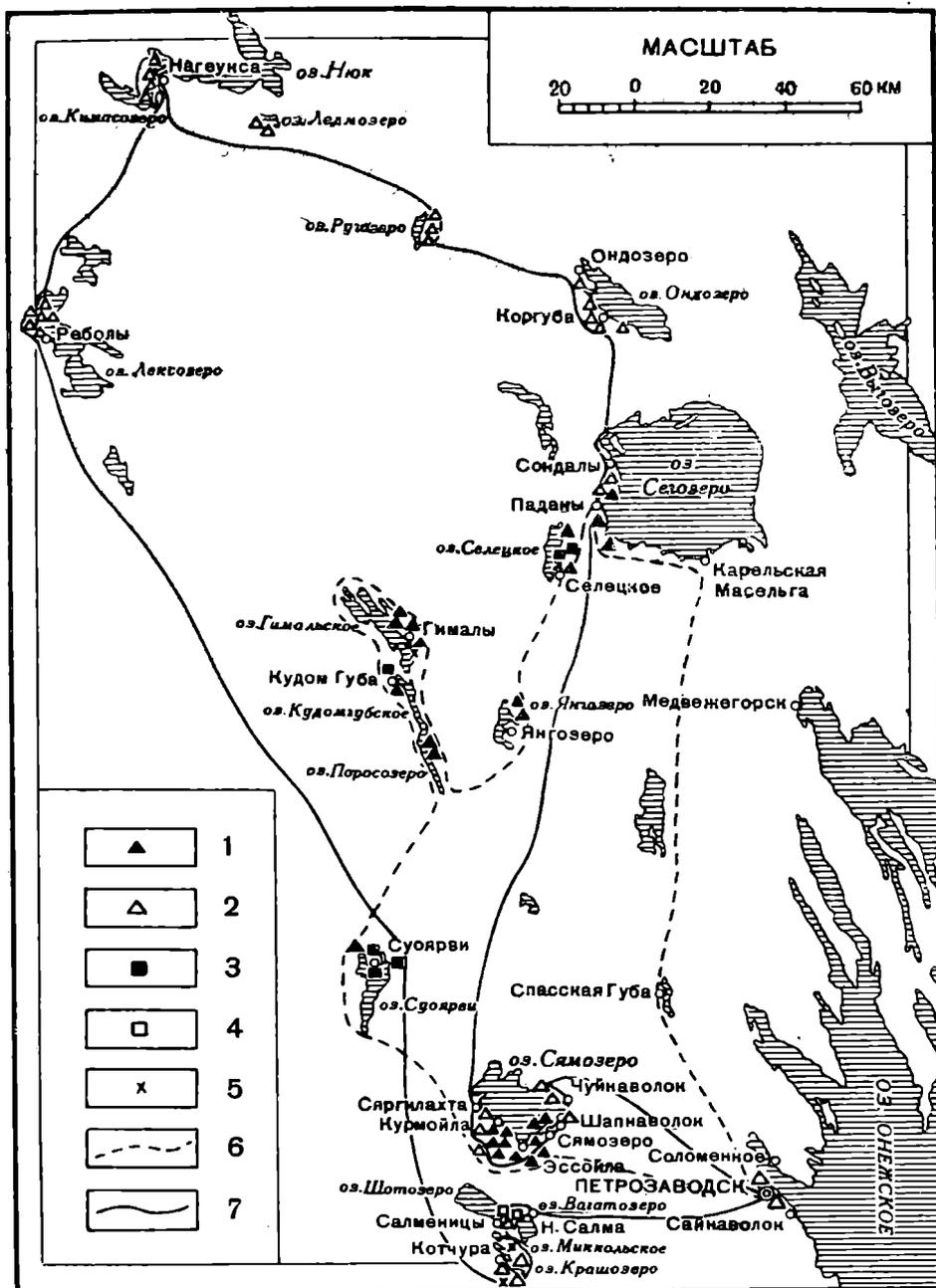

Рис. 12. Размещение археологических памятников в средней части Карело-Финской ССР (по данным разведки 1948—1950 гг.):

1 — неолитические поселения и стоянки, открытые в 1948—1949 гг.; 2 — поселения эпохи неолита и ранней бронзы, открытые в 1950 г.; 3 — памятники эпохи железа, открытые в 1948—1949 гг.; 4 — памятники эпохи железа, открытые в 1950 г.; 5 — места выплавки болотной железной руды в XVI—XVIII вв. в. в., 6 — маршруты экспедиции 1948—1949 гг.; 7 — маршруты экспедиции 1950 г.

Характерной особенностью стоянок средней и части северной Карелии является: 1) значительно бóльшая высота расположения их над современным уровнем озер или рек по сравнению со стоянками южной части Карелии — высота последних не превышает 2,5 м и только в очень редких случаях достигает 3 м; северные стоянки расположены на высоте 8—12 м, не

спускаясь ниже 4 м; 2) несравненно более слабая насыщенность культурного слоя находками; 3) меньшая его мощность; 4) отсутствие интенсивной окраски в красный цвет.

Наиболее характерная черта северных стоянок — это ограниченное количество керамики, а иногда даже и отсутствие ее, в противоположность памятникам южной Карелии, на которых обычно находится значительное количество обломков сосудов. Обильно представлены на северных стоянках кварцевые отщепы и орудия; кремьнь встречается исключительно редко.

За три года разведок (1948—1950) в средней Карелии обнаружено 37 стоянок, из них сравнительно большое количество керамики имеет одна стоянка, очень ограниченное количество керамики — шесть и совсем не имеет керамики 30 стоянок. Связано ли это с различием во времени или вызвано особой формой хозяйства — пока не вполне ясно. Уже сейчас можно сделать вывод, что территория южной Карелии была населена, несомненно, значительно гуще, нежели центральная ее часть. Немногое известное нам о северной Карелии¹ позволяет предположить, что побережья Белого моря и водоемов, тяготеющих к нему и связанных с ним большими водными магистралями, более богаты стоянками, нежели территория средней Карелии. Вероятно, причина заключается в том, что наличие крупных рек способствовало связи этих районов с более южными. Центральная и западная части Карелии, находящиеся далее от удобных путей, были заселены значительно меньше.

Указанные факты заставляют уже сейчас отметить имеющиеся различия между памятниками южной и центральной частями республики. Окончательное решение вопроса станет возможным лишь при постановке стационарных работ, которые позволят глубже понять причину этих различий. В настоящее же время можно высказать лишь предположение, что различия вызваны более оседлым образом жизни в южных районах (где основной формой хозяйства являлось рыболовство) и подвижным образом жизни племен северных территорий (где основа хозяйства была, повидимому, иной).

Стационарные работы в юго-западной части Карелии произведены в четырех пунктах.

1. Поселение у д. Курмойла раскопками 1949 года было вскрыто почти полностью. Краткий отчет о результатах исследования этого поселения исключительно богатого по материалу и интересного по обилию комплексов, уже опубликован². Дальнейшие работы подтвердили правильность высказанной тогда мысли о одновременности возникновения юго-западной и северо-восточной частей поселения, характеризующихся различным типом керамики (керамика типа сперрингс, ямочно-гребенчатая и асбестовая). Работами 1950 года культурный слой поселения исчерпан полностью.

2. Помимо исследования поселения, проведены раскопки на стоянке Курмойла I, расположенной в 1,5 км к юго-востоку от д. Курмойла. Их целью было получить подтверждение правильности сделанного ранее расчленения комплексов поселения Курмойла на одновременные группы, не подтвержденные стратиграфическими данными.

Специфические почвенные условия, повидимому, исключают образование многослойных древних памятников. Близкое расположение культурного слоя от дневной поверхности, малая его мощность и особенность консистенции (чистый песок) неизбежно должны вызывать перемещение и

¹ Раскопки А. Я. Брюсова на стоянке Бесовы Следки (А. Я. Брюсов, История древней Карелии. М., 1940, стр. 276—284). Разведки Г. И. Горещкого и Н. Н. Гуриной в районе г. Кеми и его окрестностях (Г. И. Горещкий, Неолитические стоянки в районе города Кеми. КСИИМК, вып. IX, стр. 111; Н. Н. Гурина, Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финской ССР в 1940 г. Там же, стр. 114).

² Н. Н. Гурина, Результаты работ Карельской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 30—40.

перемешивание культурных остатков. В силу этого возникает острая необходимость отыскания в Карелии и исследования стоянок, расположенных в непосредственной близости одна от другой, дающих вместе с тем различный по характеру материал. Изучение таких памятников позволит точнее провести расчленение по времени, так как близкое соседство их исключает объяснение этих различий локальными особенностями.

С целью уточнения чрезвычайно важного вопроса разновременности комплексов на поселении Курмойла, имеющего значение не только для понимания данного памятника, но и неолита Карелии вообще, в 1949 г. мы предприняли разведки близлежащих мест с тем, чтобы отыскать объекты, которые дали бы материал какого-либо одного типа. Таким памятником и оказалась стоянка Курмойла I, расположенная на ровной песчаной площадке, непосредственно на берегу оз. Сямозера.

Стратиграфия стоянки, в общих чертах сходная со стратиграфией поселения Курмойла I, отличается от нее меньшей мощностью культурного слоя, более слабой его окрашенностью и несравненно меньшей насыщенностью находками. Это отчетливо прослеживается при анализе материала.

Несмотря на сравнительно большое количество керамики (около 700 крупных фрагментов), она удивительно однообразна (рис. 13, 1—9). Сосуды средней величины, очень хорошо обожженные, украшены исключительно круглыми ямками и отпечатками веревки, изредка гребенчатого штампа, образующего узкие горизонтальные пояса. Керамика двух других типов (сперрингс и асбестовая), так богато представленная на поселении Курмойла, здесь совершенно отсутствует. Таким образом, однотипность находок, отражающая сравнительную кратковременность обитания стоянки, позволяет прийти к чрезвычайно существенному для нас выводу: керамика первой группы типа сперрингс, типично ямочно-гребенчатая и асбестовая — являются разновременными.

3. Третий пункт, где были произведены частичные раскопки, это поселение у д. Чуйнаволоок, расположенное на северо-восточном берегу оз. Сямозера и открытое в 1950 г.

На вскрытой площади обнаружен значительный материал, состоящий преимущественно из керамики и некоторого количества кварцевых и кремневых орудий (всего 1100 предметов). Наибольший интерес представляет керамика (рис. 14, 1—11). Абсолютное большинство сосудов изготовлено из желтой глины, часто с грубой примесью крупных зерен кварцевого песка. Толщина стенок сосудов — до 1 см; край прямой, днище уплощенное или плоское. Внешняя поверхность, иногда гладкая, часто имеет следы штриховки, в большинстве же случаев покрыта отпечатками мелкой ткани или грубых прочерченных линий, поверх которых без всякого порядка нанесены два ряда ямок подчетыреугольных очертаний. Встречаются фрагменты с оттисками мелкого гребенчатого штампа. Весь облик этой керамики — орнамент и форма (плоское дно) — с бесспорностью свидетельствует о том, что сосуды относятся к эпохе раннего металла. Подтверждение этому находим в кусках шлаков, повидимому железных, обнаруженных на поселении.

Кремневый и кварцевый инвентарь немногочислен, крупные орудия отсутствуют. Каких-либо комплексов жилого или хозяйственного назначения встречено не было. Культурный слой залегал равномерно. Мощность его не превышала 0,6 м. Окраска, в отличие от окраски культурного слоя других стоянок Карелии, имеет отчетливо выраженный темный, почти черный цвет без всякой примеси охры.

Значение поселения Чуйнаволоок очень велико, поскольку данный памятник служит одним из звеньев, связывающих неолитические памятники с эпохой развитого железа (X—XI вв. н. э.).

Немаловажное значение в разрешении основной, как нам кажется, проблемы в истории древней Карелии — эпохи раннего металла — имеют и

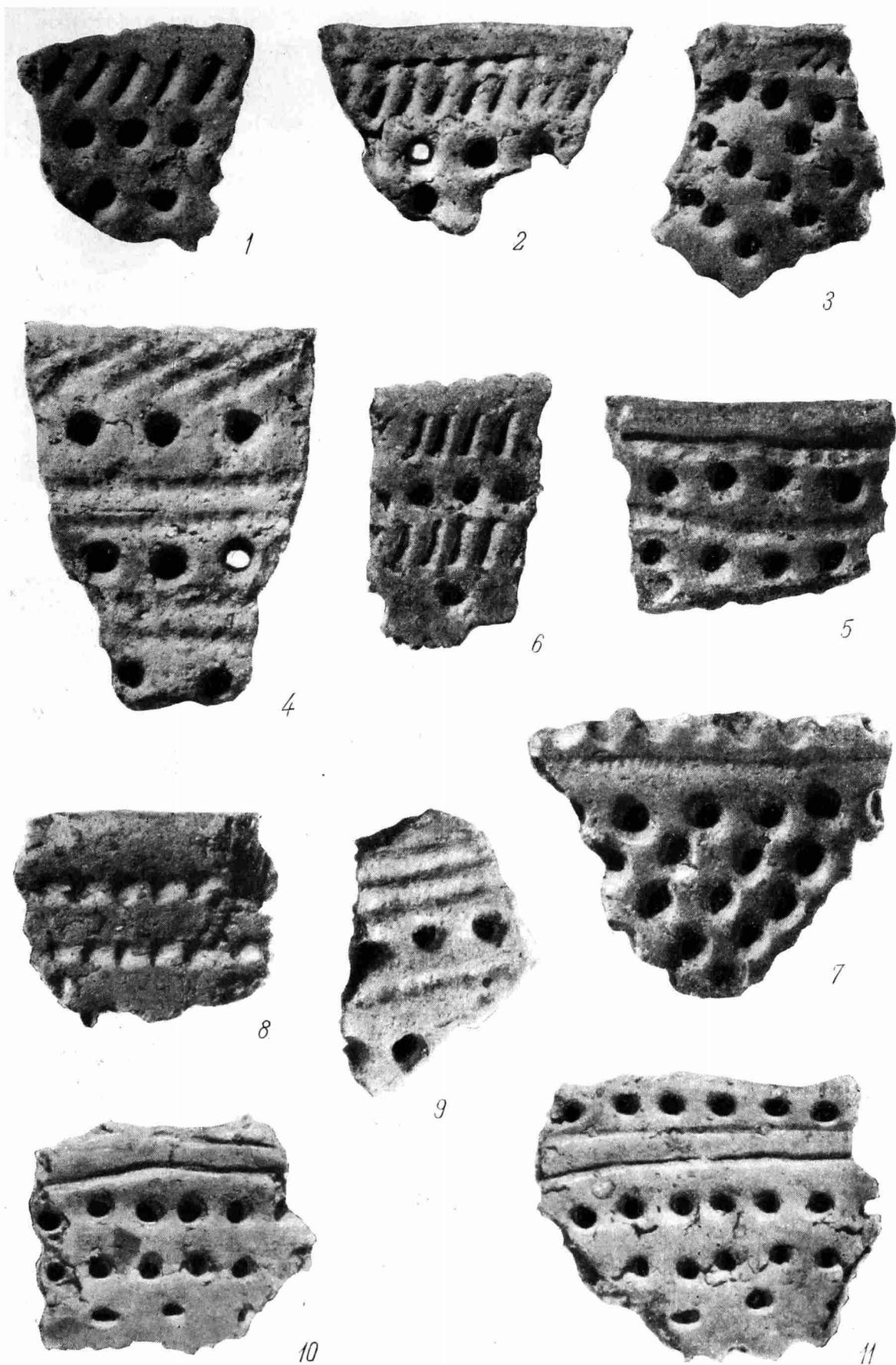

Рис. 13. Керамика:

1-9 — со стоянки Курмойла; 10-11 — керамика II группы с поселения Курмойла

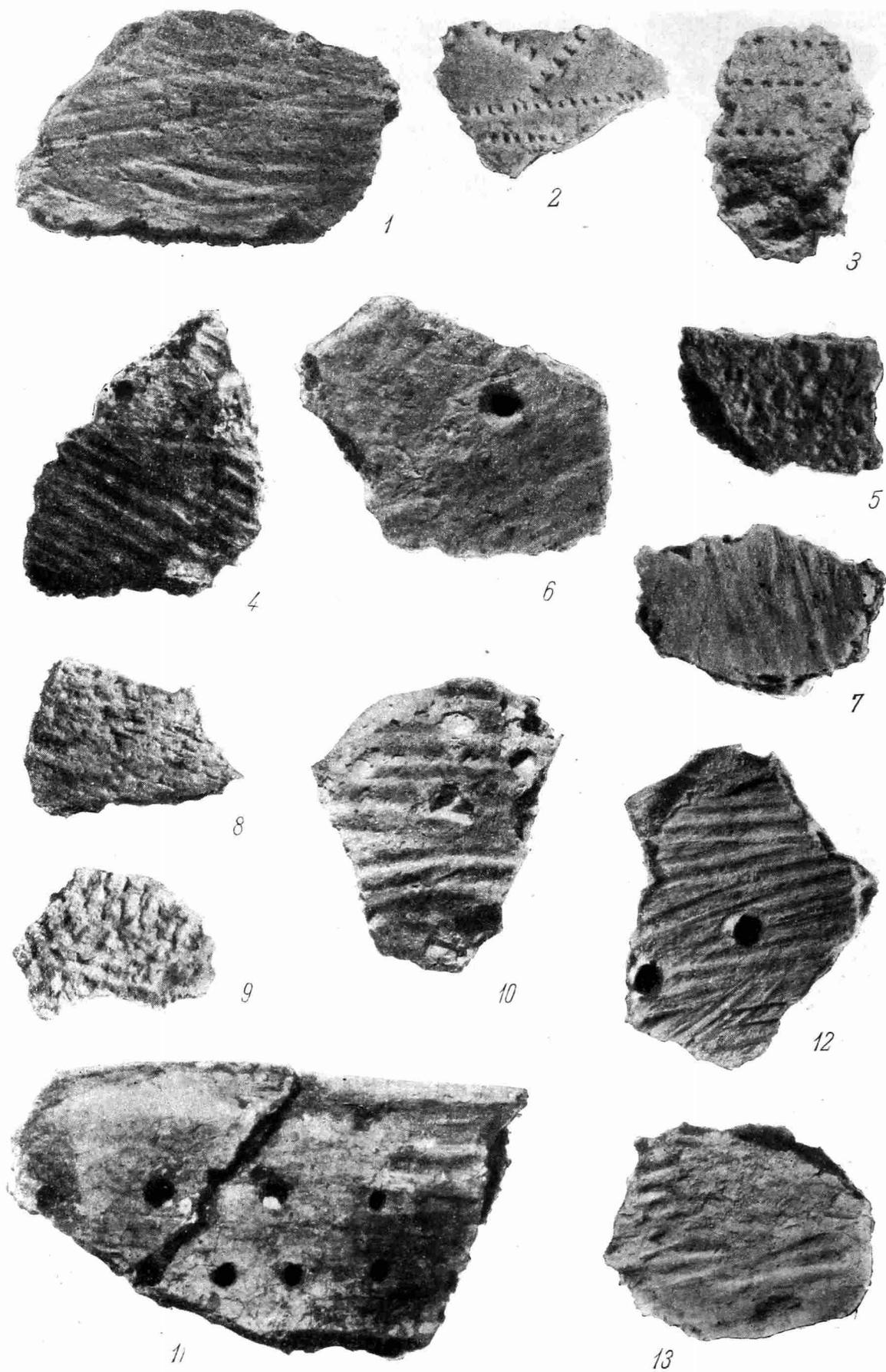

Рис. 14. Керамика:

1—11 — с поселения Чуднаволок (оз. Сяозеро); 12, 13 — с местонахождения Сайнаволок (Онежское озеро)

обнаруженные нами в 1949 г. поздние комплексы на поселении Курмойла — асбестовая керамика в сочетании с железными шлаками, поздняя ямочно-гребенчатая керамика, найденная совместно с медными шлаками в 1948 г. на стоянке Шалнаволок (оз. Сямозеро), и, наконец, обнаруженная нами в 1950 г. на Шотозере грубая лепная керамика X—XI вв. н. э.

Не весь керамический материал, встреченный на поселениях Карело-Финской ССР, соответствует понятию неолитического. Часть его отражает последующую ступень развития общества — эпоху металла (керамика с отпечатками ткани, с резкими штрихами на внешней поверхности, гладкая, хорошо профилированная). Если к этому добавить случаи нахождения металла в стоянках с асбестовой и поздней ямочно-гребенчатой керамикой, то число стоянок и поселений, где встречаются элементы не типично неолитические, дойдет до 20. Располагая их на карте, можно прийти к выводу, что они известны во всех районах южной Карелии и севера Ленинградской обл. (на западе — от Выборга, на севере — до северного побережья Онежского озера). Как далеко они заходят на север Карелии, пока установить трудно, вследствие слабой изученности этих районов. В настоящий момент можно констатировать два случая нахождения их почти у Белого моря³.

Указанные факты уже сейчас, как нам кажется, позволяют сделать заключение, что в южной и, повидимому, в северной Карелии население жило, начиная с эпохи неолита, не покидая этой территории; иначе нельзя объяснить наличия поздних элементов в ряде памятников.

Какова была форма хозяйства в I тысячелетии до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э.? Было ли население оседлым или кочевым, относилось ли к одной из культур каменного века, представители которой не умели изготавливать металлические орудия, как думают некоторые исследователи, — для решения этого вопроса требуется больше фактов. В пользу поступательно-прогрессивного развития древнего населения Карелии свидетельствует растущее с каждым годом количество случаев нахождения металла на стоянках и поселениях, относимых ранее к неолитическим (11 пунктов). Особенно существенно отметить, что в двух из них найдены мастерские по выплавке металла⁴. Трудно предположить, чтобы люди, владевшие искусством выплавки металла, жили как бы в двух оазисах, окруженные населением, относящимся к одной из культур каменного века. Подобное утверждение противоречит здравому смыслу.

4. Четвертым пунктом стационарных работ был пос. Соломенное около Петрозаводска, где раскопана оставшаяся часть разрушавшейся неолитической стоянки.

РАБОТЫ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1950 г. нашим отрядом произведены работы на севере Ленинградской обл. — в районе Приладожья.

В результате кратковременной разведки обнаружено три поздне-неолитические стоянки в устье р. Валгомы, впадающей в р. Сясь, и семь славянских селищ в нижнем течении рек Волхова и Сяси.

Стационарные работы проводились в двух пунктах: на поселении близ д. Изсады, в 3 км от устья р. Волхова, и на поселении близ северного конца с. Старой Ладogi, в урочище Сопки.

³ Стоянка Бесовы Следки (гладкая керамика) (А. Я. Брюсов, История древней Карелии, стр. 276—284) и стоянка Надвоицы (асбестовая и гладкая керамика в сочетании с железными шлаками) (там же, стр. 226).

⁴ Бронзово-литейная мастерская, исследованная А. Я. Брюсовым в местечке Томицы близ г. Петрозаводска (А. Я. Брюсов, История древней Карелии, стр. 238—243; Е го же. Мастерская по выплавке железной руды, обнаруженная Н. Н. Гуриной на поселении Орлов-Губа близ п. Повенец. МИА, № 20. М.—Л., 1951).

Сведения о наличии поселения в урочище Сопки были получены от С. Н. Орлова, открывшего этот памятник.

Культурный слой залегает под Сопкой, расположенной на левом, крутом берегу реки (19 м над современным уровнем р. Волхова), на мысу, образованном берегом и прорезающим его оврагом (глубиной до 18 м), которым разрушен довольно значительный край Сопки с запада. В средней части поверхность Сопки сильно испорчена грабительскими раскопками.

Зачистка обреза со стороны оврага позволила выяснить характер стратиграфии поселения. Культурный слой, интенсивно окрашенный в темный цвет, залегал под насыпью Сопки, на глубине около 4 м. Мощность его не превышала 4,5 м. Ниже культурного слоя шел материк — желтый песок, лежащий на моренной глине.

Раскопками удалось отчетливо выявить три одновременные подсыпки Сопки и установить наличие в ее основании каменной кладки, образующей полукруг и углубленной в восточной части на 1,28 м в материк.

Культурный слой поселения прослеживался на всей площади Сопки. Однако мощность его заметно увеличивалась к западной и отчасти южной сторонам. К северу и востоку культурный слой постепенно выклинивался. Он имел темную окраску, зависящую от значительного количества мелких углей.

Многочисленные находки состояли из большого количества отщепов кремня (среди которых преобладали мельчайшие чешуйки), скребков, наконечников стрел (рис. 15, 1—5, 9, 10, 14) и керамики (рис. 16, 1—10).

Керамика очень однообразна. Подавляющее большинство сосудов имеет среднюю толщину стенок и отчетливо профилированный край. Внешняя поверхность украшена отпечатками тонкой сетки, поверх которой располагаются в беспорядке округлые ямки, иногда отпечатки очень мелкой и четкой гребенки.

Наконечники стрел листовидной формы, один из них сейминского типа. Особенно отчетливо выражен тип скребков. Меньшая часть их изготовлена из довольно массивных, удлинённых отщепов подчетыреугольных очертаний, с крутой ретушью на узком, слегка округлом конце. Более многочисленную группу составляют скребки на отщепах, с округлым массивным концом, обработанным крутой ретушью, и другим — плоским, вовсе лишенным обработки. Подобные скребки хорошо представлены в ранних городищах «дьякова» типа на верхней Волге, как, например, в нижнем слое городища у с. Городище близ Калязина⁵. Помимо кремневого инвентаря встречено несколько обломков шлифованных сланцевых орудий, обломок шлифовальной плиты и кусочек бронзы.

Судя по распространению культурного слоя и степени насыщенности находками, можно прийти к выводу, что поселение продолжалось в сторону карьера (к западу) и в значительной степени уничтожено им. Каких-либо комплексов жилого или хозяйственного назначения встречено не было.

Поселение у д. Изсады находится на правом берегу р. Волхова, против д. Юшково. Местоположение его имеет общие черты с расположением поселения под Сопкой. Берег р. Волхова в этой части очень высок (около 18 м) и крут, сложен из уплотненного песка, прикрытого сверху дюнным песком.

Площадь, занятая находками, равна приблизительно 2000 м². Однако поверхность поселения сильно повреждена различными перекопами⁶, и в настоящее время нетронутыми остались лишь незначительные участки.

Наиболее цельной оказалась юго-восточная часть, где и был заложен основной раскоп.

Культурный слой темного цвета представлял собой песок с большим количеством вкраплений мелких углей и золы и достигал местами 0,65—

⁵ П. Н. Третьяков. Древние городища Верхнего Поволжья. СА, т. IX, стр. 70.

⁶ На данном месте ранее стоял поселок.

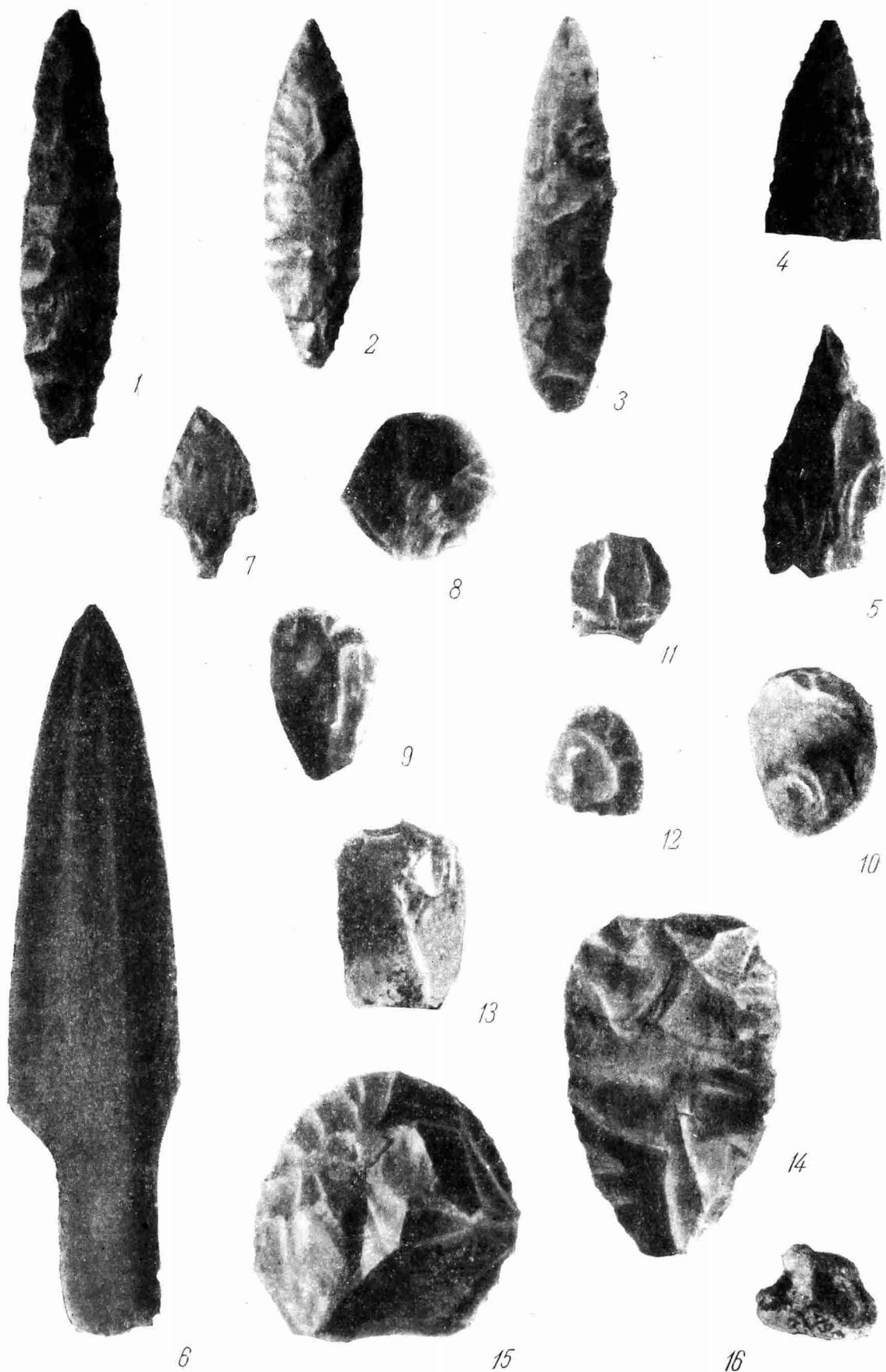

Рис. 15. Находки с поселений под Сопкой и Изсады:

1—5 — наконечники стрел и их обломки с поселения под Сопкой; 6, 7 — наконечники дротика и стрелы с поселения Изсады; 8—13 — скребки с поселений под Сопкой и Изсады, 14 — скребок с поселения под Сопкой; 15 — скребок с поселения Изсады; 16 — кусочек бронзы с поселения под Сопкой (1—5, 7—15 — кремнь; 6 — сланец; 16 — бронза)

0,70 м. Сверху слой перекрыт дюнным светложелтым песком, мощностью до 1 м.

Как показали раскопки, к северо-западу мощность культурного слоя заметно уменьшалась, к юго-востоку — увеличивалась. Такая же картина наблюдалась и в отношении вышележащего дюнного песка. Увеличение мощности культурного слоя в юго-восточную сторону объясняется тем, что в этой части на слой поселения налегает культурный слой более позднего славянского селища, отчетливо прослеженного нами в расстоянии 20 м к юго-востоку от края нашего раскопа. На площади раскопа он не был отделен стратиграфически от нижележащего слоя поселения.

Дюнный характер стоянки обусловил некоторое перемещение и перемешивание культурных остатков, исчезновение костного материала, легкую окатанность предметов и, повидимому, отсутствие каких-либо остатков комплексов жилого или хозяйственного характера. Только в одном случае найден раздавленный сосуд.

Обнаруженный материал (около 1000 предметов) в отличие от поселения под Сопкой, где замечается явное преобладание отщепов кремня, состоит преимущественно из керамики. Количество отщепов, так же как и кремневых орудий, на поселении Изсады весьма ограничено. Наиболее отчетливо выражены скребки на массивных отщепах, обработанные крутой ретушью, округлые или удлиненные по форме, аналогичные скребки с поселения под Сопкой.

Наконечников стрел встречено два: кремневый с черешком и сланцевый с широким черешком и пером, имеющим в поперечном сечении форму сильно уплощенного ромба, — тип, широко известный в Скандинавии, Финляндии и отчасти на севере Карело-Финской ССР (рис. 15, 6, 7).

Наибольший интерес представляет керамика⁷. Среди громадного количества фрагментов не встречается ни одного, который можно было бы считать неолитическим. Все сосуды сравнительно тонкостенны, несколько обожжены, с отчетливо профилированными краями. Элементами орнамента являются гребенчатый штамп, преимущественно очень мелкий, изредка — ямочный орнамент. Форма ямок всегда неправильна, нанесены они очень небрежно (рис. 17, 1—6). Явно преобладают отпечатки различной по своему характеру ткани — наряду с очень тонкой встречается крупная, с правильным плетением. Оттиски расположены преимущественно на стенках и днищах сосудов (часто и с внутренней стороны) (рис. 17, 7).

Как правило, сетчатый орнамент сочетается с оттисками мелкой гребенки, расположенными в верхней части сосуда, и неглубокими ямками округлых очертаний, наколотыми поверх отпечатков ткани без особого порядка. Нижняя часть сосудов в подавляющем большинстве случаев имеет только отпечатки ткани.

Несмотря на большое сходство этой группы керамики с керамикой поселения под Сопкой, прослеживаются все же и некоторые различия. Последняя более однообразна, причину чему, повидимому, следует искать в сравнительной кратковременности обитания человека на поселении под Сопкой. Об этом же свидетельствует и весьма ограниченное распространение культурного слоя, меньшая его мощность и, наконец, однообразие кремневого инвентаря.

Поселение у д. Изсады, вероятно, было обитаемо в течение длительного времени. Керамика его, несомненно, отличается от типичной текстильной керамики городищ «дьякова» типа. Она значительно более тонкостенна и хранит в себе еще многие элементы эпохи неолита в виде орнамента из ямок и гребенчатого. Однако общий ее облик, формы кремневых орудий,

⁷ Часть керамики принадлежит к верхнему слою поселения, которое относилось к славянскому времени и основная часть которого обнаружена нами к юго-западу от края раскопа (грубые лепные сосуды и сосуды, изготовленные на гончарном круте).

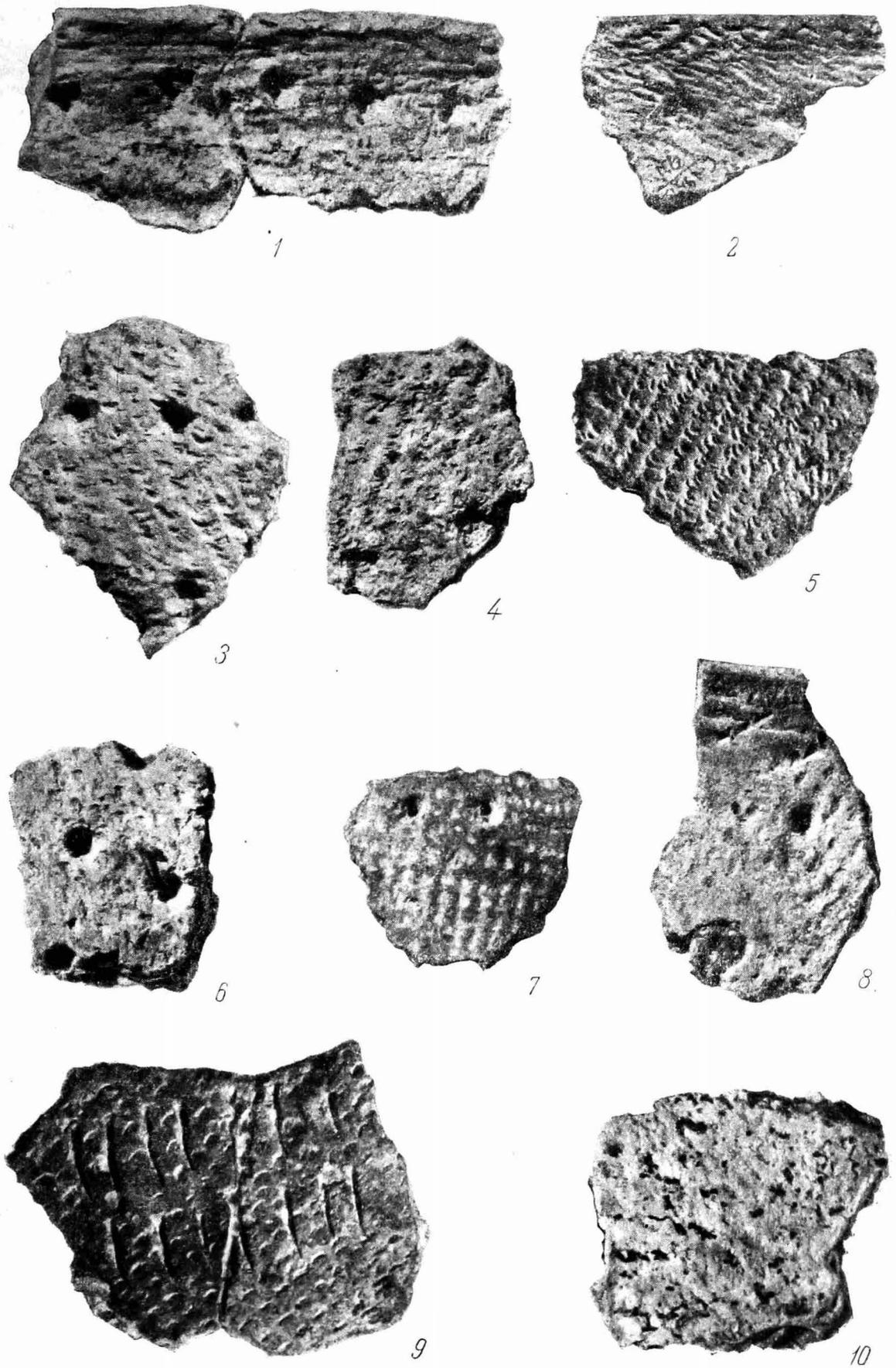

Рис. 16. Керамика с поселения под Сопкой

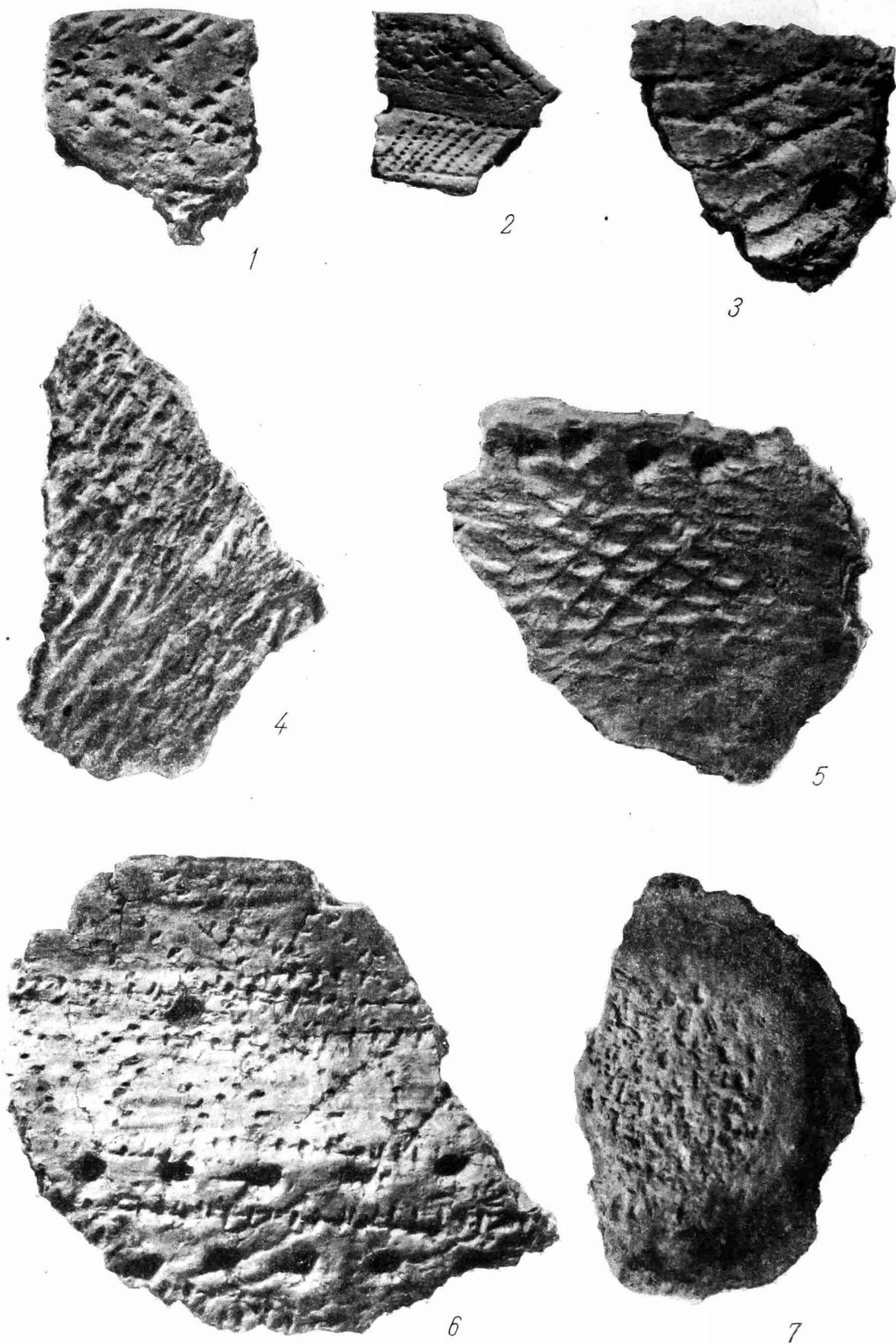

Рис. 17 Керамика с поселения Изсады:
1—6 — края и стенки сосудов; 7 — обломок днаща.

топография поселений — на высоких, обрывистых берегах реки — говорят о существенных сдвигах, происшедших в хозяйстве общества, обитавшего на этой территории, вероятно о появлении скотоводства и, возможно, земледелия.

Факты позволяют сблизить оба исследованных памятника с ранними городищами «дьякова» типа, когда, по мнению П. Н. Третьякова⁸, типичная культура «дьяковых» городищ только еще слагалась. В абсолютных датах это должно соответствовать, повидимому, первой половине I тысячелетия до н. э.

Сопоставляя два памятника, раскопанных нами, можно прийти к выводу, что поселение под Сопкой более раннее, так как оно имеет большее сходство со стоянкой у д. Ворокса на р. Волге, исследованной П. Н. Третьяковым⁹, тогда как находки с поселения у д. Изсады ближе материалу нижнего слоя городища у с. Городище около Калязина¹⁰. Об этом свидетельствует меньшее количество каменных орудий и характер керамики.

Сближение наших памятников с городищами «дьякова» типа было бы еще более убедительным, если бы нам удалось проследить наличие искусственных укреплений в виде валов или рвов. Не исключена возможность, что они здесь существовали, но были уничтожены: на поселении Изсады — ямами и траншеями, под Сопкой — насыпью сопки. Можно лишь с уверенностью констатировать, что оба поселения имели естественные укрепления с двух сторон: первое — р. Волхов и глубокий овраг, второе — р. Волхов и глубокую котловину. Возможно, что с других двух сторон они были укреплены искусственно.

Исследованные в этом году памятники являются первыми в Ленинградской обл., характеризующими эпоху раннего металла. В то же время, повидимому, они являются не единственными. Знакомство с коллекциями Государственного Эрмитажа показало, что случайные находки такой же керамики были сделаны Н. И. Репниковым у пос. Рогожское, на р. Сяси¹¹.

Следами существования памятников эпохи бронзы на данной территории следует считать и находки фрагмента такой же текстильной керамики и бронзового ножа у д. Вельсы (ныне Юшково)¹², расположенной против д. Изсады.

Дальнейшие исследования, совершенно необходимые в этой части Ленинградской обл., несомненно, расширят территорию распространения указанных памятников, помогут уточнить их датировку и, вероятно, выявить локальные особенности. Обнаружение и изучение памятников эпохи бронзы на севере Ленинградской обл. не только имеет существенное значение для полного восстановления всех звеньев исторического процесса на этой территории, но и исключительно важно для понимания древней истории Карело-Финской ССР.

---

⁸ П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, т. IX, 1947, стр. 64.

⁹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1947, стр. 18.

¹⁰ Там же, стр. 21 и сл.

¹¹ Государственный Эрмитаж.

¹² Там же.

А. Н. КАРАСЕВ-

РАСКОПКИ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО В 1950 г.

В 1950 г. Симферопольский отряд Тавро-Скифской экспедиции Крымского филиала Академии Наук СССР шестой год продолжал раскопки столицы скифского государства в Крыму — Неаполя Скифского.

Работы производились на четырех участках: северо-восточном, северном, северо-западном и западном. Всего вскрыто 510 м² площади. Работами на северо-западном и западном участках руководила Е. И. Леви; на северо-восточном и северном — О. Д. Дашевская.

В северо-восточный участок входят квадраты раскопа А — 36, 12, 12^a, 11^b и 12^c (рис. 18).

Основной задачей работ на этом участке было возможно большее раскрытие огромного комплекса зерновых ям.

Здесь обнаружена 21 зерновая яма и доследованы семь, частично открытых в 1949 г. Зернохранилище, в состав которого в настоящее время входят 62-зерновые ямы, делится на нижний и верхний ярусы. Нижний ярус устроен в вымостке из мелкого камня улицы, идущей от центральных городских ворот на восток, поворачивающей в квадрате 23 на север и уходящей в квадрат 12^b в северо-восточном направлении. Все зерновые ямы нижнего яруса грушевидной формы и высечены целиком в скале, только горловины и венцы их выложены камнем.

Открытые в 1950 г. зерновые ямы нижнего яруса оказались разрушенными (рис. 19). В некоторых обнаружены на дне плоские круглые плиты, служившие крышками. Ямы № 44—48 были, кроме того, заполнены камнями частично рухнувшей подпорной стены И. Сохранившаяся глубина ям в скале 1,1—2,05 м; диаметр дна 1—2 м. Верхняя часть ям рухнула, поэтому среднюю глубину их в древности следует считать около 2 м. В ямах встречено очень мало находок; датируются они поздним временем — II—III вв. н. э. Датирующим материалом служат обломки амфор, черепки красно- и буролаковой керамики.

Комплекс зерновых ям устроен, очевидно, в I в. н. э. Намечается некоторая последовательность в его сооружении. К числу несколько позже устроенных относятся, например, ямы № 34 и 62. Первая имеет неправильную, удлинненную форму, не расширяется ко дну, как все остальные, а сужается; это вызвано тем, что она вырублена между двумя уже существовавшими зерновыми ямами. Вторая яма (№ 62) имеет в месте наибольшего сближения с ямой № 61 в нижней части как бы «вмятину» неправильной формы, вызванную тем, что за линию намеченного периметра дна заходит сильно расширяющаяся книзу яма № 61.

В пределах квадратов 12 и 13^a раскрыто дальнейшее протяжение подпорной стены И, облицованной только с одной, западной стороны. Стена И

является подпорной, сдерживавшей и оформлявшей находящуюся за ней к востоку террасу высотой в 1,5—2 м. Наиболее вероятно, что эта терраса служила пологим подъемом — пандусом, по которому поднимались защитники на городскую стену. В пандусе также были устроены зерновые ямы, существовавшие одновременно с хранилищами нижнего яруса. Зерновые ямы верхнего яруса вырыты в рыхлой земле. Поэтому стенки их выложены на всю высоту мелким плоским камнем на глине и внутри обмазаны слоем

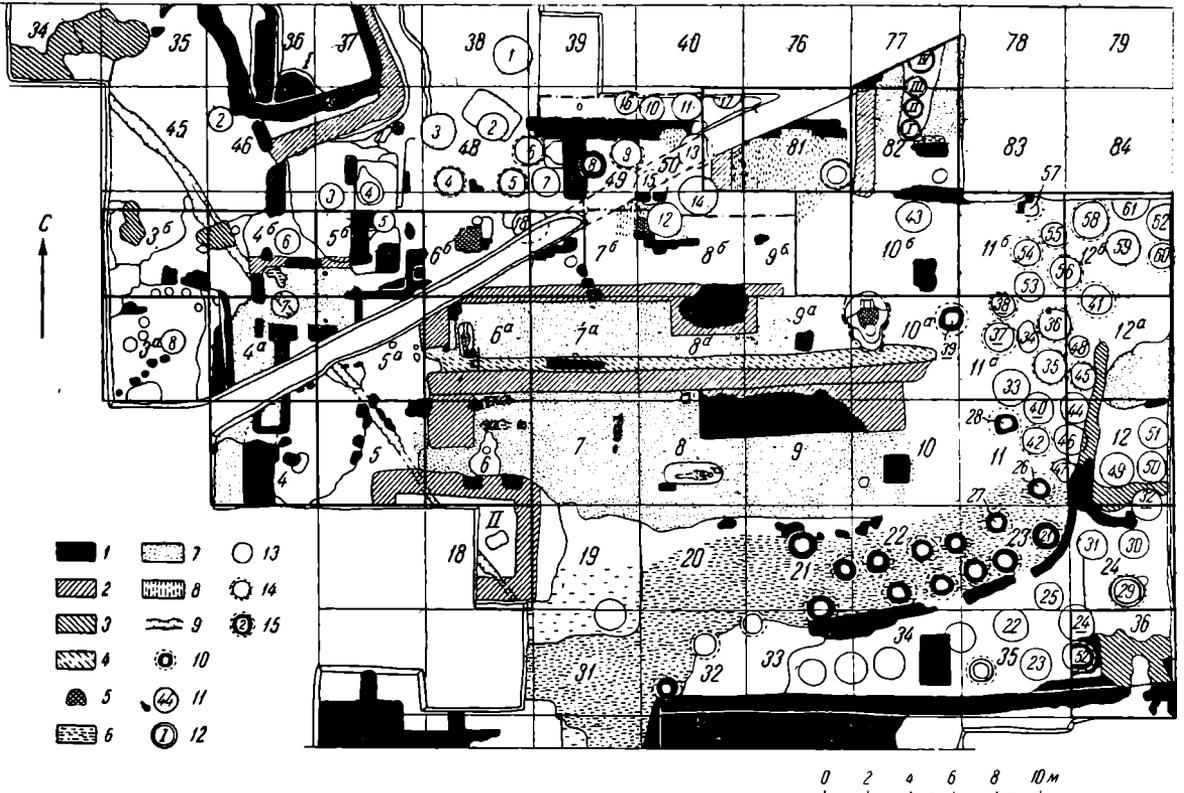

Рис. 18. План раскопок 1950 г. в Неаполе Скифском:

1 — каменные кладки; 2 — следы выбранных кладок; 3 — каменные завалы; 4 — скопление отесков; 5 — печи и очаги; 6 — вымостка из мелких камней; 7 — вымостка из каменной крошки; 8 — земляной пол; 9 — естественная трещина в скале; 10 — зерновые ямы с сохранившейся обкладкой горловины, открытые до 1950 г.; 11 — зерновые ямы с разрушенной горловиной, открытые в 1950 г.; 12 — пифосы; 13 — зерновые ямы с разрушенной горловиной, открытые до 1950 г.; 14 — зерновые ямы с сохранившейся обкладкой горловины, открытые до 1950 г.; 15 — зерновые ямы с сохранившимся венцом, открытые в 1950 г.

глины. Ямы верхнего яруса конусообразной формы, с постепенным расширением ко дну. Зернохранилище, состоявшее из ям обоих ярусов, существовало в I и II вв. н. э. Во II или III в. н. э. оно гибнет, а позже часть ям используется в качестве могил. Хорошо сохранившееся захоронение мужчины вместе с лошадью обнаружено в яме № 29, открытой в 1949 г.

В 1950 г. в ямах № 44 и 45 обнаружены части человеческого костяка, а в № 36 — костяк ребенка без погребального инвентаря.

Работы на северном участке велись на квадратах 50, 81, 82 и 77 раскопа Б и на квадратах 9^а, 10^а раскопа А. Кроме того, проведены исследования в пределах квадратов 49, 8^б и 10^а.

Основной задачей работ являлось дальнейшее раскрытие остатков большого здания, частично исследованного в 1948 г. Необычная толщина каменного цоколя (0,8 м), тщательность его кладки и большие размеры двух помещений, уходящих в нерасследованную площадь, наводили на мысль, что перед нами остатки здания общественного назначения.

В результате работ 1950 года полностью изучено среднее и обнаружено восточное помещение. Вновь открытое восточное помещение отличается от

двух ранее исследованных тем, что при раскопках в нем встречено огромное количество обломков штукатурки (1200), имевшей различную окраску: красную (больше всего), желтую, белую, зеленую, синюю и черную. Плоскость стены была разбита на горизонтальные полосы, разграниченные неглубокими (2—3 мм), но довольно широкими (3—5 мм) бороздками, окрашенными, как правило, в коричневый или темносерый цвет. Кроме того,

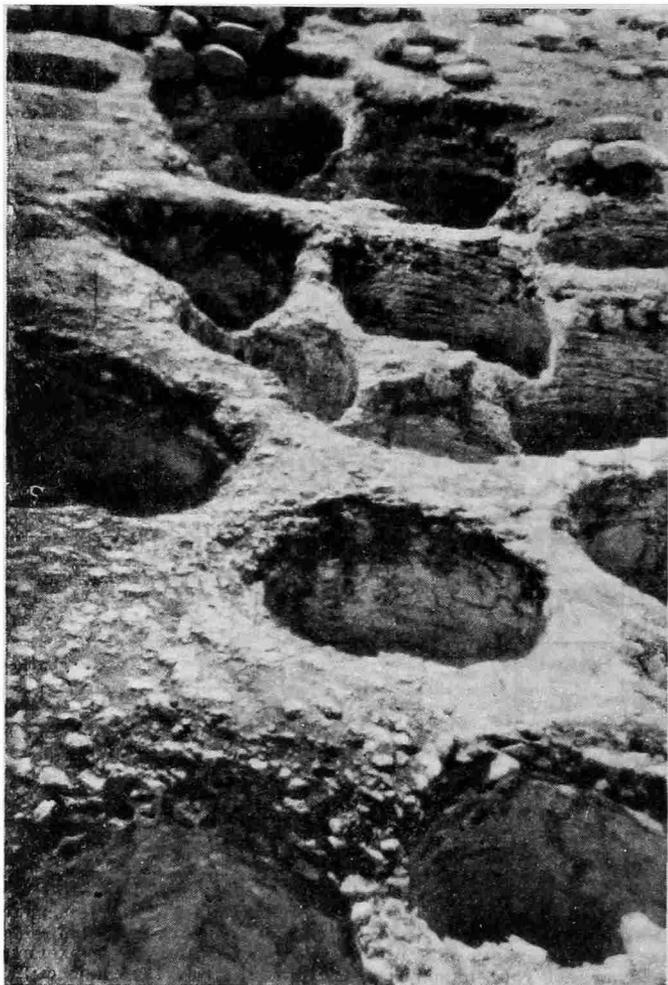
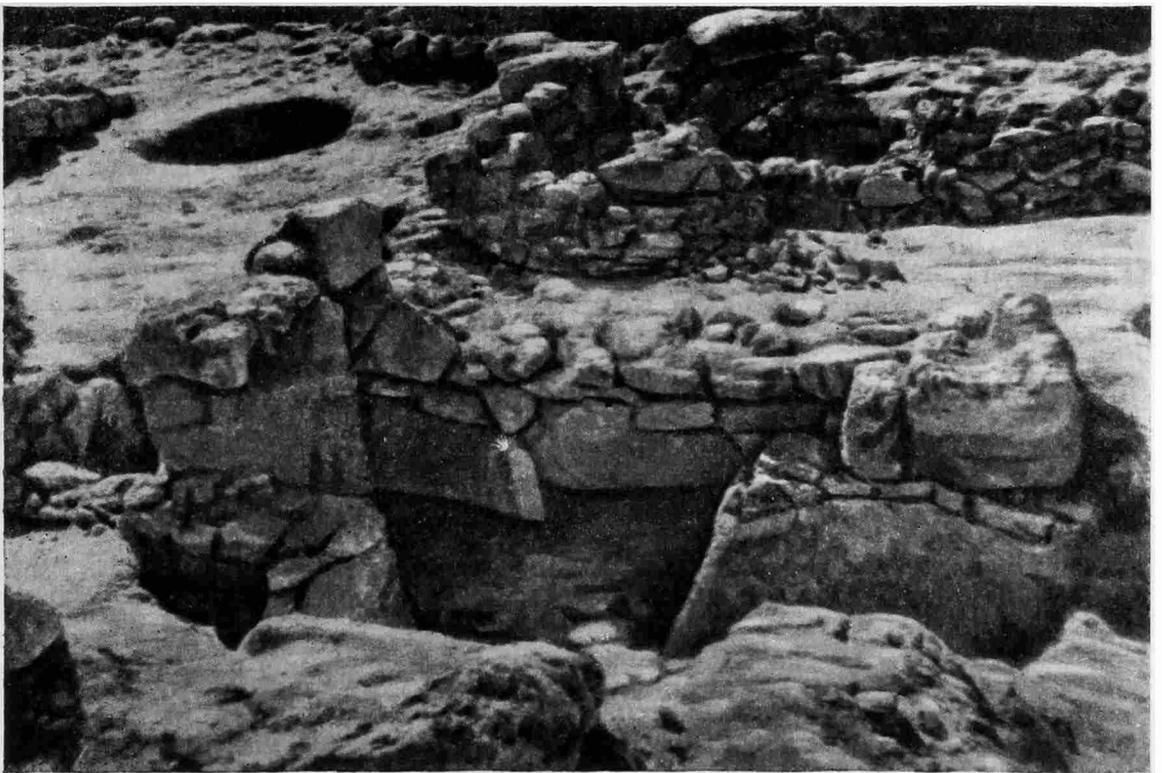
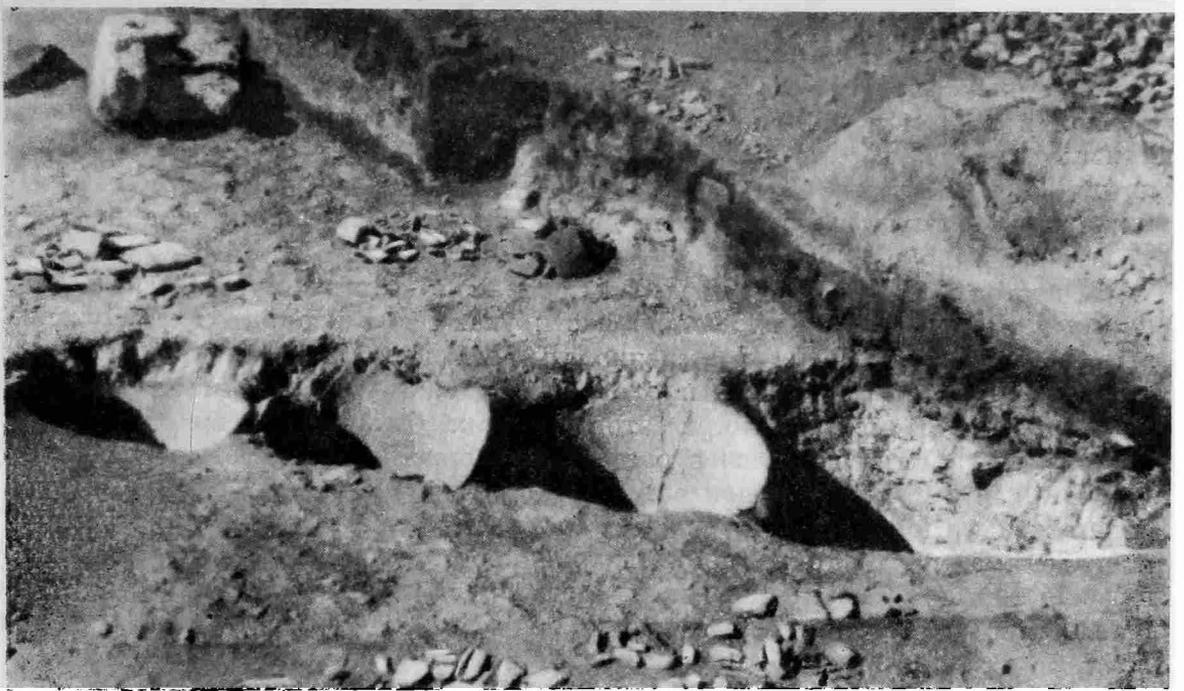

Рис. 19. Часть комплекса зерновых ям, открытого в 1950 г.

встречены полосы шириной в 5 см, расписанные орнаментальным узором. Среди обломков больше всего с орнаментом в виде волны и затем стрелок. Найдено несколько обломков карниза с профилем каблучка, расписанных овами. Это первый случай находки остатков стеной росписи на городище¹. Нет сомнения в том, что восточное помещение было парадным или служило каким-либо специальным целям. От восточного помещения здания сохранилась только северная стена. Определить его размеры помогает сохранившийся земляной пол, на котором лежал слой обвалившейся штукатурки. Длина восточного помещения равна 5,9 м, ширина 5 м. В северной стене помещения (с росписью) на расстоянии 1,5 м от северо-восточного угла — дверной проем с порогом.

Доследована также часть северной стены среднего помещения в том месте, где ранее определяли заделанный мелким камнем в более позднее

¹ До 1950 г. была открыта только роспись стен склепов на некрополе Неаполя.

2

Рис. 20. Неаполь Скифский:

1 — пифосы (вид с востока); 2 — остатки ранней полуземлянки и перекрывающие ее части здания эллинистического времени (вид с востока)

время старый дверной проем. Доследования показали правильность наших наблюдений, и после разбора здесь оказался дверной проем тех же размеров, как и в восточном помещении.

Таким образом, в настоящее время большое здание в северной части раскопа рисуется в плане вытянутым с востока на запад прямоугольником длиной в 20,5 м и шириной в 6,5 м. В этой части имелось три комнаты одного размера, из которых две были жилыми, а одна парадной. Судя по обнаруженным здесь находкам и по ряду других данных, постройка здания относится к концу III—II в. до н. э. Гибель его произошла в конце II или в I в. до н. э.

К востоку от здания, в пределах квадратов 82 и 77, открыта вымостка из мелких камней. В центральной части указанных квадратов обнаружена вырубка в скале в виде постепенно углубляющейся и расширяющейся к северу траншеи, открытой на протяжении 4,5 м и уходящей на север в нерасследованную территорию. В этой вырубке были установлены пифосы, постепенно увеличивающиеся в размере. Открыты остатки четырех пифосов (рис. 20, 1). Следы установленного в это же время еще одного пифоса обнаружены в юго-западном углу квадрата 81. Здесь вскрыта выдолбленная в скале яма, почти точно повторяющая форму нижней части большого пифоса. На дне ямы — маленькое круглое углубление для ножки пифоса. Устройство вырубок для установки пифосов относится к первым двум векам н. э.² Здесь же обнаружен большой каменный слив длиной в 1,04 м и шириной в 0,58 м.

Работы на западном участке³ велись на квадратах 4, 5, 6, 6^а и западном полуквадрате 7^б, южной половине 5 и восточном полуквадрате 18. Главной задачей являлось полное раскрытие остатков парадных сооружений К и Л, частично исследованных в 1949 г.

Еще в 1949 г. было высказано предположение, что открыта только восточная половина этих в разное время существовавших памятников, а западная должна находиться в пределах квадратов 5^а, 6^а, 5 и 6. Наши предположения в результате работ 1950 года полностью оправдались.

От парадного сооружения К, существовавшего в III в. до н. э., прослежено продолжение длинной стены, соединявшей в древности два портика. Сама стена оказалась полностью выбранной.

В северо-западной четверти квадрата 6 сохранились следы и от некогда здесь существовавшего второго, западного, отстоявшего на 10,5 м от восточного портика сооружения К. На месте этого портика во II—III вв. н. э. стоял жилой дом, к которому относятся амфоры, установленные в круглые ямки в скале. Западный портик имел, очевидно, ту же длину, что и восточный, т. е. 4 м. Таким образом, общая длина памятника К составляла 18,5 м.

Остатки парадного сооружения Л сохранились лишь в пределах квадратов 6 и 6^а. В 1950 г. удалось зафиксировать только следы этой постройки, остатки стен которой в римское время были полностью уничтожены. Длинная стена сооружения Л, также соединявшая два портика, была прослежена еще на протяжении 5 м к западу. К сожалению, западный портик полностью уничтожен, но следы его сохранились значительно лучше, чем сооружения К. Он отстоял от восточного также на 10,5 м. В незначительном уцелевшем глинистом слое обнаружены находки, относившиеся к западному портику сооружения Л. Среди них — обломок кисти женской статуи из мрамора, которую можно датировать II в. до н. э.; обломки литой бронзовой статуи или бронзового рельефа, также эллинистического времени. На

² Дальнейшему раскрытию вырубки с пифосами помешала траншея современного водопровода.

³ Северной границей западного участка служит идущая в юго-западном направлении линия современного водопровода. К северу от нее расположен северо-западный участок.

месте западного портика в первые века нашей эры сооружалась какая-то постройка, от которой сохранилась незначительная часть кладки в северо-восточном углу квадрата 5. К первым векам нашей эры относится очень маленькое ($1,1 \times 2$ м) помещение, типа подвала, прорезающее весь культурный слой до скалы, расположенное в северной половине квадрата 4 и частично уходящее под насыпь водопроводной траншеи.

Широкая гряда небрежно наваленного камня, но не завала, встречена в центральной части квадрата 4. Среди камней обнаружен небольшой обломок известнякового рельефа с изображением головы всадника с копьем.

В квадратах 5, 6 и 18 открыт в скале большой котлован длиной 5,75 м, шириной 3,9 м, глубиной 0,8 м. Исследована примерно половина площади котлована. Все его стенки вертикальны, хорошо обработаны. Вокруг, полосой в 1—1,5 м, полностью удалена наскальная корка и на скале сооружены из огромных камней стены шириной 1 м. К сожалению, эти стены почти полностью выбраны, сохранилось лишь несколько камней вдоль северной стены и следы на скале вдоль восточной. Сказать что-либо определенное о времени сооружения открытого котлована и о его назначении до полного вскрытия трудно.

Раскопками 1949 года в квадрате 8 было открыто захоронение воина с богатым инвентарем, которое мы датировали III в. н. э. В квадрате 7 тогда же обнаружено захоронение коня, безусловно связанное с погребением в квадрате 8. В 1950 г. в пределах квадратов 6^а, 6 и 5 найдены детское захоронение и четыре конских. Детское захоронение обнаружено в квадрате 6^а, в непосредственном соседстве с западным портиком памятника К. Могилая яма (длиной 1,4 м, шириной 0,5 м) была доведена до наскальной корки и лишь немного углублена в нее. Костяк лежал головой на юг, на спине и, судя по размерам могилы, в вытянутом положении. К сожалению, могила была потревожена. Несмотря на разрушенность погребения, в могиле собраны следующие вещи: а) золотая подвеска в виде усеченного конуса (длиной вместе с ушком 46 мм, шириной внизу 10×7 мм), напоминающая палицу Геракла; на боковых плоскостях подвески расположены каплевидные ячейки, заполненные темнозеленой пастой, в нижнюю плоскость вставлен зеленый камень, вероятно, изумруд; б) золотая серьга с голубой пастой и в) три бусины из пасты. На месте правой руки обнаружены мельчайшие кусочки тонкого бронзового предмета. В непосредственном соседстве с могилой, у юго-восточного угла ее, вскрыты остатки конского костяка.

Конский костяк № 2, сохранившийся полностью, лежал параллельно выбранной стене Л, к югу от нее, головой на запад.

Конский костяк № 3 обнаружен на расстоянии 1 м к югу от предыдущего. Он был положен головой на запад; сохранился полностью, за исключением черепа и шейных позвонков. Все три коня были захоронены в ямах, доведенных до уровня вымостки из крошки. Конский костяк № 4 положен головой на юг, несколько выше остальных, в золистом грунте. Благодаря неглубокому залеганию и рыхлости грунта костяк № 4 сохранился плохо.

Таким образом, за два года работ на площади менее 100 м² обнаружено пять конских захоронений. Любопытно, что они имеют много общих черт. Так, все кони лежали на животе, ноги подогнуты, головы положены выше туловища, для чего под череп подложен большой камень; шеи в вытянутом и почти вертикальном положении. Очевидно, лошадь убивали перед самым захоронением ударом топора по черепу. В могиле ей придавали как бы естественное положение лошади, лежащей с приподнятой головой. Все конские захоронения без какого-либо инвентаря. Только у двух коней, № 2 и 4, обнаружены остатки узды.

По всей вероятности, каждое человеческое погребение сопровождалось захоронением коня. На площади квадратов 6 и 6 обнаружено три конских костяка и только одно захоронение ребенка. Как нам представляется,

могилы хозяев конских захоронений находились, вероятно, в пределах квадратов 5 и 5^а. К сожалению, все погребения в этом месте оказались разрушенными и ограбленными. О вероятном существовании здесь богатых человеческих захоронений свидетельствуют случайные находки отдельных разрозненных золотых вещей: в этих квадратах найдено 11 мелких золотых предметов.

В северо-западный участок раскопа А в 1950 г. входили⁴ квадраты 3^б, 4^б, 5^б, 6^б и 3^а, 4^а и северо-западный угол квадрата 5^а. На севере границей являлась раскрытая ранее площадь раскопа Б, а на юге — линия современного водопровода. Находясь в ранний период за пределами площади у центральных ворот и вне территории, на которой производились захоронения в позднейшую пору существования города, северо-западный участок за все время существования Неаполя был жилым городским кварталом. Этот участок дал наибольшее количество бытовых находок. К сожалению, все строительные остатки плохой сохранности, и восстановить план, выявить характерные особенности жилых зданий в различные периоды жизни города не представляется возможным.

К числу наиболее ранних строительных остатков относится полуземлянка в квадрате 5 (рис. 20, 2). Первоначально она была размером 2,2 × 2,25 м и на 0,4 м углублена в скалу; очаг в это время был устроен в северо-западном углу. Затем, в силу каких-то причин, уровень пола был повышен на 0,25 м, а очаг перенесен в юго-восточный угол помещения. Хотя в полуземлянке датирующего материала не было, но время ее сооружения можно отнести только к раннему периоду — не позже III в. до н. э., так как за время своего существования землянка претерпела перестройку, а во II в. до н. э. уже было сооружено новое здание, сохранившиеся части стены которого перекрывают ее.

К эллинистическому периоду относится вымостка из крошки, обнаруженная в пределах квадратов 4^а, 5^а, 4^б и 5^б. Особенно хорошо сохранилась вымостка в пределах замкнутого остатками кладок прямоугольника (площадью в 12 м²), представляющего собой, очевидно, мощеный дворик.

От зданий, существовавших с I по III в. н. э., дошли многочисленные остатки, но в крайне фрагментарном состоянии. На основании их изучения можно сказать, что в это время широко применялось вторичное использование обработанных камней, взятых из ранее существовавших построек.

В квадрате 6^б довольно хорошо сохранились развалины печи прямоугольной формы (1,5 × 1,3 м). С боков ее оформляли поставленные на ребро камни. Печь по своей конструкции напоминает плиты, обнаруженные в Илурате. Верхняя плоскость плиты имеет гладкую поверхность. Рядом с обнаруженной печью в специальном углублении была установлена большая лепная корчага, сохранившаяся на высоту 65 см.

Раскопанные на северо-западном участке ямы, за исключением № 18 (зерновой), не являются зернохранилищами, а имеют иное хозяйственное назначение. Все они сделаны очень небрежно; часть из них — мусорные.

В пределах квадрата 3^а открыта свободная от строений площадь, огражденная с востока и севера тонкими кладками ограды. На огражденной площади обнаружено большое количество ямок в скале для установки сосудов. В одной из них сохранился лепной сосуд, сплошь заполненный костями мелких животных. Здесь же найдена поздняя (III—IV в. н. э.) амфора с большим количеством ракушек. В небольшой кладке в северо-западном углу квадрата 3^а также оказался маленький лепной сосуд в полной сохранности. Вероятно, огражденная площадка являлась культовым местом и обнаруженные здесь сосуды — культовые приношения.

⁴ Квадраты 3^б и 7^б были в 4 м длиной с юга на север, так как полоса в 1 м шириной была прибавлена к квадратам 45—49 раскопа Б в 1948 г.

Поблизости, в пределах квадрата 4⁵, найдены два захоронения младенцев. Первое было совершено в лепном сосуде и прикрыто половиной другого большого лепного сосуда, а рядом лежали кости овцы, по всей вероятности, являющиеся остатками тризны. Второе захоронение в желобчатой амфоре, у которой отбиты горловина и дно. Трупик младенца был перекрыт обломками второй половины тулова той же амфоры.

Из большого количества находок, обнаруженных на северо-западном участке, следует указать на впервые встреченную в Неаполе лепную статуэтку. Здесь же найдены два обломка лепных архитектурных украшений с изображением головы барана, обломок известняковой капители со схематическим растительным орнаментом. В районах расположения общественных построек встречалось большое количество обломков черепицы, но здесь, в районе жилых домов, их очень мало. Среди находок бытовой керамики преобладают черепки лепных сосудов различных форм и размеров. Привозной греческой посуды ничтожное количество, а среди фрагментов эллинистических клейменных амфор больше всего родосских.

Впервые за все годы работ на городище Неаполя Скифского в 1950 г. были найдены три монеты. К сожалению, монеты еще не расчищены и не определены.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

ГОРОДИЩЕ У ДЕРЕВНИ СВИНУХОВО

В 1950 г. Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии Наук СССР, совместно с Калужским областным краеведческим музеем¹ под руководством автора данной статьи, были предприняты раскопки городища у д. Свиныхово Лев-Толстовского района Калужской обл.

Городище расположено на мысу высокого коренного правого берега р. Угры, выше д. Свиныхово, на противоположном от деревни берегу ручья, впадающего в Угру, и хорошо сохранило свою первоначальную форму. Оно состоит из двух частей: первая — обширный треугольник, мыс высокого берега, окруженный в широкой части невысоким валом; вторая — за валом, на ровной площадке, и окаймляется со всех сторон искусственно насыпанными валами. Высота коренного берега над поймой р. Угры и долиной ручья 25 м. Склоны мыса очень крутые. Площадь городища на мысу 60 × 70 м. Полукруглый в плане вал имеет ширину основания 5—6 м при высоте 2 м. Вторая часть городища сохранилась хуже, культурный слой и валы сильно распаханы.

По своему типу городище соответствует остаткам укрепления у с. Спас, в устье р. Угры, раскопанного П. Н. Третьяковым в 1936 г. Тогда же было обследовано и городище Свиныхово. В отчете экспедиции указывалось, что на городище обнаружены песчаный культурный слой черного цвета, мощностью 0,5 м, грубая лепная керамика и кости животных.

Небольшие раскопки, произведенные нами, уточнили и дополнили данные разведки 1936 года.

Следует отметить, что сохранность городища сильно ухудшилась от учрежденного здесь в 1939 г. сельского кладбища. Могилами разрушена почти вся северная и центральная части. Поэтому раскопы № 1 и 2 были заложены в непо потревоженной южной и на небольшом участке северной части городища. Общая площадь раскопов составляет 205 м². Нивелировкой городища установлено, что поверхность его наклонена к юго-востоку, т. е. к реке (рис. 21, I).

С целью лучшего изучения стратиграфии городища, кроме обычно снимаемых профилей четырех стенок раскопа, были сняты профили дополнительных разрезов. В результате выявлено, что культурный слой состоит из двух довольно четко разграниченных наслоений; нижнее наслоение почти

¹ В экспедиции принимали участие сотрудники Калужского краеведческого музея В. В. Казакевич и В. С. Смелов и студенты Калужского педагогического института.

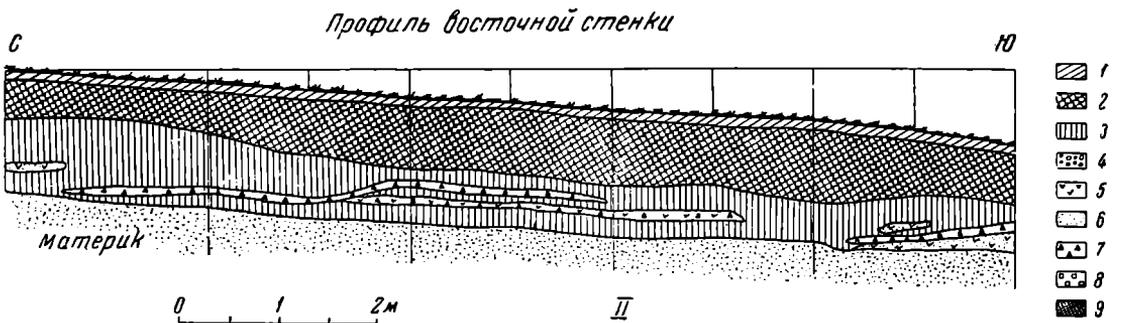
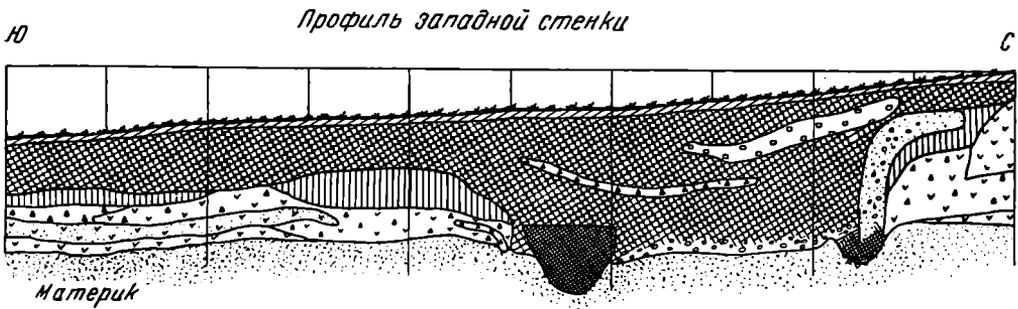
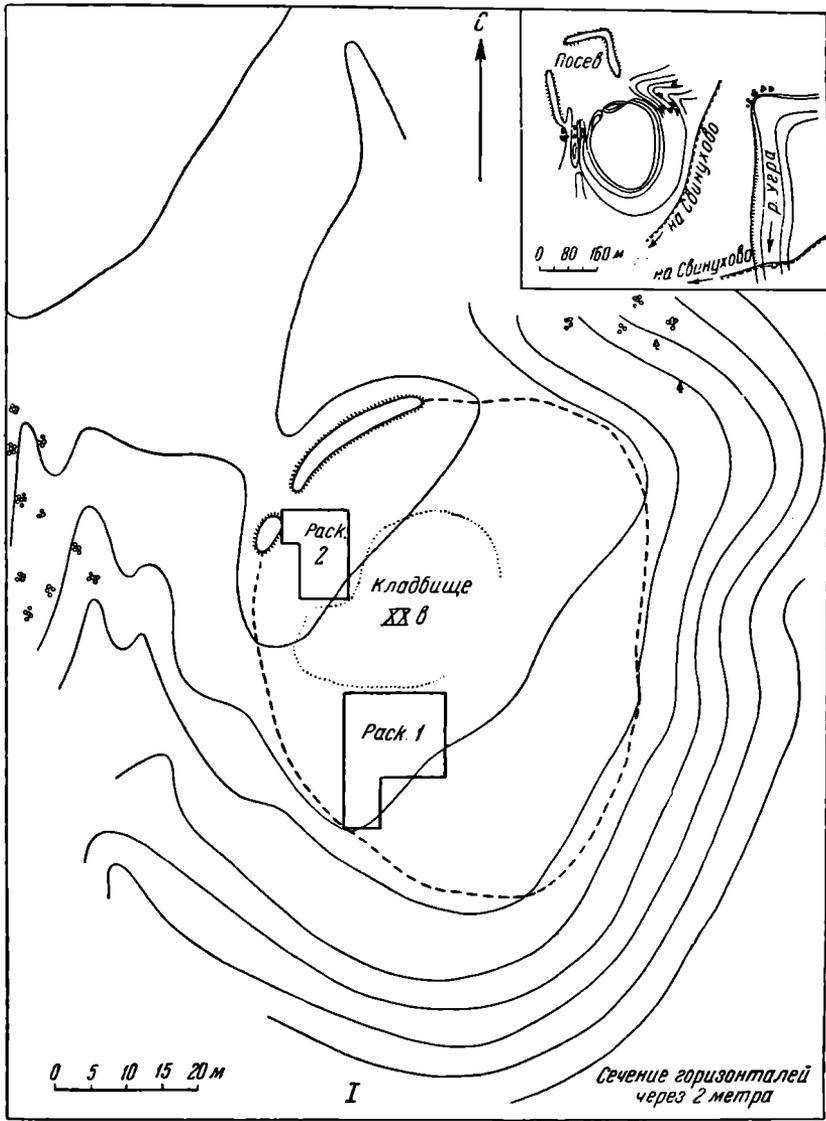

Рис. 21. Городище Свиноухово

I — план городища и место раскопа 1950 г.; II — профиль землянки № 1
 1 — дерн; 2 — черная земля; 3 — коричневый слой; 4 — глина; 5 — зола; 6 — песок; 7 — уголь; 8 — мелкие камни; 9 — земля черная, рыхлая (яма)

по всей раскопанной площади подстилалось угольно-зольным слоем мощностью 0,10—0,45 м.

Профиль северной стенки раскопа № 1 дает следующую картину: дерновый слой толщиной в 0,5—0,1 м; затем первый культурный слой, состоящий из черной рыхлой земли (0,20—0,45 м); второй (мощностью 0,40—0,45 м), состоящий из коричневой рыхлой земли, под ним довольно мощный слой угля и золы (0,3—0,4 м), лежащий на материке (светложелтый песок).

Значительный интерес представляет западный профиль раскопа протяженностью в 22 м, характеризующий стратиграфию западного склона городища вплоть до конца мыса. Первый культурный слой — черная земля — идет довольно ровной полосой, мощность которой от 0,30 м в северной части увеличивается до 0,60 м в южной, на мысу, что легко объясняется сползанием культурного слоя.

Второй культурный слой (коричневая земля) как бы разрезается мощной прослойкой угля и золы, достигающей наибольшей толщины (около 0,6 м) на южном конце раскопа, и прослойкой глины и песка мощностью 0,10—0,35 м в средней части стенки раскопа. Толщина второго культурного слоя 0,2—0,4 м. Под ним идет снова угольно-зольный слой, а затем материк (светложелтый песок). Культурный слой северной территории городища (раскоп № 2) в основном состоял из тех же напластований, что и южной. Некоторое отличие профилей северной и западной стенок раскопа объясняется тем, что северной частью раскопа № 2 задет вал, а западная его стенка на некотором протяжении (квадраты 1, 3, 5) отражает профиль обнаруженной здесь землянки, разрезанной по диагонали в направлении С—Ю.

Землянка № 1 (рис. 21, II) вплотную примыкает к валу и расположена против его ворот. Она имеет форму почти правильного квадрата с длиной сторон $3,3 \times 3$ м. Глубина от уровня горизонта 1,5 м. Границы землянки особенно четко прослеживаются на глубине 1 м, где они как бы очерчены узкой полосой бурого цвета, состоящей из угля, золы и остатков сгнившего дерева — следов деревянных укреплений стен.

Заполнение землянки состоит из черной рыхлой земли, пол ее обмазан глиной. У южного и северного углов пола обнаружены две неглубокие ямы: одна из них (южная) с диаметром 0,9 м глубиной 0,65 м (в материк углублена на 0,25 м); другая диаметром 0,5 м вырыта в материке на глубину 0,3 м. Каково было назначение ям — сказать трудно. Почти в центре землянки обнаружены остатки большого кострища (диаметром 2,2 м, толщиной 0,2 м) в виде крупных углей и золы — следы разрушенного очага. Верхнюю часть заполнения землянки с северной стороны перекрывает вымостка из мелкого булыжника (длина 2,1 м, толщина 0,25 м), служившая основанием ворот вала и выходившая за пределы землянки. Несомненно, что вымостка более позднего происхождения, чем землянка, т. е. XI—XII вв., и отношения к последней не имеет, так как иначе она не перекрывала бы ее культурного слоя. Характерно, что именно в этой части землянки, под вымосткой, встречаются круговая керамика и вещи XI—XII вв., в то время как в южной части найдена почти исключительно лепная керамика² и вещи III—V вв. н. э.

В землянке № 1 находок сравнительно немного, среди них: костяные проколки, шилья, иглы, рукоять ножа, разомкнутый бронзовый браслет небольшого диаметра и круглого сечения, яйцевидной формы глиняное грузило от сети (в южной части землянки), обломок косы-горбуши, железный ключ, железное шило (в северной). Вблизи землянки, особенно в северо-восточной стороне раскопа, обнаружены многочисленные пятна от

² О характере керамики сказано ниже.

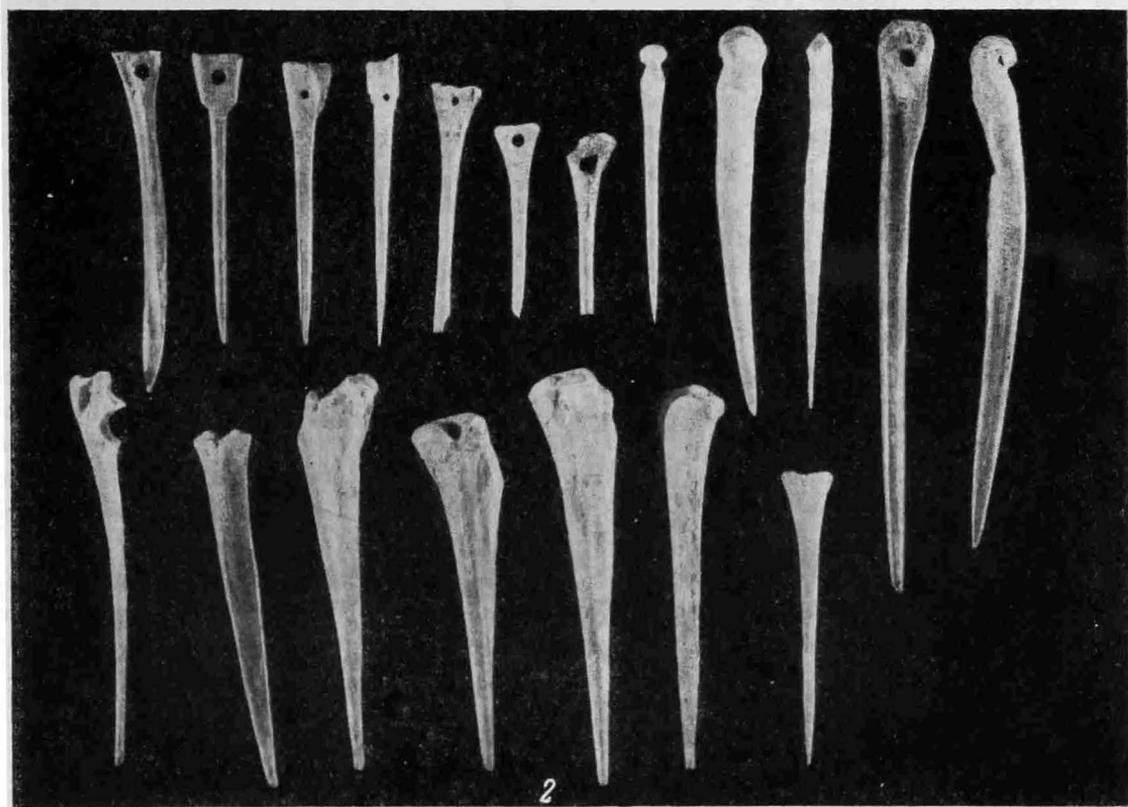
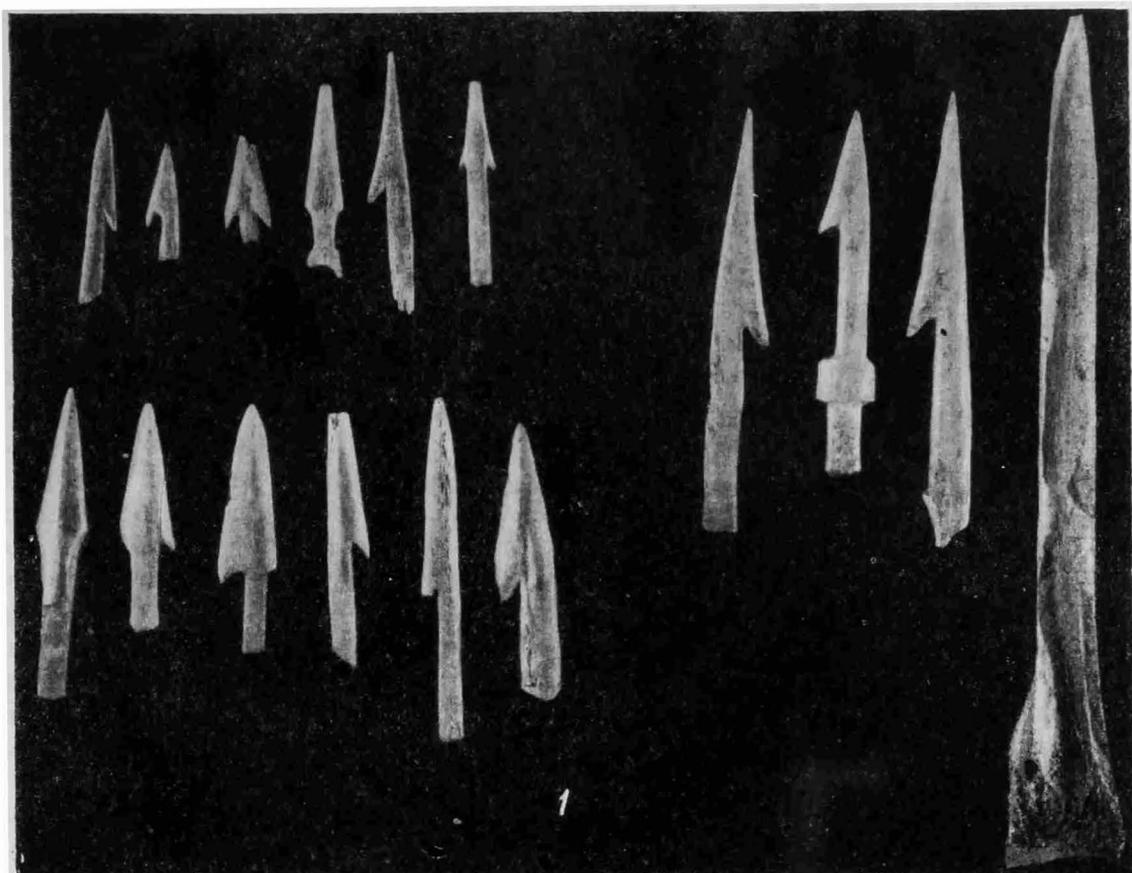

Рис. 22. Костяные изделия:

1 — наконечники стрел и гарпунов; 2 — иглы и проколки

столбов, назначение которых пока неясно. Здесь мы видим картину, аналогичную обнаруженной при раскопках П. Н. Третьякова на городище у с. Спас в устье р. Угры³.

Землянка № 2. Границы ее, так же как и землянки № 1, очерчены бурным слоем угля, золы и сгнившего дерева. Более четко выявляется северная половина землянки, менее четко южная, в некоторых местах границы исчезают, уходя под могилы современного кладбища. Однако удалось почти полностью вскрыть всю землянку. Глубина ее от уровня горизонта 1,3 м. Размеры 6,8 × 2,8 м. Заполнение землянки в верхней части состояло из слоя черной рыхлой земли (около 0,6 м) и в нижней из темнокоричневой земли; еще ниже залегал довольно мощный слой угля и золы (следы разрушенных очагов). В южной половине землянки обнаружены остатки сравнительно хорошо сохранившегося глинобитного очага, заполненного большим количеством обломков керамики — круговой и лепной⁴, костей домашних животных, угля и золы. Вокруг очага значительная площадь была занята мелким и более крупным булыжником со следами пребывания в огне. В северной половине открыт второй глинобитный очаг худшей сохранности, заполнение которого также состояло из угля, золы, костей домашних животных и обломков керамики. На самом дне очага (почти на материке) обнаружены остатки бронзового навершия булавки, сплавившегося с обломками железа и почти разрушенного. Аналогичные навершия были найдены на городищах Гремячем⁵, Овстуг⁶, Торфель⁷ и Ермоловском⁸. На городище Свинухово два подобных навершия найдены в раскопе № 1.

Помимо керамики и костей животных, около очагов довольно часты обломки рогатых кирпичей. Вблизи от очагов обнаружены пятна от столбиков небольших диаметров.

Кроме бронзового навершия, найдены костяные двушпигые стрелы, проколки, небольшая рукоятка ножа, заготовки из кости. Особенно интересным является костяное дисковидное пряслице, покрытое круглоямочным орнаментом. Аналогий ему подобрать пока не удалось. Кроме того, в землянке найдены вещи из железа: ножи, шилья, поясное кольцо, обломок косы-горбуши (другая ее часть — в землянке № 1) и глиняные изделия — обломки дисковидных пряслиц и др.

Инвентарь Свинуховского городища очень интересен. Он представлен многочисленными предметами быта, ремесла, украшениями, керамикой; найдены кости домашних и диких животных. Из всех находок подавляющее большинство принадлежит изделиям из кости (144 экз.). Это — иглы, шилья, стрелы, гарпуны, рукоятки, детские игрушки, предметы убора и одежды (рис. 22 и 23). Второе место занимают железные предметы (39 экз.) и многочисленные обломки неопределимых вещей; третье — бронзовые или медные (17 экз.). Значительно меньше предметов из биллона, глины и камня.

Среди костяных изделий (рис. 23, 1—9) цилиндрики, свистульки, дисковидное пряслице с круглоямочным орнаментом, пуговицы, просверленные клыки и поделка из рога лося с орнаментом в виде ямок и треугольников.

Изделия из бронзы (рис. 24, 1—6) представлены навершиями булавок,

³ «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941.

⁴ Наличие круговой керамики в землянке объясняется, повидимому, перекопом, так как к землянке примыкают могилы.

⁵ Н. И. Булычов. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, стр. 22, табл. I, рис. 8, 9.

⁶ Раскопки Л. В. Артишевской.

⁷ Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, вып. XXXI, стр. 148 сл., рис. 54, 44.

⁸ Раскопки Н. М. Бачинского.

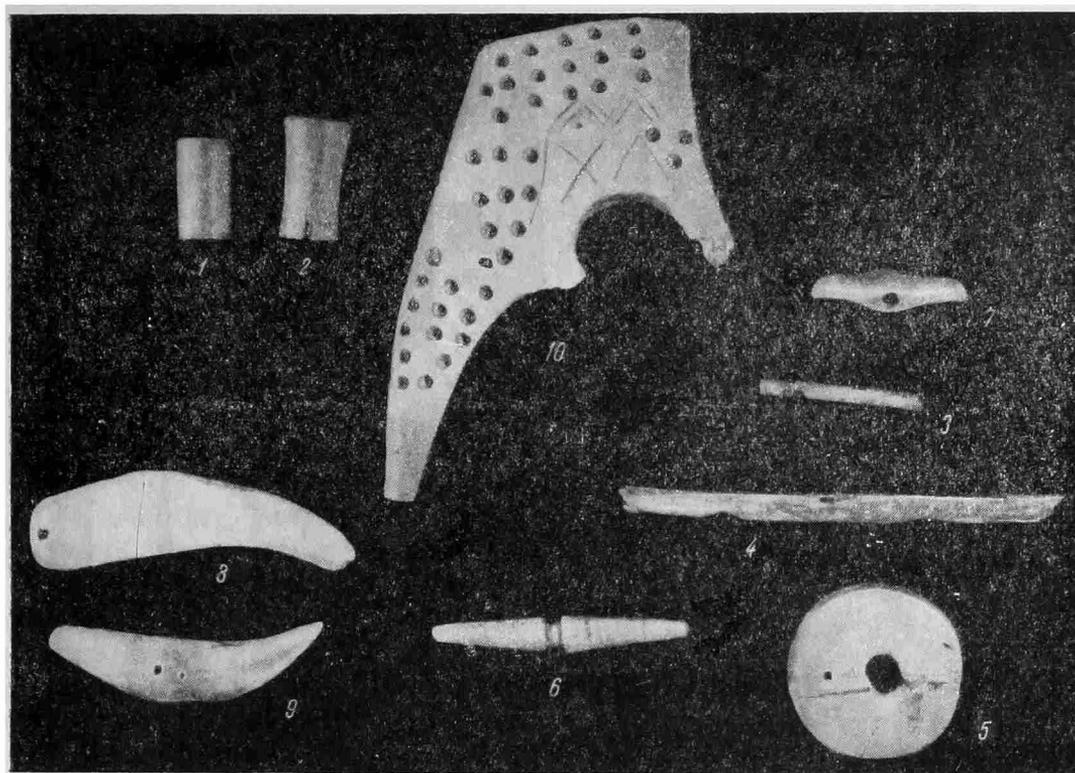

Рис. 23. Костяные изделия:

1, 2 — цилиндрики; 3, 4 — свистульки; 5 — пряслице; 6, 7 — пуговицы; 8, 9 — просверленные клыки; 10 — поделка из рога лося

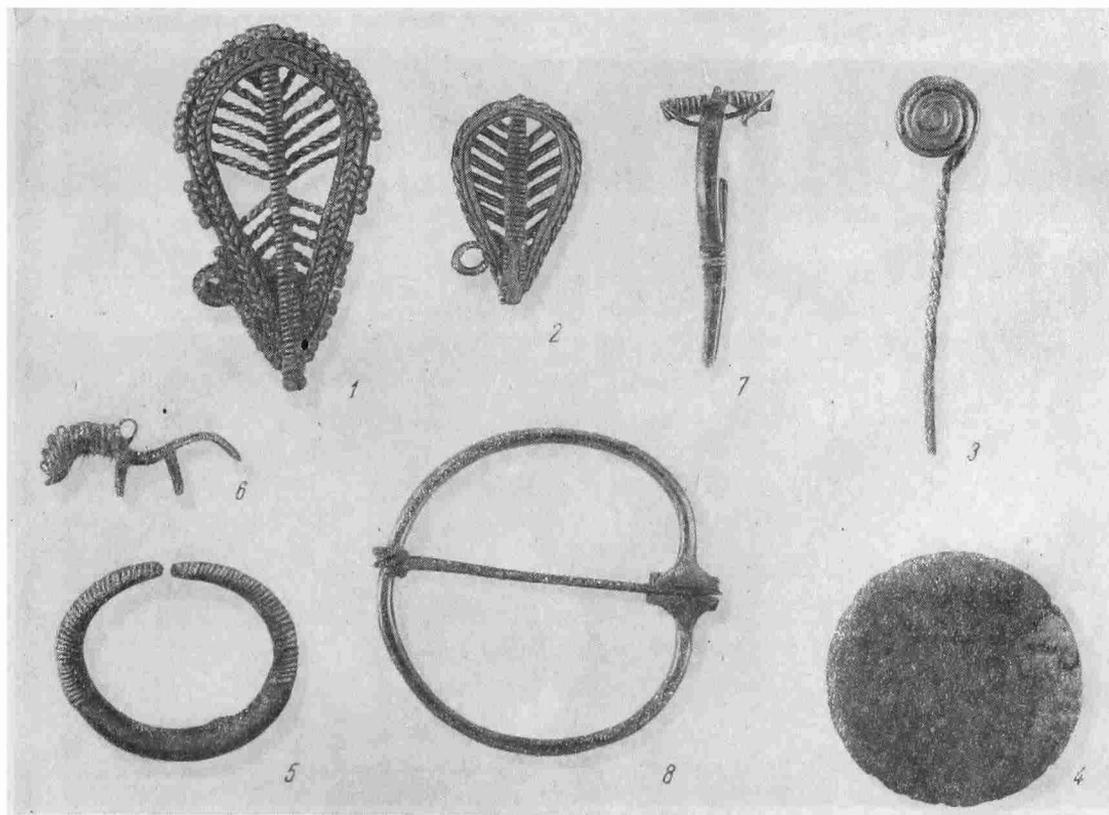

Рис. 24. Предметы из металла:

1, 2 — навершия булавок; 3 — булавка; 4 — бляшка; 5 — браслет; 6 — фигурка животного; 7 — фибула; 8 — застежка (1-6 — бронза, 7, 8 — биллон)

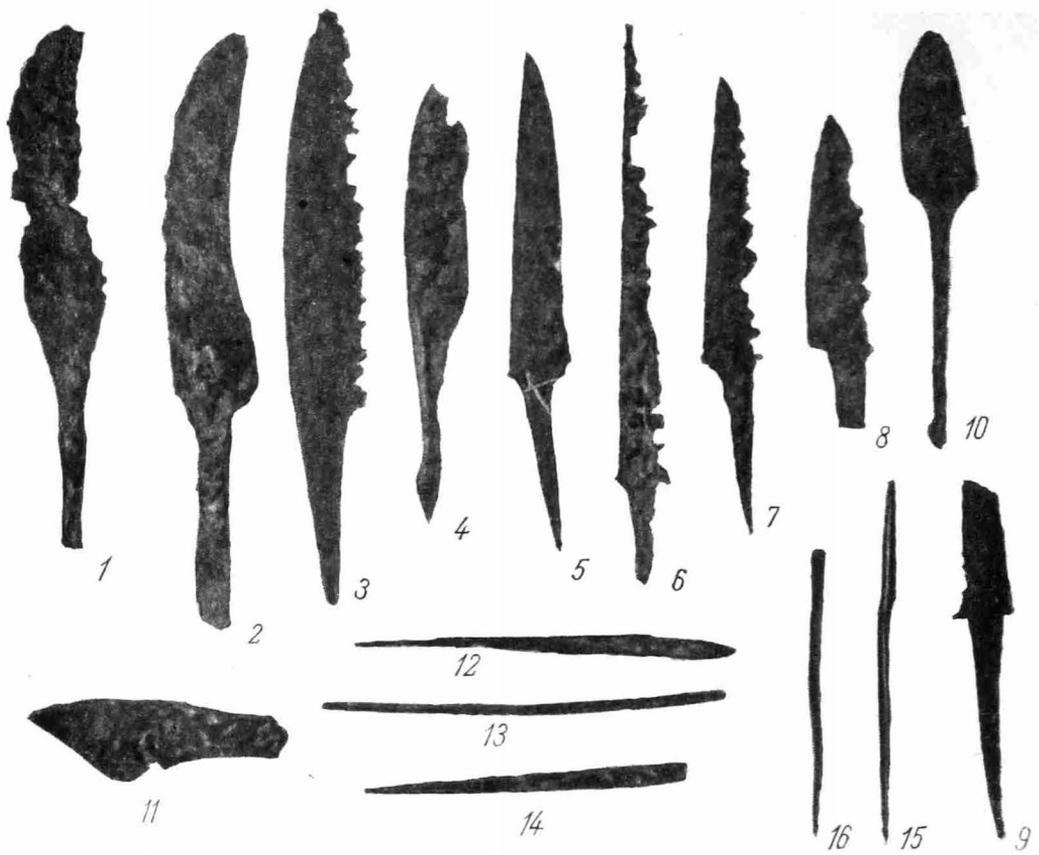

Рис. 25. Железные ножи, шилья и обломок серпа
 1 — 10 ножи; 11 — обломок серпа; 12 — 16 — шилья

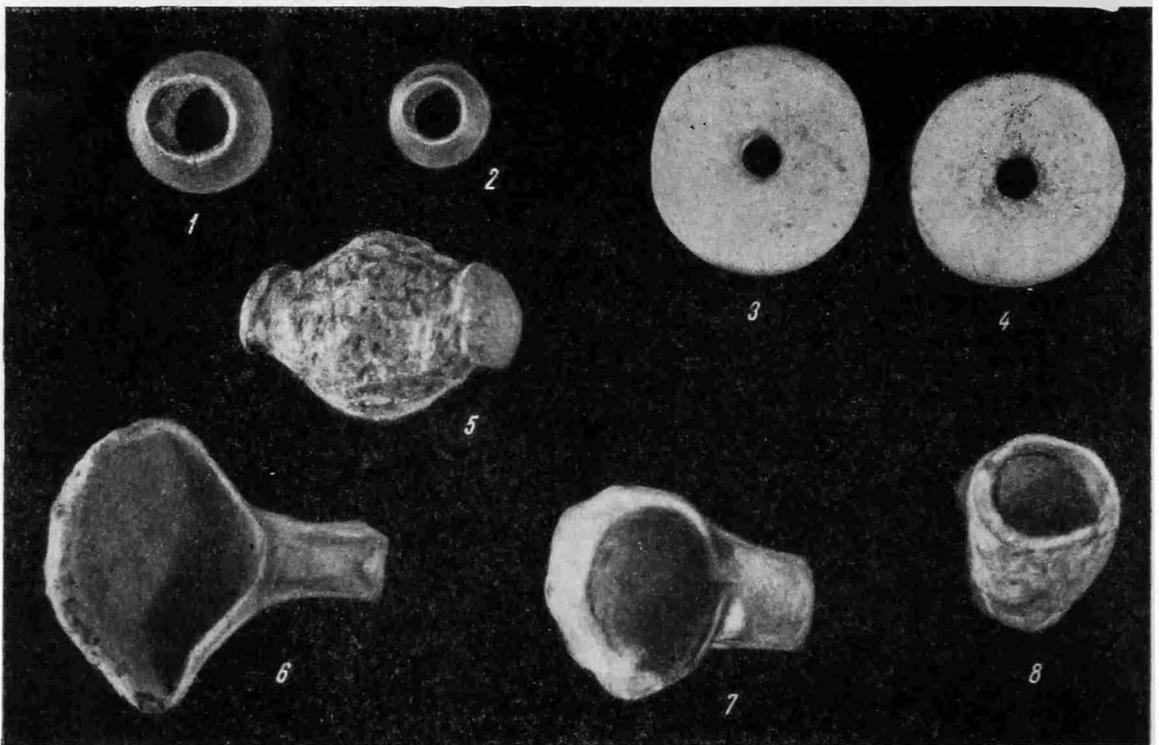

Рис. 26. Глиняные и каменные поделки:
 1—4 — прашлица; 5 — погремушка; 6, 7 — ляжки; 8 — тигелек

булавкой со спиральной головкой⁹, дисковидной бляшкой с ушком на обратной, слегка вогнутой стороне, браслетом небольшого диаметра из массивной круглой проволоки, орнаментированной по концам рубчиками, стилизованной фигуркой какого-то животного, может быть лошади.

Из биллона сделаны арбалетовидная фибула римского времени и круглая фибула с уплощенными и завернутыми в трубочку концами и железным язычком (рис. 24, 7—8). Из железа: ножи с горбатой спинкой, ножи с прямой спинкой и заостренным к концу лезвием, черешковая стрела, обломок серпа и шилья (рис. 25). Среди каменных и глиняных вещей (рис. 26) — два дисковидных известняковых пряслица, два битрапециоидных пряслица, детская игрушка — погремушка, две льячки и тигелек.

Наибольшее количество находок извлечено из четвертого пласта (0,6—0,8 м), наименьшее — из первого и шестого пластов.

Раскопки на Свиныховском городище производились впервые, и поэтому керамический материал, рассортированный по пластам и квадратам, взят из раскопа почти полностью. Подавляющее большинство обломков принадлежало лепной керамике, которую по составу теста, обжигу и толщине стенок сосудов можно разделить на две группы.

К первой относятся грубые толстостенные сосуды (толщина стенок 7—12 мм) из желтовато-серой глины с примесью крупной дресвы и песка, отчего поверхность их шероховата и бугриста. Иногда поверхность довольно ровна и сохраняет на себе следы заглаживания травой. Обжиг хороший, однако встречаются сосуды слабо и неравномерно обожженные, тесто которых в изломе черное. Сосуды имеют форму банки с прямыми, ровными стенками, расширяющимися кверху. Часть сосудов имеет некоторое утолщение венчика, вогнутую горловину, слабо выраженные плечики, доньшки с закраинками. Керамика этой группы, как правило, не орнаментирована. Изредка по краю сосуда встречается орнамент в виде насечки, углублений, нанесенных щепкой — гладкой или обернутой веревочкой; на стенках орнамент шипковый, ногтевой, ямочный, в виде больших косых крестов, прочерченных между двумя прямыми линиями, зубчатый, веревочный и т. д. Последний расположен в виде прямых или зигзагообразных линий, или в комбинации с ямками, от которых линии веревочки отходят лучами.

Вторая группа керамики представлена сосудами из серой глины с примесью мелкой дресвы и песка. Стенки тонкие (3,5 мм), в большинстве случаев заглажены; обжиг слабый и неравномерный. На излом сосуды очень хрупки. Некоторые сделаны из более грубого теста, отчего и поверхность их шероховата. Форма сосудов баночная (рис. 27). Орнамент встречается так же редко, как и на керамике первой группы. Среди подавляющего большинства неорнаментированных фрагментов некоторые черепки имеют орнамент (рис. 28) в виде ямок, спирально завернутых кружочков, углублений, нанесенных тонкой щепочкой (орнамент, характерный для керамики юхновского типа). Последний встречается довольно часто. Один из фрагментов

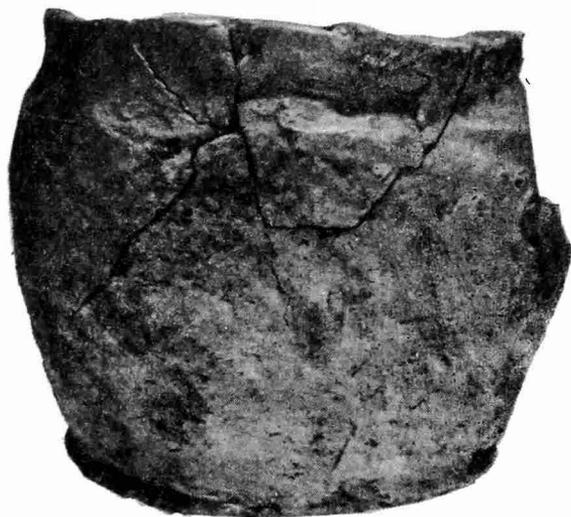

Рис. 27. Лепной горшок

⁹ На Свиныховском городище была найдена также и железная булавка аналогичной формы.

(толщина стенки 4 мм) покрыт оригинальным орнаментом в виде расположенных в два ряда подковообразных вдавлений.

Стратиграфия городища показывает, что керамика первой группы преобладает только в первом и втором пластах, или, точнее, в первом культурном слое; во втором культурном слое обломков сосудов второй группы значительно больше, чем первой. Если же брать соотношение обеих групп в целом, то обломков керамики второй группы (т. е. тонкостенной, с примесью мелкой дресвы и песка и слабым обжигом) найдено в раскопе в два раза больше, чем первой (2066 фрагментов против 1028).

Кроме грубой лепной керамики, на городище найдены обломки черных лощеных сосудов, сделанных от руки; некоторые из них — с прекрасным (глубоким, до блеска) лощением. Сосуды изготовлены преимущественно из плотного теста без примесей. Однако иногда тесто лощеных сосудов также содержит примесь мелкого песка или мелко истолченной дресвы. Толщина стенок 5—7 мм. Встречены и обломки сосудов светлого лощения (желтоватого и серого). Формы лощеных сосудов более разнообразны, чем грубых лепных; отмечены фрагменты небольших горшочков, мисочек, кувшинчиков. Особенно близко напоминает керамику полей погребений обломок низкой широкой мисочки прекрасного черного лощения. Количество фрагментов лощеных сосудов относительно не велико — 60, из них 46 из первого культурного слоя. Преобладают обломки посуды черного лощения.

Кроме грубой лепной и лощеной керамики, обнаружено незначительное количество черепков сосудов, изготовленных на круту. Глина почти белая, хорошо отмученная, вследствие чего тесто плотное, без видимых примесей; преобладающей формой является невысокий горшок с резко отогнутым венчиком и хорошо профилированными шейкой и плечиками. Иногда встречаются сосуды, венчик которых представляет собой незначительное утолщение края. Сосуды, как правило, покрыты линейным или волнистым орнаментом или сочетанием того и другого. Отдельные фрагменты орнаментированы несколькими рядами очень мелких треугольных зубчиков.

Круговая керамика найдена главным образом в первом культурном слое. Находки ее во втором культурном слое связаны, по видимому, с нарушением его поздними могильными ямами.

Нам осталось сказать несколько слов об остеологическом материале Свинуховского городища.

По определению В. И. Цалкина, из общего числа костей млекопитающих 84% принадлежат домашним животным и 16% диким. Среди костей домашних животных кости лошади значительно преобладают над всеми другими. Они составляют основную массу материала. На втором месте — кости крупного рогатого скота. Костей свиньи и в особенности мелкого рогатого скота относительно мало. По слоям костный материал составляет: в первом культурном слое — костей домашних животных 86,5%, диких 13,5%, во втором — костей домашних животных 82,5%, диких животных 17,5%. Таким образом, можно констатировать некоторое увеличение костей домашних животных в верхнем слое, что свидетельствует о развитии животноводства.

На основании полученного из раскопок материала представляется возможным определить время, к которому относится Свинуховское городище.

Культурный слой городища стратиграфически довольно четко делится на два горизонта, но по находкам такое деление провести сложнее. Как удается заключить, основной период жизни относится к III—V вв. н. э.

Постараемся обосновать наши выводы. Датированными предметами являются: арбалетовидная фибула, бронзовая и железная булавки со спирально закрученной головкой, обломок костяного гребня типа гребней полей погребений, бронзовые навершия булавок и круглые бляхи с ушком, железные ножи с горбатой спинкой, керамика.

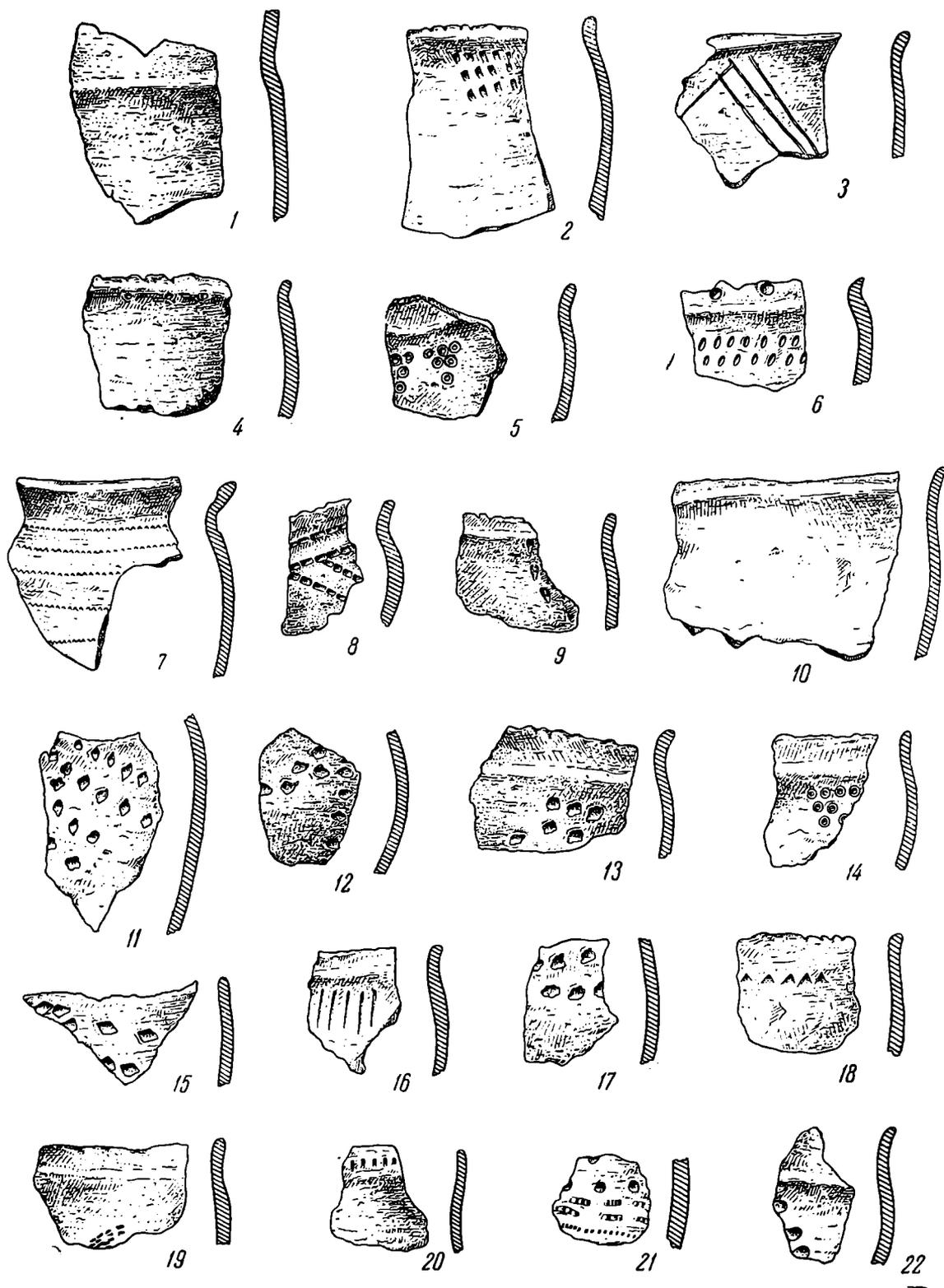

Рис. 28. Образцы керамики Свиныховского городища
 1, 4, 10 — фрагменты без орнамента; 2, 3, 5—9, 11—22 — орнаментированные фрагменты

Арбалетовидные фибулы известны в памятниках римского времени, например в полях погребений, и характерны для II—IV вв.

Бронзовые или железные булавки со спиральной головкой характерны для памятников конца I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры. Известны они, например, в материалах верхневолжских городищ начала нашей эры¹⁰. Костяные гребешки с горбатой или полукруглой спинкой — очень частая находка в памятниках полей погребений — относятся к III—V вв. н. э.

На раннюю дату городища указывают и бронзовые навершия булавок, найденные, как уже говорилось, в количестве трех экземпляров. Два сходных навершия обнаружены на городище у с. Гремячего на Оке (раскопки Н. И. Булычова¹¹), относящиеся к первой половине I тысячелетия н. э. Аналогичное одному из найденных нами навершия встречено на городище Торфель (раскопки М. В. Воеводского и Е. И. Горюновой) в верхнем культурном слое, датированном Е. И. Горюновой первыми веками нашей эры¹². Подобные же навершия известны на Ермоловском городище (раскопки Н. М. Бачинского¹³) и на селище у д. Козлово близ г. Лихвина¹⁴.

Примерно к V в. относятся и бронзовые круглые, слегка выпуклые бляшки с ушком на обратной стороне. Аналогичная бляшка найдена на городище у с. Гремячее¹⁵; часты подобные бляшки в пъяноборских древностях¹⁶.

Железные ножи с горбатой спинкой обычны на всех раннеславянских городищах средней полосы Восточной Европы первой половины I тысячелетия нашей эры.

Таким образом, на основании перечисленного нами материала заселение Свинуховского городища можно отнести к III—V вв. н. э. Не противоречит этому и найденная керамика. Сосуды из описанных выше двух групп имеют баночную форму (стенки почти прямые). Сосуды первой группы характерны для раннеславянских городищ первой половины I тысячелетия н. э., второй группы — для третьей четверти I тысячелетия н. э.

Примерно к III—V вв. относятся и черные лощеные сосуды зарубинского, корчеватовского и черняховского типов, найденные на Свинуховском городище. Находки круговой керамики с линейным и волнистым орнаментом, а также некоторых вещей начала II тысячелетия н. э. говорят о том, что на городище существовал поселок и в более позднее время, причем его площадь была значительно больше и занимала участки и за пределами вала. В настоящее время культурный слой napольной части городища уничтожен пашней.

---

¹⁰ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. МИА, № 5, М.—Л., 1941, стр. 46, рис. 18, 6.

¹¹ Н. И. Булычов. Ук. соч., табл. I, рис. 8, 9.

¹² Е. И. Горюнова. Ук. соч., рис. 54, 44.

¹³ Н. М. Бачинский. Ермоловское городище. В сб. «Ржевский край», 1926, стр. 150.

¹⁴ См. коллекции Калужского краеведческого музея.

¹⁵ Н. И. Булычов. Ук. соч.

¹⁶ МАР, № 25, табл. III, рис. 67.

О. Н. БАДЕР

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
В 1950 ГОДУ

Главные усилия Камской археологической экспедиции Молотовского университета в 1950 г. вновь были сосредоточены на изучении памятников эпохи камня и бронзы в долине р. Чусовой, близ ее устья. Продолжая работы 1947—1949 гг., Камская археологическая экспедиция перешла от исследований культурно-стратиграфического порядка, в основном уже выполненных в этом районе, к углубленному изучению поселений II тысячелетия до н. э., открытых ею в 1947 г.

Основные научные итоги работ Камской археологической экспедиции в 1950 г. излагаются в порядке хронологии памятников.

На самом северном в мире мустьерском местонахождении у Пещерного лога (рис. 29) в этом году раскопки не могли быть поставлены из-за высокого летнего уровня р. Чусовой. Но в линзах галечника, из которого происходят находки 1939 года, найден небольшой кремневый отщеп. Большой интерес для датировки памятника получил погребенный торфяник, залегающий рядом с местонахождением и, по В. И. Громову, соответствующий ему стратиграфически. Взятые В. И. Громовым пробы показали, что в торфе, наряду с пылью хвойных деревьев, имеется пыльца липы, дуба, граба, орешника. Следовательно, первобытные люди оставили свои орудия на берегу Чусовой в то время, когда похолодание, связанное с наступлением днепровского (рисского) ледника, еще не успело заметно отразиться на составе древесной флоры и климат был теплее современного.

На стоянке имени М. Талицкого удалось вскрыть еще 47 м² площади, давшей, повидимому, последнее пятно культурного слоя с двумя очагами в центре, подобными уже опубликованным в 1947 г. и похожими на очаги некоторых позднепалеолитических восточноевропейских стоянок (например, Костенки IV и др.). Собранный материал также аналогичен предыдущему.

Были продолжены поиски палеолита вверх по Каме. Собрана хорошая коллекция позднечетвертичной фауны (мамонт, сибирский носорог, бизон) у д. Удебкино близ устья Косьвы, но следов палеолитического человека не обнаружено. Дополнительно обследовано самое северное в Европе верхнепалеолитическое местонахождение у Белой Горы на Каме, открытое в 1948 г.

Остановимся прежде всего на изучении могильников сейминско-турбинского типа II тысячелетия до н. э. Произведены раскопки найденного в 1949 г. нового могильника у Усть-Гайвы. Здесь были заложены две параллельные поисковые траншеи 1,5 × 8 и 1 × 6 м, не давшие новых могил, но обнаружившие полуметровую искусственную подсыпку над почвой, уменьшавшуюся в мощности по мере приближения к могилам, затронутым

годом раньше. На площади могильника сделана лишь одна новая находка: каменный сверленный наконечник булав. На Подтремяченской горе, между Усть-Гайвинским могильником и стоянкой у Гремячего ручья, при земляных работах обнаружены следы еще одного могильника турбинского типа. Здесь на глубине 1,5 м в суглинке найден наконечник крупного медного копья. Наконец, на возвышенном мысу у стоянки Бор I в поисках погребений проведены раскопки, не давшие положительных результатов.

Усть-Гайвинский и Турбинский могильники, расстояние между которыми не превышает 3 км, могли быть родовыми могильниками одного племени, обитавшего в районе чусовского устья. По материалу из могильников

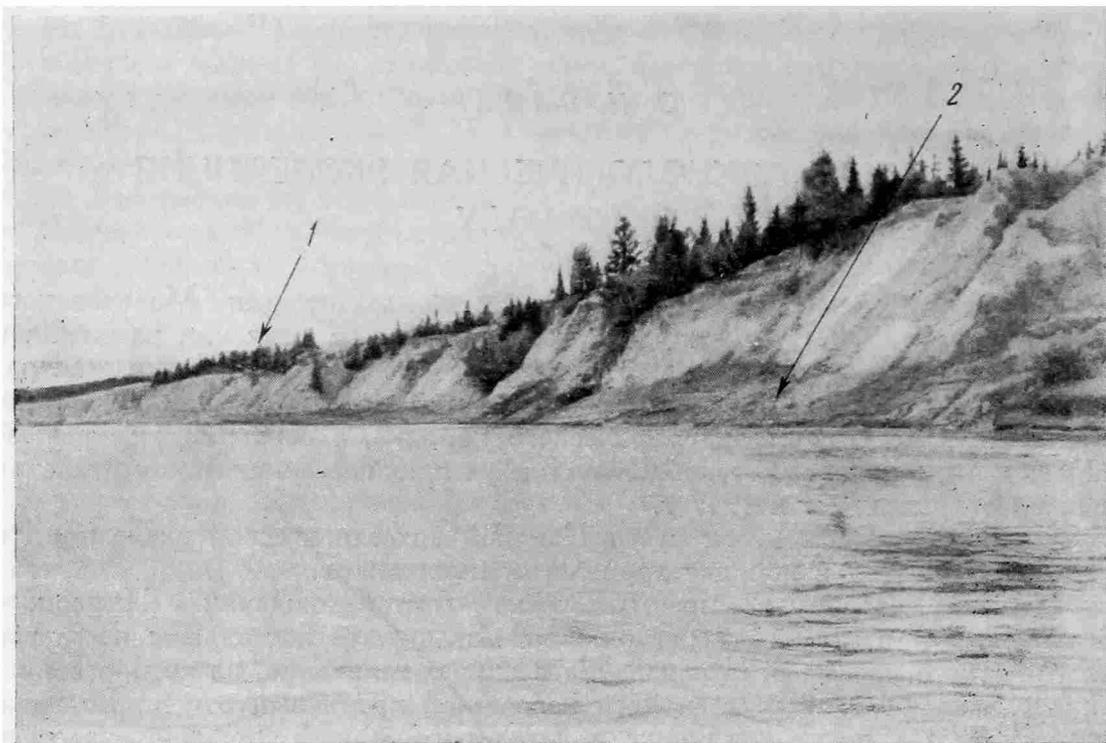

Рис. 29. Палеолитические памятники на Чусовой:

1 — стоянка им. Талицкого; 2 — Пещерный Лог

и по многочисленным отдельным находкам медных вещей того же типа на смежных территориях можно предположить, что сейминско-турбинские медно-бронзовые изделия должны быть связаны со средним Уралом как с одним из крупнейших центров древней металлургии.

Уже в 1947 г. мы ставили вопрос о принадлежности Турбинского могильника и ближайших к нему поселений астраханцевского типа к одной культуре¹ и даже разрешали этот вопрос положительно². 1950 год дал для этого ряд новых аргументов: известное сходство орнамента на медных изделиях и на керамике с поселений, округло-коническое дно медного сосудика из Усть-Гайвинского могильника; близость формы медного ножа с поселения Бор I к сейминско-турбинским³, так же как и каменного полированного кинжала с поселения Боровое озеро II (1950 г.) по форме клинка к сейминским простым граненым ножам-кинжалам; кремневые ретушированные ножи из жилищ поселений Бор I, Боровое озеро II и Астраханцевского

¹ О. Н. Бадер. Работа Чусовского отряда Камской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. XXVI.

² О. Н. Бадер. Археологические памятники Прикамья. Молотовгиз, 1950.

³ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXIX.

(1950 г.) имеют ту же форму с поднятым полукруглым у конца лезвием, что и кремневые ножи Турбинского и Сейминского могильников; кремневые наконечники стрел (с усеченным основанием, узкие иволчьи и с подтреугольным черешком) из указанных поселений совпадают с наконечниками стрел из могильников; каменные кольца с поселений Бор I и Боровое озеро II тождественны сейминским и турбинским кольцам из серпентина, и, наконец, на поселениях и в могильниках присутствуют просверленные украшения из янтаря (Сейма, Боровое озеро II). Далее, и в могильниках, и на поселениях устанавливается наличие скотоводства (изображения лошадей и баранов на навершиях ножей, белая ткань из овечьей шерсти, в которую был завернут вислообушный топор в одной из турбинских могил; кости лошади, коровы и овцы в первом жилище поселения Бор I).

Таким образом, Турбинский и Усть-Гайвинский могильники необходимо рассматривать совместно с ближайшими к ним поселениями низовьев Чусовой и берегов Камы (Астраханцевское, Бор I, Боровое озеро II, Гремячий ручей и др.) и объединять их как памятники единой турбинской племенной культуры. При этом поселения чрезвычайно расширяют представления о турбинской культуре, в особенности по данным раскопок 1950 года.

Трудность использования неизданного, хранящегося в Ленинграде материала с памятников, исследованных Н. А. Прокошевым, и необходимость увязки этих памятников с нашими новыми и включения их в нашу классификационную схему заставили вскрыть шестое жилище на Астраханцевском поселении, лишь намеченное Н. А. Прокошевым⁴. Жилище удалось обнаружить; его, действительно, следует считать последним, но оно было расположено иначе, чем считал Н. А. Прокошев, и имело по-иному размещенные вход и выход. Длинная траншея, проложенная от жилищ к озеру, позволила установить соотношение культурного слоя с речными отложениями на береговом склоне. Всего вскрыто 173 м². Материальная культура Астраханцевского поселения оказалась тождественной обнаруженной в двух первых жилищах на поселении Бор I, т. е. одновременной среднему культурному горизонту последнего.

Были продолжены раскопки поселения Бор I на Чусовой. От первого жилища, вскрытого в 1949 г., углубленный в землю коридор привел нас во второе, рядом с которым оказалось третье: из него такой же коридор вел в четвертое, раскопанное пока лишь наполовину. Все 4 жилища были выстроены в турбинское время, но не в один и тот же момент. Особенно интересно второе жилище: здесь прослеживаются остатки обугленных стен и перегородка, делившая четырехугольную полуземлянку на две комнаты с очагами в центре каждой. При этом по характеру находок намечается принадлежность одной комнаты женщинам, другой — мужчинам. Собранная коллекция вещей чрезвычайно богата. Всего в 1950 г. на поселении вскрыта площадь в 362 м².

Наиболее крупными по размерам были раскопки поселения Боровое озеро II (1630 м²), вскрытого целиком. Оказалось, что на нем было 11 четырехугольных полуземлянок, частью соединенных углубленными в землю и, несомненно, крытыми в свое время переходами (рис. 30). Большая полуземлянка № 8 в наиболее возвышенном пункте поселения, над озером, отличается от других жилищ по содержанию находок (почти отсутствует керамика, многочисленны следы изготовления каменных орудий и пр.) и по предварительному заключению может быть сочтена за мужской дом. В остальных жилищах много керамики, частью в виде полуразвалившихся сосудов, врытых в землю по углам, у проходов или даже в проходах; очень много кремневых и разнообразных каменных орудий, в том числе мотыг, тяжелых мотыг с перехватом, каменных грузил для сетей и даже маленьких

⁴ Н. А. Прокошев. Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье. КСИИМК, вып. II.

глиняных скульптурок животных. Найденный в жилищах материал по окончании обработки, вероятно, даст возможность подразделить жилища на более раннюю и более позднюю группы.

На месте жилищ на мысу над озером в предшествующее (левшинское) время существовала позднепалеолитическая небольшая стоянка.

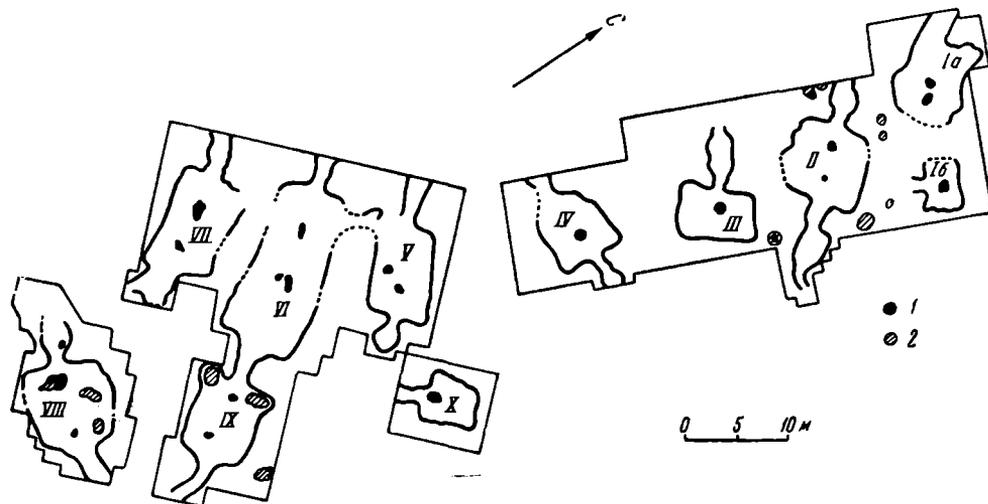

Рис. 30. Стоянка Боровое озеро II. Общий план расположения жилищ: 1 — очаги; 2 — хозяйственные ямы

Особую, наиболее позднюю группу в этом районе составляют стоянки типа Бор II и Боровое озеро IV⁵. Эти поселения характеризуют позднейший, борский этап эпохи бронзы среднего Прикамья, хронологически заполняющий промежуток между Турбинским могильником и памятниками ананьинской культуры. В 1950 г. раскопками Камской археологической экс-

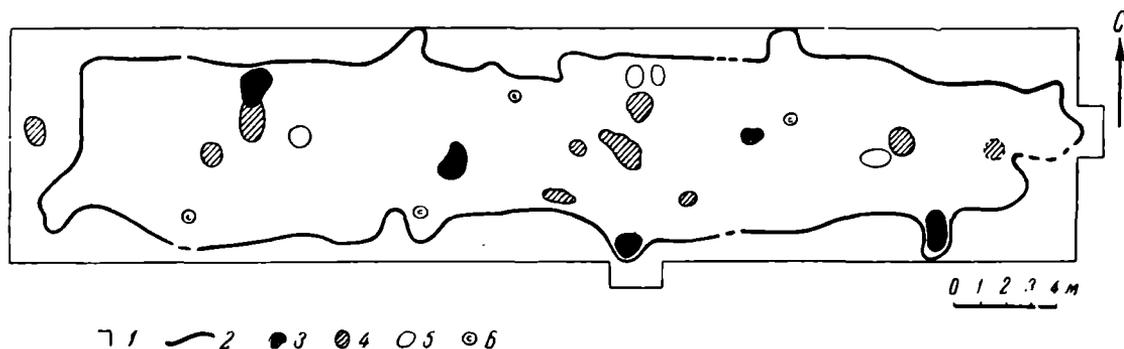

Рис. 31. План жилища на поселении Боровое озеро VI:

1 — пределы раскопа; 2 — контуры ямы жилища; 3 — очаги; 4 — углистые пятна; 5 — хозяйственные ямы, 6 — целые сосуды

педиции затронуты еще три поселения этого времени. На стоянке Бор III раскопки лишь начаты и перенесены на следующий год. На стоянке Бор IV вскрыта площадь в 162 м² на нижнем уступе боровой террасы и в 93 м² на песчаном же всхолмлении над ним. Как и на стоянках Бор II и Боровое озеро IV, равно как и на близких по культуре позднейших стоянках Балахинской низины, здесь наблюдалась пестрая картина больших и малых в беспорядке разбросанных ям при полном отсутствии следов крупных жилищ-полуземлянок.

⁵ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXIX, стр. 89—95.

Наиболее интересные результаты получены на третьем поселении борского типа — Боровое озеро VI. Здесь по очертаниям пологой впадины удалось обнаружить длинное жилище, которое целиком вскрыто в раскопе площадью 373 м². Жилище было заметно углублено в грунт и поэтому хорошо различимо. Длина его до 36 м при ширине до 7 м. Один хорошо выраженный выход вел прямо на берег озера, другой, с противоположного конца, к лесу (рис. 31). На дне жилища сохранились остатки нескольких очагов и хозяйственных ям. Керамика — типично борская, кремнь несколько более архаичный.

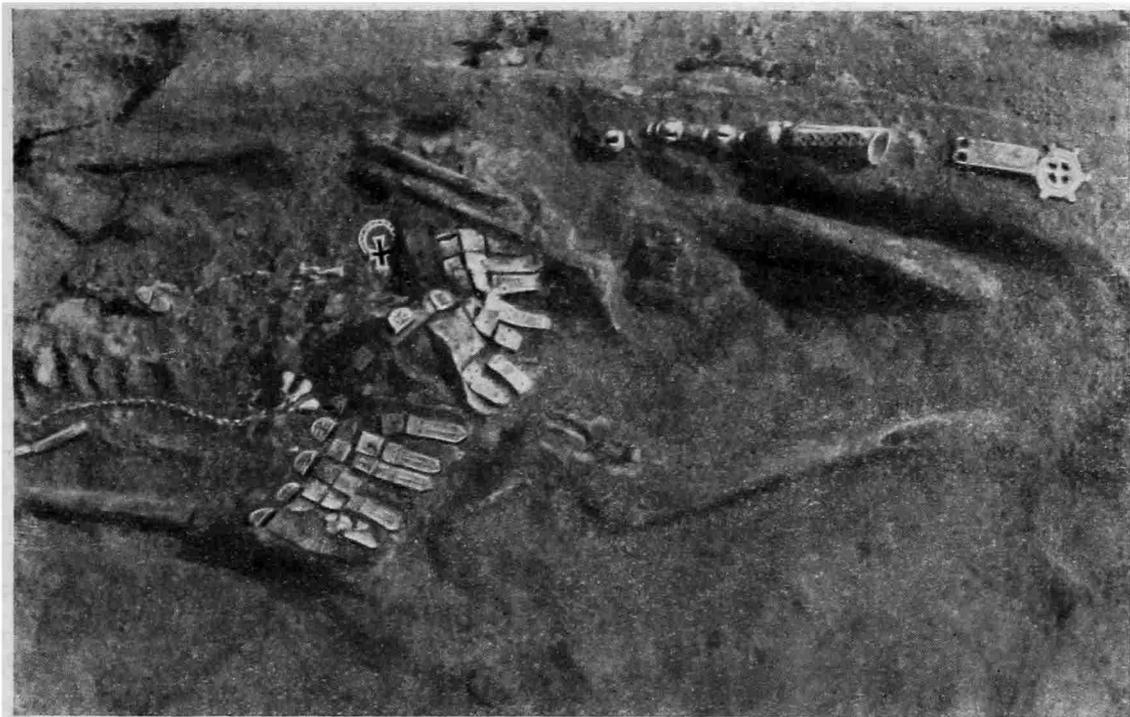

Рис. 32. Поясной набор в погребении № 1 Неволинского могильника

Длинное жилище является прототипом единственного ананьинского жилища на Конецгорском селище⁶. Несомненное сходство их служит новым аргументом в пользу генетических связей между борской и ананьинской культурами в Чусовском Прикамье.

В порядке производственной практики студентов-археологов Молотовского университета продолжены раскопки Неволинского могильника ломоватовской культуры близ Кунгура, начатые А. В. Шмидтом в 1926—1927 гг. Вскрыто 20 погребений, а между могилами — большое количество остатков жертвоприношений, состоящих из лошадиных костей и отдельных предметов. Новым по сравнению с наблюдениями А. В. Шмидта является установление вытянуто-овальной формы могилы, зафиксированной в большинстве погребений. Погребенные лежали в деревянных колодах. Несколько могил отличаются исключительным богатством, в особенности же сложными и разнообразными поясными наборами (рис. 32). В мужских погребениях, помимо железных удил, стремян, ножей и наконечников стрел, обнаружен длинный прямой однолезвийный меч. Найдено несколько иранских монет — драхм Хосрова II (590—628 гг.), датирующих могильник VII в. н. э.

Костный материал из Неволина очень плохо сохранился; но при обследовании окрестностей Кунгура студентом В. Генингом на известном

⁶ А. В. Эбруева, Коллективное жилище в Прикамье. ВДИ, 1940, № 2.

Бродовском могильнике собраны кости из разрушившегося погребения, среди которых — череп довольно хорошей сохранности. По предварительному определению М. М. Герасимова, череп мужской и имеет монголоидные черты.

В бассейне р. Сылвы также выявлены новые могильники и памятники со слоями, относящимися к ломоватовскому времени.

Вслед за раскопками в Неволине произведены рекогносцировочные раскопки у д. Бартым Березовского района, где уже найдено четыре древних серебряных сосуда. Вокруг точно фиксированного пункта последней находки была вскрыта площадь в 100 м² (10 × 10), не давшая, однако, ни новых предметов, ни следов культурного слоя. Топографические особенности расположения на низменном, ровном месте приводят к выводу, что здесь не поселение, не могильник, не клады (все вещи залегали в почве), а скорее всего скрытое в глухом лесу святилище, подобное святилищам уральских манси и хантэ, описанным очевидцами в XIX в.

Кунгурская группа памятников ломоватовской культуры и местнонаходный восточного серебра в результате находок последних лет стала еще более многочисленной. Отмеченные А. В. Шмидтом южные элементы в материальной культуре харинских и ломоватовских погребений свидетельствуют о некогда существовавших тесных связях с югом, в результате чего на Урал проникало и восточное серебро.

Значительный новый материал этой эпохи, накопленный Камской археологической экспедицией, позволяет поставить ряд вопросов общего порядка. Трудно согласиться с А. П. Смирновым, относящим могильники харинского типа в Прикамье к числу позднепьяноборских⁷. Представляется более правдоподобной иная гипотеза, а именно, что памятники харинского типа совпадают с пьяноборскими только по времени, но принадлежат иным племенам, отличавшимся от пьяноборских своей культурой, погребальным ритуалом, происхождением и занимаемой территорией⁸. Харинская культура с ее особенностями появилась в верхнем Прикамье в IV в., в период широких передвижений племен с юга, вдоль западных склонов Урала.

Аналогичный процесс происходил, но в более раннее время, и в Зауралье, где отмечается массовое проникновение вещей скифо-сарматского облика глубоко в леса и дальше, вплоть до океана. Изменения в материальной культуре оказываются здесь настолько значительными, что В. Н. Чернецов делает вывод о появлении «в Северо-Западной Сибири нового этнического элемента, принесшего с собой новые навыки — традиции степной скифо-сарматской культуры» и приведшего, в результате скрещивания с местным населением, к формированию ранних племен манси и хантэ⁹. О распространении каких-то этнических волн из южной Сибири на север говорят и лингвисты (Г. Н. Прокофьев), и антропологи (Г. Ф. Дебец)¹⁰.

Продвижение степных кочевников на Север в значительной мере облегчалось происходившим тогда новым смещением к северу ландшафтных зон, обусловленным изменением климата в сторону засушливости (ксеротермический период II в середине субатлантического времени)¹¹.

В Прикамье в харинское время картина была весьма близкой (включая и продвижение степей). «Харинские» племена, двигаясь вдоль западных склонов Урала, вдоль рек Белой (в связи с этим большой интерес представ-

⁷ А. П. Смирнов. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, вып. XXV.

⁸ Подобная точка зрения была первоначально высказана А. В. Шмидтом, затем отказавшимся от нее.

⁹ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, вып. IX.

¹⁰ Г. Ф. Дебец. Проблема заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии. КСИИМК, вып. IX.

¹¹ О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-Восточной Европы в свете археологических данных. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950.

ляет Бахмутинский могильник), Уфы и Сылвы в Кунгурскую лесостепь, минуя нижнюю, а возможно, и среднюю Каму, достигли отсюда самых северных районов верхней Камы, принесли туда свою материальную культуру, бытовые навыки, способ погребения в курганах, до того совершенно чуждый верхнему Прикамью, а повидимому, и европеоидный восточно-средиземноморский антропологический элемент, наблюдающийся также в составе удмуртов, манси, башкир и поволжских татар и связанный, по мнению антропологов, «со степными областями, с Причерноморьем и Северным Кавказом»¹². В хозяйстве и культуре «харинских» племен большую роль играла лошадь.

Как и в Зауралье, харинская этническая волна, по всей вероятности, была в основном угорской. «Харинские» племена достигли верхнего Прикамья вдоль западного Урала и слились с местным позднепьяноборским, вернее с гляденовским, населением. В VI—IX вв. их полное слияние нашло свое выражение в монолитности ломоватовской культуры, глубоко впитавшей местные черты (керамика, «шаманские» изображения), а также принесенные с юга.

Из разведочных работ Камской археологической экспедиции упомянем лишь о более крупных. По заданию Молотовского областного отдела культурно-просветительной работы детально обследовано свыше 30 археологических памятников Кунгурского, Березовского и Пермско-Сергинского районов (группа В. Генинга) и памятники бассейна р. Мулянки (группа В. Наприной).

Далее, подробно обследовано Кыласово городище (Анюшкар) на Каме — одно из позднейших и крупнейших городищ родановского типа (группа В. Оборина). В. Обориным совместно с директором Чердынского музея И. А. Лунеговым изучены четыре разрушенных погребения родановского же времени близ Радикорского городища на р. Вишере.

С целью выявления плохо изученных в верхнем Прикамье памятников пьяноборской эпохи организованы специальные поездки для обследования городищ этого времени: Осинского, на р. Мулянка и Гляденовского костыща, которое, как оказалось, представляет собой сложный комплекс из нескольких смежно расположенных памятников, куда входит и городище. Собранный материал заставляет снова поставить вопрос о своеобразии гляденовской культуры верхнего Прикамья, отличавшейся от пьяноборской.

---

¹² Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми в свете антропологических данных, КСИИМК, вып. IX.

В. П. БАБЕНЧИКОВ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЗ СЕЛА
ПЛАНЕРСКОЕ*(Раскопки 1949—1951 годов)*

В 20 км к западу от Феодосии, на берегу моря, у подножия потухшего вулкана Карадаг расположено село Планерское.

На плоской вершине горы Тепсень, к западу от села, находится средневековое поселение, название которого, к сожалению, не сохранилось.

В 1929 г. директор Феодосийского музея Н. С. Барсамов производил разведку в центральной части плато. Проложив траншеи глубиной до 2 м, он нашел остатки большого храма.

В 1929—1931 гг. им же к юго-западу от большого храма раскопан малый трехапсидный четырехстолпный храм и собрано большое количество керамического материала. Изучение керамики привело исследователя к мысли о том, что материалы эти «отличаются от обычных крымских находок определенными указаниями на северные культурные влияния». «В основной массе,— пишет Н. С. Барсамов,— они датируются XI—XII вв., и в этих условиях совершенно особый интерес приобретает часть материалов, аналогичных материалам Тамани, свидетельствующих о родстве культур этих пунктов на протяжении XI—XII вв., в период существования на Тамани Тмутараканского княжества»¹.

Консультацию по материалам Н. С. Барсамов получал у проф. А. А. Миллера, работавшего в 1930—1931 гг. на Тамани. О результатах исследований было доложено на заседании Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры. По докладу выступили Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский и другие, поддержавшие мысль докладчика о славянском происхождении основных типов керамики Коктебеля. В этом же направлении высказались в своих работах А. В. Арциховский², С. В. Киселев³, П. Н. Насонов⁴ и др.

И. И. Ляпушкин⁵ не согласился с оценкой материала городища, данной Н. С. Барсамовым. Он пришел к выводу, что керамика поселения салтовомаяцкого типа и не имеет якобы ничего общего со славянской; дату для

¹ Н. С. Барсамов. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929—31 гг. Феодосия, 1932, стр. 9.

² А. В. Арциховский. Введение в археологию. Изд. 3. М., 1947, стр. 188.

³ С. В. Киселев. Двадцать пять лет исторической науки в СССР. 1942, стр. 51.

⁴ П. Н. Насонов. Тмутаракань в Истории Восточной Европы X в. «Исторические записки», вып. 6, 1940.

⁵ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА, № 6, 1941, стр. 226—230.

поселения он определил VIII—X вв. И. И. Ляпушкину возражал А. П. Смирнов⁶.

П. Н. Шульц оценил культуру, представленную на поселении, как крымский вариант салтово-маяцкой, в формировании которой, по его мнению, наряду с аланами, могли принимать участие и росы. «Коктебельское городище имело, судя по раскопкам,— пишет он,— смешанное аланское и славянское, а частично, может быть, хазарское и греческое население»⁷.

Таким образом, вопрос и о датировке материала Коктебельского поселения и об этнической принадлежности его населения оставался долгое время открытым.

Не получил общего признания и раскопанный Н. С. Барсамовым малый храм, который сопоставлялся с древними русскими купольными четырехстолпными храмами XI в. Для доказательства этого положения не оказалось достаточно данных.

Что касается разведок большого храма, то Н. С. Барсамов, пройдя траншеями 104 м², мог констатировать только следы одной апсиды, несколько уцелевших, как он предполагал, столпов и «канаву» от совершенно выбранной южной стены.

В 1949—1951 гг. Крымский филиал Академии Наук СССР совместно с Областным краеведческим музеем Крыма и краеведческими музеями Ялты, Феодосии и Старого Крыма предпринял исследование средневекового поселения у с. Планерское. Задачей исследования было установление точных дат существования поселения и более подробная его характеристика главным образом со стороны производства, торговых связей, быта, культуры и этнической принадлежности населения.

Исследованный памятник представляет собою большое правильно распланированное поселение на почти ровном плато Тепсень и занимает его до самых склонов (рис. 33, 1). Восточный склон возвышенности круто обрывается к морю; проф. В. А. Орбели видел остатки мола несколько южнее поселения, у пологого берега⁸. Здесь же, на прибрежных низменных участках, могла быть размещена портовая часть.

Подъемный материал изобилует остатками однотипных амфор, что может быть связано не только с хранением, но и с экспортом вина. Примыкающие к холму Тепсень с запада и севера долины с прекрасной почвой давали возможность вести самое разнообразное хозяйство — виноградарство, садоводство, полеводство.

В 1949 г. Коктебельский отряд экспедиции заложил два раскопа в юго-западной части поселения, чтобы определить характер жилых и хозяйственных построек. В первом раскопе раскрылись остатки жилого дома, построенного из бутового камня на глине (рис. 33, 2). Дом состоял из двух помещений (4,8 × 4 и 8 × 4 м) с пристроенной к юго-восточному углу кладовой. В каждом помещении было по круглому каменному очажку на глинобитном полу; в углу большой комнаты — печь, под которой выложен из черепицы. Толщина стен дома 0,85 м: углы выкладывались из пиленого ракушечника, привозимого из каменоломен у Феодосии (акмонайский камень). Дом был оштукатурен, имел профилированный карниз; крыша покрыта черепицей; окна остеклены, деревянные двери и рамы снабжены железными запорами. Культурный слой здесь очень незначителен (0,4—0,75 м) и к тому же перемешан, сплошь состоит из строительного мусора.

⁶ А. П. Смирнов. Древнеславянские памятники нижнего и среднего Поволжья. СЭ, 1948, № 2, стр. 75 сл.

⁷ П. Н. Шульц. Историко-археологические исследования в Крыму (1920—1950). Альманах «Крым», № 6, 1950, стр. 154—155.

⁸ См. глазомерный план Макс. Волошина, хранящийся в Феодосийском краеведческом музее.

с планерское

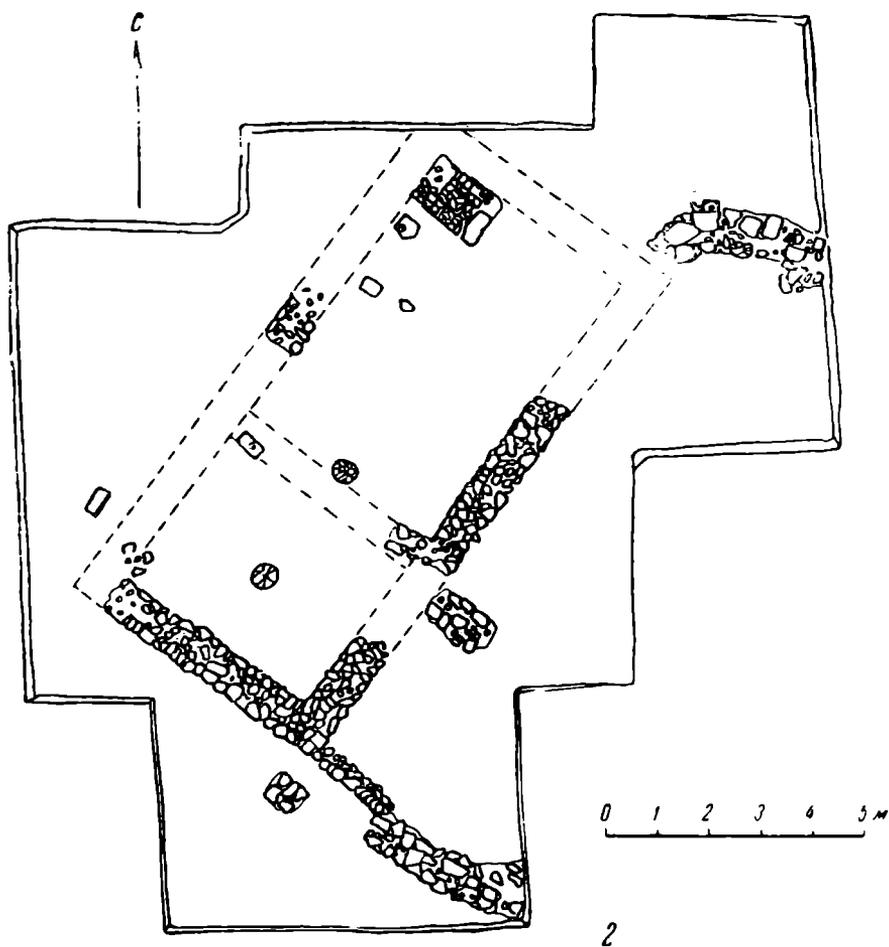
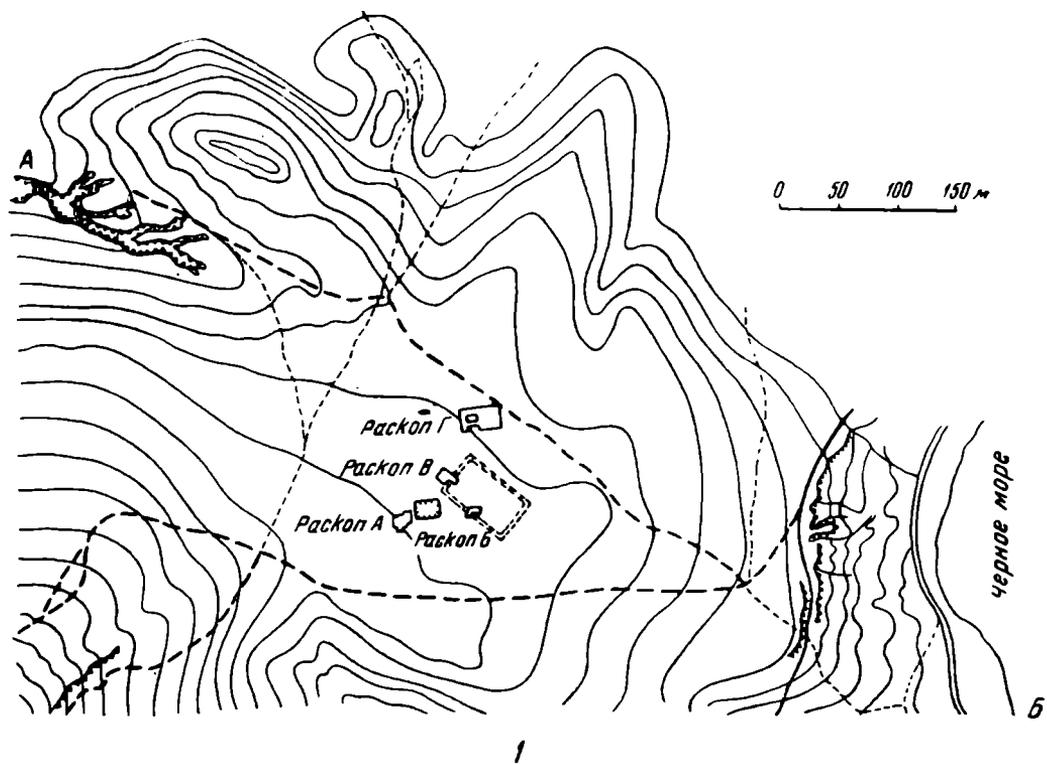

Рис. 33. Схематический план поселения (1) и раскопок жилого строения (2) на плато Тепсењ

Это свидетельствует о том, что строились на этом месте не раз. Поэтому разграничить строительные периоды нет никакой возможности.

Второй раскоп дал небольшую хозяйственную постройку $2,5 \times 1,5$ м с жерновом и амфорой. Постройка стояла частично на внушительном (в 1 м толщиной) фундаменте старой стены ранее разрушенного дома, другая стена которого, перпендикулярная к первой, проходила под серединой хозяйственной постройки и выходила за ее пределы. Таким образом, здесь ясны два последовательных и одновременных строительных периода.

На обоих раскопах в постройках найдено пять жерновов, что свидетельствует об использовании жителями поселения окружающих земель под зерновое хозяйство. Обилие осколков амфор и пифосов дает возможность предположить, что население занималось также виноградарством и виноделием. Костные остатки домашних животных, в особенности овец, свиней и коров, говорят о занятиях животноводством.

Из ремесел, распространенных здесь, можно указать на кузнечное, гончарное, прядильное и, может быть, стекольное: в южном помещении дома обнаружено много стекла.

Строительное дело стояло, очевидно, на большой высоте, если принять во внимание профилированные карнизы и капитель колонны, попавшую в кладку ограды, а также применение штукатурки и широкое использование легко поддающегося обработке привозного ракушечника, несмотря на изобилие местного камня — более плотного мшанкового известняка, песчаника, андезита.

В 1950—1951 гг. проводились работы по раскопкам большого Коктебельского храма. Удалось обнаружить его северную стену, которая сохранилась на значительном расстоянии не только в виде фундамента: уцелел ряд кладки облицовочных квадров из акмонайского известняка, сложенных насухо. Характер блоков и их пропорции свидетельствуют о том, что на кладку были взяты камни с какой-то крупной постройки первых веков нашей эры⁹. Северо-западный угол храма оказался полностью выбранным, но на расстоянии 2 м обнаружен фундамент западной стены. Таким образом оказалось возможным определить длину северной стены — 37,5 м. Толщина стены приблизительно 1,5 м.

В восточной части раскопа выявлены три апсиды. Облицовочные камни из того же акмонайского известняка сохранились лишь на северном конце полукружия центральной апсиды, но и этого оказалось достаточно для того, чтобы восстановить очертания всей апсиды. Ее диаметр достигал 10,8 м. Толщина стен 2,3 м.

От концов центральной апсиды вдоль всего храма с востока на запад проходят ленты фундаментов. На них местами сохранились основания столпов; мы насчитали их в линию по девяти, с равными промежутками между ними. Основания эти состоят из больших квадров плотного известняка ($1 \times 0,7$ м). К внешней стороне их пристроены столпы из бута, возможно для поддержки стропил перекрытия боковых нефов (рис. 34).

На протяжении лент фундаментов найдено много арочных клинчатых камней с остатком штукатурки на выкругленной поверхности, свидетельствующих о том, что между столпами были арки и что обеими рядами столпов поддерживались аркады, шедшие по двум сторонам центрального нефа.

Ни следов баз колонн, ни фрагментов самих колонн на территории храма не обнаружено.

Таким образом, раскопанный нами храм должен быть отнесен к типу больших базиликских храмов, но не с колоннадой, а со столбами и арками.

⁹ На это обстоятельство обратил внимание осмотревший кладки храма А. Н. Карасев.

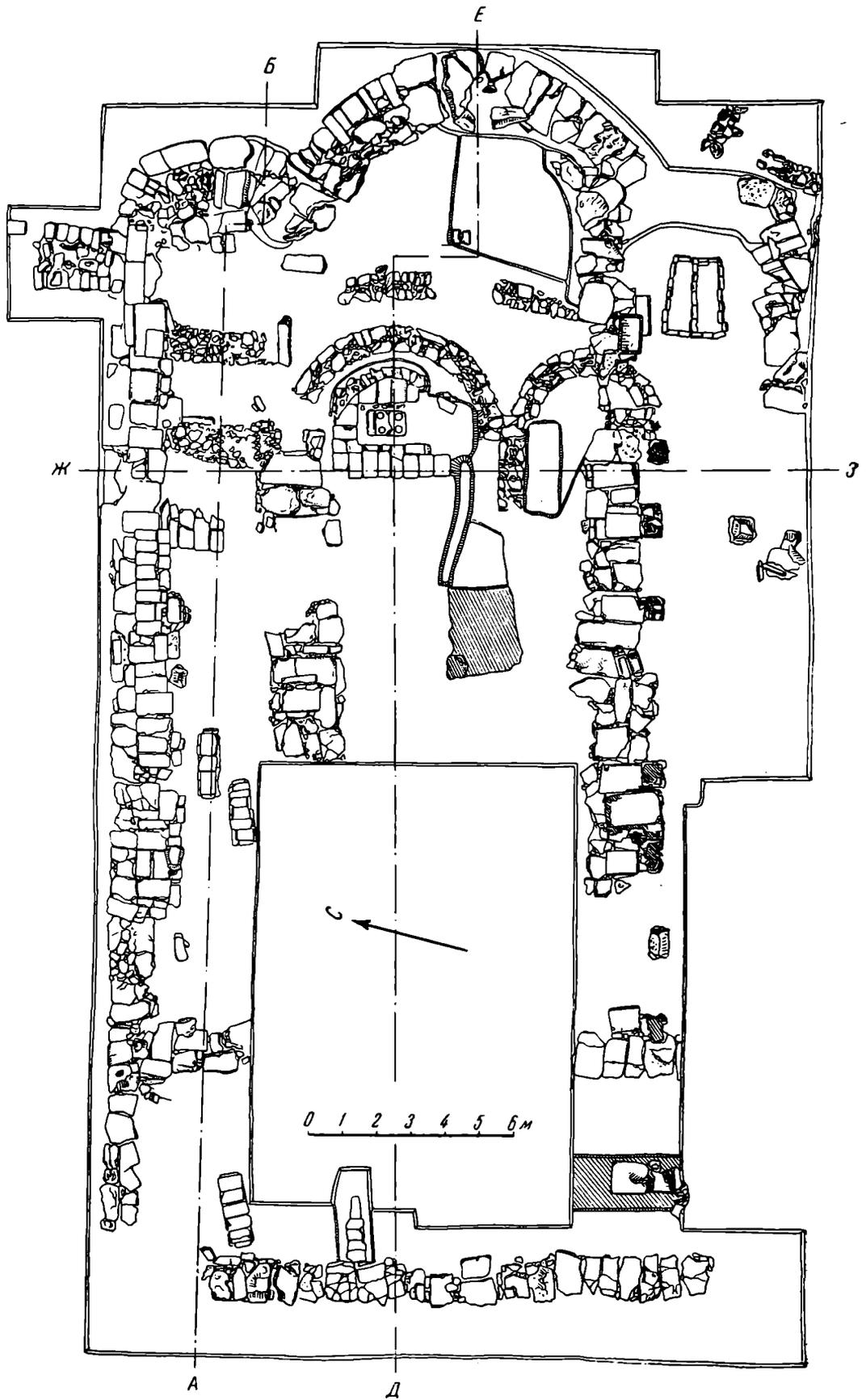

Рис. 34. План раскопанных храмов
 А — Б, Д — Е, Ж — З — линии разреза

Предположить наличие купольного свода нельзя, так как кирпича на территории храма не оказалось, а столбы такой конструкции не могли бы выдержать каменного свода.

Большое затруднение для определения конструкции храма представил обнаруженный столб в нартексе, чего в базиликальных храмах не бывает. Впрочем, укажем на одно обстоятельство: этот столб оказался построенным на месте старой творильной ямы. Не поставили ли его позже, при капитальном ремонте здания?

Наблюдения над стратиграфией дали возможность определить уровень пола большого храма, который почти совпадает с уровнем основания столпов. Пол был выстлан известняковыми плитами.

Рис. 35. Вид на алтарную часть позднейшего малого храма

Дальнейшее исследование территории большого храма выявило, что на этом же месте существовал ранее тоже трехапсидный храм, но меньших размеров; этот древнейший храм может быть отнесен к VII в. н. э., так как в строительном материале большого храма вторично использованы надгробные стелы с полукруглым верхом и вписанным в круг крестом, очерченным циркульными дугами. Такие стелы найдены в Суук-Су Н. И. Репниковым и датированы им VI—VII вв.¹⁰

После гибели большого храма возник здесь новый, третий по счету, небольшой одноапсидный, очень бедный, с сырцовою апсидой (рис. 35). Для его пола были частично использованы плиты большого храма. Впрочем, высказывались предположения, что данная «апсида» с престольной плитой представляет собой синтрон древнейшего трехапсидного храма.

Гибель большого храма мы относим к самому началу X в. Если малый поздний храм возник на его развалинах, то его можно датировать первой половиной X в., так как керамического материала второй половины X в. на Тепсене почти не встречено.

В связи с этим можно установить и даты существования самого поселения.

¹⁰ Н. И. Репников. ИАК, вып. 19, стр. 43; ЗООИД, т. XXVII, стр. 130.

Основание его относится, судя по отдельным находкам, к VI—VII вв. В VII в. поселение вырастает: появляется трехапсидный (древнейший) храм. К VIII в. поселение достигает расцвета, в результате которого на месте обветшалого строится новый огромный храм, существовавший до конца IX или начала X в. В конце IX, а может быть, в начале X в. храм этот гибнет от какой-то катастрофы. Поселение приходит в упадок. Оставшиеся жители строят на развалинах большого храма малый одноапсидный. Найденные на Тепсене золотые монеты (рис. 36) датируются VIII в. (Лев

Рис. 36. Золотые византийские монеты, найденные на территории поселения

Исавр и Константин Копроним), и это не противоречит нашему предположению относительно времени расцвета поселения (VIII—IX вв.).

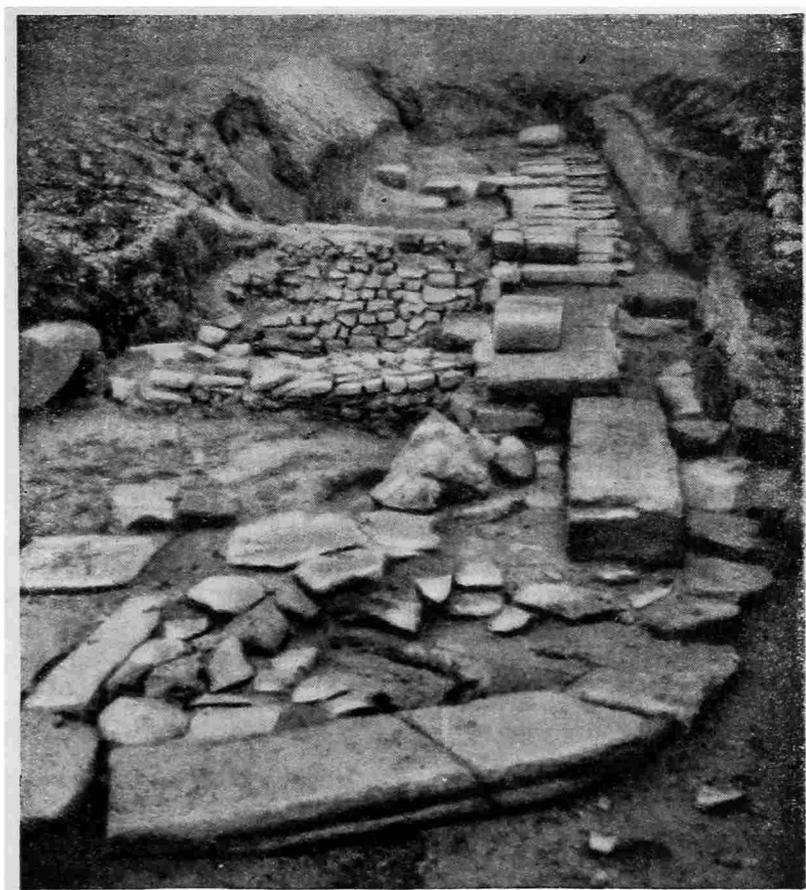
Обращает на себя внимание мощьность фундамента под апсидами большого храма. Состоит он из огромных плит крепкого «дикарного» камня. Плиты эти, толщиной по 25 см и более, были уложены в вырытый в грунте котлован четырьмя рядами, одна на другой (рис. 37, 1). Общая глубина фундамента достигала 1 м. На стыке центральной и юго-восточной апсид плиты уложены одна на другой в семь рядов. Мощьность фундамента под апсидой может быть объяснена, повидимому, большой нагрузкой на него именно в этой части здания.

К северной стене храма перпендикулярно к ней с севера примыкала стена толщиной 1,9 м, также облицованная штучным камнем, но более скромных размеров (не больше 0,6 м в длину). Она являлась или остатком какой-то пристройки, или частью ограды.

К югу от северной стены (не считая поздних пристроек, явно не гармонирующих с пропорциями храма) отходят лентами фундамента, которые делят храм на три поперечные неравные части: нартекс, или притвор (длина 6 м), центральную часть для молящихся (длина 14 м) и часть, в которой располагались алтари, амвоны и клиросы (длина 12 м). Длина сооружения от центральной апсиды до западной стены 37,5 м (рис. 37, 2), ширина приблизительно 21 м. Таким образом, по размерам Коктебельский

1

2

Рис. 37. Фундамент северо-восточной апсиды (1) и вид на фундаменты северной стены большого храма (2)

храм может быть отнесен к самым большим средневековым храмам, известным до сих пор на территории СССР.

В большом храме обнаружено шесть погребений в каменных (плиточных) могилах. При погребенных никаких вещей не оказалось. Сохранность костяков плохая. В трех могилах захоронены пожилые мужчины, в четвертой — два подростка, а из пятой и шестой, расположенных рядом с общей средней стенкой, кости были выброшены и часть их обнаружена в стороне от могил. Найдены здесь только сгнившие доски от гробов и большие железные кованые гвозди, которыми они были сколочены.

У стен храмов обнаружено большое количество обломков штукатурки. Найдены фрагменты штукатурки с росписью.

В пределах раскопа встречены обломки черепицы, между прочим фрагменты с надписью . Из церковных вещей — лампада на

бронзовых цепочках (фрагменты). Интересны архитектурные обломки.

За три года собрано много керамических изделий. В их числе большое количество фрагментов крупных сосудов — пифосов, амфора, или корчаг — ребристых, круглодонных. Аналогичные корчаги найдены В. Бабенко¹¹ на Салтовском городище в гончарной печи и датируются им VII—X вв.

Среди кровельной черепицы обнаружено много клейменной (рис. 38). Клейма находят многочисленные аналогии в коллекциях черепицы средневекового Херсонеса: или двойные: . Черепицы с подобными знаками собраны в Партените, Эски-Кермене и в других местах Крыма.

Обращает внимание то, что аналоги нашей керамике есть в находках у керамических печей, обнаруженных в ряде пунктов в Крыму¹², что позволяет говорить о местном производстве керамики Коктебеля.

На двух черепицах мы нашли клейма, близкие к княжеским знакам, опубликованным Б. А. Рыбаковым¹³, С. П. Толстовым¹⁴ и Н. И. Репниковым¹⁵, в виде «трезубцев»: . Найденный знак представляет

новый вариант того же «трезубца», у которого средняя палочка перечеркнута посредине горизонтальной черточкой, чем он отличается от княжеских знаков смоленских и черниговских, а также и от крымского, обнаруженного Н. И. Репниковым в Партените. Это дает основание, пока еще предположительно, ставить вопрос о какой-то связи Коктебельского поселения с культурой начального периода Киевской Руси.

Очень интересное клеймо обнаружено на одной из черепиц. На нем представлена сцена нападения собаки на оленя. Олень, возможно, именно крымский, так как он крупной породы, во много раз больше собаки, удивительно напоминающей изображение собаки из склепа № 9 некрополя Неаполя Скифского и по рисунку, и по экспрессии¹⁶.

Просматривая клейменные черепицы Херсонеса IX—X вв., мы не нашли

¹¹ В. Бабенко. Каменный город. «Труды XV АС», т. I, 1914, стр. 464—473.

¹² Гончарные печи у Чабан-Куле обнаружены Н. С. Барсамовым в 1929 г. Отчет хранится в архиве ЛОИИМК и в архиве Отдела истории и археологии КФ АН СССР. Мы обследовали эти печи в 1951 г. и насчитали не десять, как Н. С. Барсамоу, а 18.

¹³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд-во АН СССР, 1948, стр. 493.

¹⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Изд. МГУ, 1948, стр. 75; его же. Из предистории Руси. СЭ, 1947, № 6—7, стр. 47.

¹⁵ Н. И. Репников. ИАК, вып. 32, 1909, стр. 139.

¹⁶ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. В кн.: «Общее Собрание АН СССР 10—13 июня 1947». Изд-во АН СССР (о живописи в склепе № 9).

ни одной, на которой была бы столь художественно выполнена подобная сцена, — там доминируют условные и шаблонные изображения животных

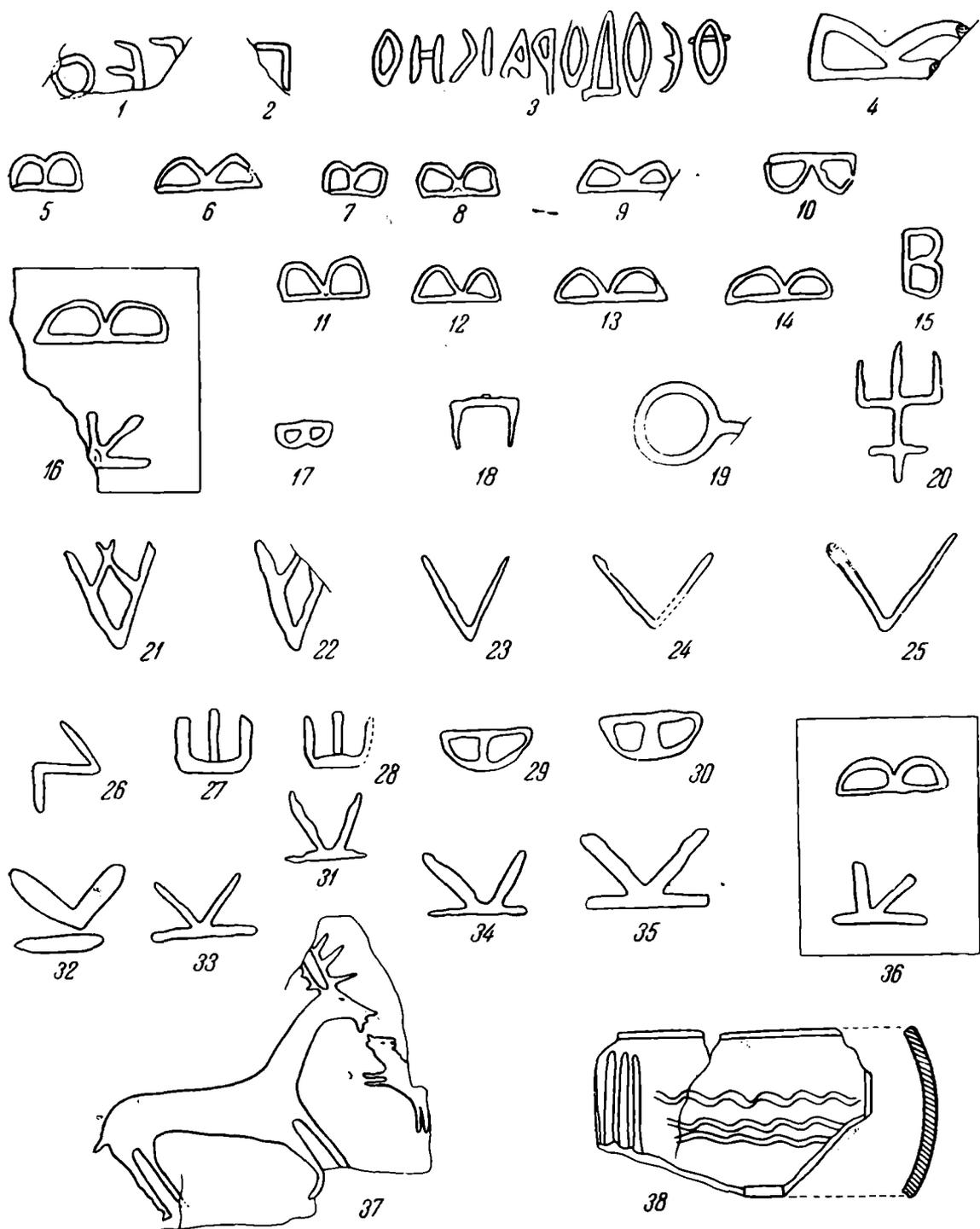

Рис. 38. Клейма на черепицах:

1—36 — клейма, направленные верхней частью к низу черепиц; 37, 38 — низ черепиц слева

и птиц. Кроме того, херсонесские рисунки выполнены в другой технике — процарапаны острием в обводку¹⁷. Коктебельское же изображение выполнено плоским рельефом.

Наиболее ценным материалом для определения времени существования поселения является посуда, которую обычно называют салтово-маяцкой,

¹⁷ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 26.

не определяя ее этнической принадлежности. Известны мнения, что весь комплекс салтово-маяцких находок относится частью к аланам, частью к хазарам и болгарам. Однако несомненна близость этой керамики и к славянской.

Полнейшие аналогии керамики из Коктебельского поселения данного типа можно найти среди посуды средневековых слоев Таманского и Фанагорийского городищ (рис. 39, 1, 2).

Рис. 39. Керамика:

1 — с Планерского поселения; 2 — из Фанагории; 3 — черепок от горшка с отогнутым венчиком; 4 — венчик с „зашипами“; 5 — венчик с насечками и наколами; 6 — кувшин из Чернореченского могильника; 7 — сосуд с тремя ручками из Ийкерманского могильника

Всю керамику Коктебельского поселения можно условно разделить на группы по форме и украшению венчика: первая группа — с гладким венчиком (в особенности с крутым выгибом венчика наружу) и обратным загибом венчика внутрь — характерна для тщательно выделанной посуды, изготовленной на круге (рис. 39, 3); группа вторая, повидимому более ранняя, с зашипами по венчику, тоже широко распространенная, в противоположность первой, преимущественно лепная и крайне грубая, почти черного

цвета (рис. 39, 4); есть, впрочем, посуда этого типа, изготовленная на круге; третья группа — с насечками и наколами по отогнутому венчику (рис. 39, 5).

Керамика с зашипами по венчику выглядит наиболее древней и генетически ведет свое начало, быть может, еще со скифо-сарматских времен. И. И. Ляпушкин описывает древнейшие типы этой керамики с памятников по среднему течению Ворсклы (между Полтавой и Бельском) и относит их к скифской культуре¹⁸. Приемы орнаментации зашипами значительно позже повторяются и в славянской керамике, например из с. Опошни, которую И. И. Ляпушкин и другие исследователи относят ближе к роменской, т. е. к раннеславянской, культуре VIII—X вв.¹⁹

Орнаментация насечками и волной также связана с очень древней традицией.

Черепки с зашипами, насечками, с волнообразной и горизонтальной штриховкой по тулову сосуда аналогичны встреченным в Борщевском городище П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым и датировемым ими VIII—X вв.²⁰ Б. В. Рыбаков описывает такую же керамику из Чернигова и относит ее к VII—VIII вв.²¹

Таким образом, по аналогии, самая ранняя дата типов керамики, представленных в Коктебеле, — VII—VIII вв. н. э. Самый поздний, по видимому, тип X в. Следовательно, время существования Коктебельского поселения ориентировочно определяется с VII по X в., как мы и предположили на основании архитектурных материалов.

Керамика Коктебельского поселения отнюдь не является характерной исключительно для этого места. Ареал ее распространения в Крыму гораздо шире и охватывает всю территорию полуострова. В большом количестве встречалась она в Херсонесе. Находим мы ее и близ Белогорска. По рисунку, тесту и обжигу она совершенно идентична коктебельской²². Встречена такая же керамика и в овраге Чуюн-Ча, в 10—12 км к северо-западу от Симферополя²³. Обнаружена она при раскопках Эски-Кермена в 1928—1937 гг.²⁴ и в Инкермане у Каламиты²⁵. Попадалась она и в Оленьем гроте на территории Крымского государственного заповедника²⁶. Черепок с двойной волнистой и горизонтальной линией в 1949 г. обнаружил П. Н. Шульц в восточной части Неаполя Скифского, между некрополем и поселением киммерийской эпохи²⁷. И даже в дромосе одного из склепов некрополя Неаполя Скифского (№ 3), мы в 1946 г. зарегистрировали такой черепок²⁸. Много подобной керамики найдено близ Симферополя в Холодной балке, где имеется поселение салтово-маяцкой культуры²⁹. Особенно много керамики салтово-маяцкого типа найдено на Керченском полуострове в средневековых слоях Тиритаки и Мирмекия, а также в некрополе Тиритаки с погребениями VIII—X вв.³⁰ Много ее и в Илурате (современное село Ивановка)³¹. Найдена керамика этого же типа

¹⁸ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, стр. 125, 131.

¹⁹ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв., вып. XII, стр. 118—127.

²⁰ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусское поселение на Дону. МИА, вып. 8, 1948, стр. 38—41.

²¹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 63.

²² Фонд Отдела истории и археологии КФ АН СССР.

²³ Там же.

²⁴ Фонд ЛОИИМК.

²⁵ Раскопки Е. В. Веймарна в 1950 г.

²⁶ Фонд Отдела истории и археологии КФ АН СССР.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Сборы краеведа А. А. Шепинского в 1950 г.

³⁰ В. Ф. Гайдукевич. Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА, № 4, 1941, стр. 126.

³¹ Раскопки В. Ф. Гайдукевича в 1950 г.

М. А. Наливкиной в 1948—1950 гг. в средневековых слоях городища Калос-Лимен, близ Черноморска. В 1950 г. П. Н. Шульц обнаружил посуду салтово-маяцкого типа в средневековых слоях таврского убежища на горе Кошка (южный берег Крыма). Таким образом, эта керамика распространена по всей территории Крыма.

Просматривая коктебельскую керамику, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов и другие исследователи отметили присутствие в наших коллекциях и типичной славянской посуды. Находил славянские черепки в наших сборах 1951 года и А. Л. Якобсон. Следовательно, наличие славянского керамического материала на поселении близ с. Планерское несомненно.

Наличие в Крыму культуры славянских племен, антов или росов, подтверждается как будто вновь открытыми археологическими материалами полей погребений II—V вв. н. э. у с. Черноречье Балаклавского района и находками в Инкермане близ Севастополя.

«Поле погребальных урн» близ с. Черноречье раскопано нами в 1950 г. На сравнительно небольшом участке открыты 43 урны с пеплом и костями сожженных трупов, а также 48 могил с труположением. Могильник этот имеет очень много черт, общих с Черняховским. Укажем на обнаруженную здесь посуду типа находимой в полях погребения, например, сероглиняный острореберный кувшин (рис. 39, б) из могилы № 35, сероглиняную же плоскую чашечку на кольцевой ножке из склепа № 7 и др. Такой же раннеславянский материал встречен и при раскопках инкерманского могильника в 9 км от Черноречья С. Ф. Стрежелецким в 1940 г. и М. В. Веймарном в 1948 г. Особенно характерен найденный здесь трехручный сосуд антского типа, аналогичный опубликованному Ханенко из Черняхова³² (рис. 39, 7).

Изучение коктебельской керамики с учетом привлеченного сравнительного материала привело нас к следующему выводу. Салтово-маяцкая керамика, в основном аланская, и обнаруженная в Коктебеле наряду со славянской так называемая хазаро-болгарская не представлены здесь в чистом виде.

Салтово-маяцкая (аланская) представлена ограниченным количеством видов, причем отсутствуют самые типичные салтово-маяцкие сосуды — кувшины с ручками, тулово которых расширяется книзу³³. Так называемая хазаро-болгарская представлена на Тепсене только в виде черных и серых горшков с орнаментом, типичным и для славянской керамики (волна с горизонтальным рифлением, сплошным и зональным). Остальные же виды орнамента, типичные для болгар, а также и формы болгарских сосудов³⁴ здесь совершенно отсутствуют.

Стало быть, коктебельская керамика является каким-то особым вариантом аланской и болгарской посуды, без характерных видов той и другой, но с наличием видов, характерных для славянской керамики. Вместе с этим имеется и типичная славянская керамика.

А. П. Смирнов в своем большом труде, посвященном волжским болгарам, устанавливает, что более сильная славянская культура оказывала влияние на болгарскую с древнейших времен.

Надо к тому же и самый термин «славянская керамика» в отношении Коктебеля понимать не так, как его обычно понимают исследователи, исходя из классических форм славянской керамики приднепровских районов. Здесь приходится констатировать определенное своеобразие, вызванное аланской подосновой.

³² Собрание Б. и В. Ханенко «Древности Приднепровья», раздел IV, табл. 20.

³³ См. коллекции салтово-маяцкой керамики в ГИМ: П 59/11 в; П 59/136; П 59/13а; инв. № 40527, 40526, 40524, 34157, 44159; см. также С. Семенов-Зусер. Раскопки около с. Верхнее Салтово 1946 р. «Археологичні пам'ятки», т. I, табл. III, 2, 4, 7.

³⁴ А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 131, 138, 186—187, рис. 94—96, 98, 100, 102, 103, 115—117.

А. В. ЗБРУЕВА

КОТЛОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Котловское городище, открытое и обследованное А. А. Спицыным в 1888 г., расположено на правом высоком берегу р. Камы, в 5 км ниже впадения р. Вятки, между селом Котловкой Мартовского района Татарской АССР и городищем Шишкой, в 1,5 км от села вниз по реке.

Площадка городища в форме неправильного треугольника, вытянутого почти с северо-востока на юго-запад, ограничена с северо-востока очень невысокими валами. Первый вал (считая от стрелки) сопровождается небольшим рвом; второй вал почти не заметен, а его ров совершенно заплыл и видеть его можно лишь по профилю в осыпи склонов городища. С двух других сторон площадка ограничена крутыми склонами оврагов (логов) Бараньего и Девичьего, достигающими 50 м высоты, и сильно понижается к стрелке, основание которой находится почти на уровне р. Камы (рис. 40, 1). Верхняя часть западного склона осьпается, и край площадки все более разрушается. В осыпи встречаются обломки глиняной посуды и кости животных.

Длина площадки около 140 м; от стрелки до первого вала — около 65 м. Длина первого вала — около 35 м, второго — около 45 м. Наибольшая ширина площадки — между первым и вторым валами — около 60 м.

Культурные остатки расположены в слое комковатого суглинка темно-коричневого цвета, лежащем непосредственно под дерном и достигающем глубины 0,2—0,4 м. Ниже залегает слой комковатой, очень плотной глины красного цвета, идущей, судя по обнажениям склонов городища, до уровня вод в Каме. Культурный слой только один, и лишь в профиле обнажений западной и северо-западной частей второго вала можно наблюдать разделение его, причем одна часть, в виде тонкой углистой прослойки без находок, уходит под насыпь вала, в то время как другая поднимается на насыпь. Повидимому, второй (внешний) вал насыпан уже после того, как площадка за первым валом была некоторое время обитаема.

Городище было обследовано в 1929 и 1930 гг. отрядом экспедиции Московского института антропологии Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова и Центрального музея Татарской АССР. В результате работ собрана довольно большая коллекция, состоящая главным образом из керамики. Раскопками было вскрыто 60 м².

Во время раскопок обнаружено четыре очажных ямы: одна в шурфе А недалеко от стрелки городища, вторая в раскопе I и еще две в раскопе II. Все они имели округлую форму и плоское дно; диаметр их около метра,

глубина 0,65—0,92 м. Разрез очажной ямы раскопа I характерен и для всех остальных (рис. 40, 2). Яма, заполненная углистым слоем, костями животных, обломками керамики, среди которых встречались и цельные или почти цельные сосуды, чаще небольшого размера, углублялась ниже общей границы культурного слоя на 0,5—0,6 м. Ее очертания все время четко выделялись на фоне окружающей глины. На дне в черноугольном слое было сосредоточено много обломков сосудов, между ними днища, части днищ и большие фрагменты стенок, кости животных, среди которых часто встречались позвонки и кости рыб, обожженные камни и большое количество мелкой гальки. В одной из очажных ям найдено глиняное пряслице, обломок другого и синяя стеклянная бусина на дне сосуда.

В двух очажных ямах обнаружены обугленные зерна хлебных злаков. В очажной яме шурфа А зерно находилось и в очажном слое и среди обломков керамики. В очажной яме на участке 21 раскопа II зерно лежало внутри сосуда, а на дне другого сосуда находился обугленный слой мелкого или размолотого зерна, превратившегося в пористую, твердую, очень легкую массу около 3—4 см толщины, покрывавшую дно сосуда. Обугленное зерно напоминало рожь и пшеницу, а обугленная масса на дне сосуда — крупу или мелкое просо.

В раскопе II один из очагов с неправильными очертаниями состоял как бы из двух центров. Здесь обнаружено скопление обломков керамики и железный крюк, повидимому, для подвешивания сосудов над огнем (рис. 41, 1). В другом центре очага, среди обломков керамики и внутри сосуда, найдены обугленные зерна хлебных злаков.

Повидимому, все ямы представляли временные очаги, вынесенные из жилищ.

Характеризуя находки из раскопок Котловского городища, прежде всего необходимо отметить, что они, за исключением обломков глиняных сосудов, немногочисленны. Коллекция, собранная экспедицией, хранится в Московском музее антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Костяные предметы представлены почти исключительно наконечниками стрел, кроме которых имеются лишь верхняя часть ручки ножа или шила из небольшой трубчатой кости животного и часть ребра (с нарезками) крупного животного.

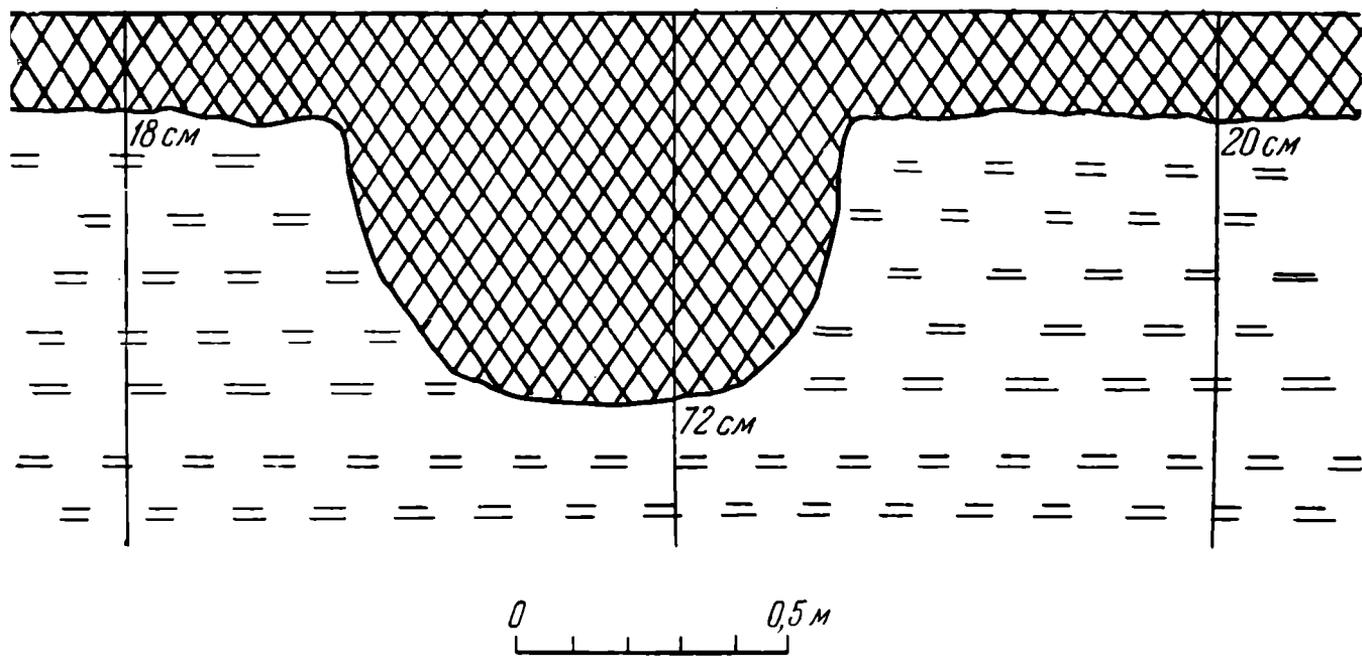
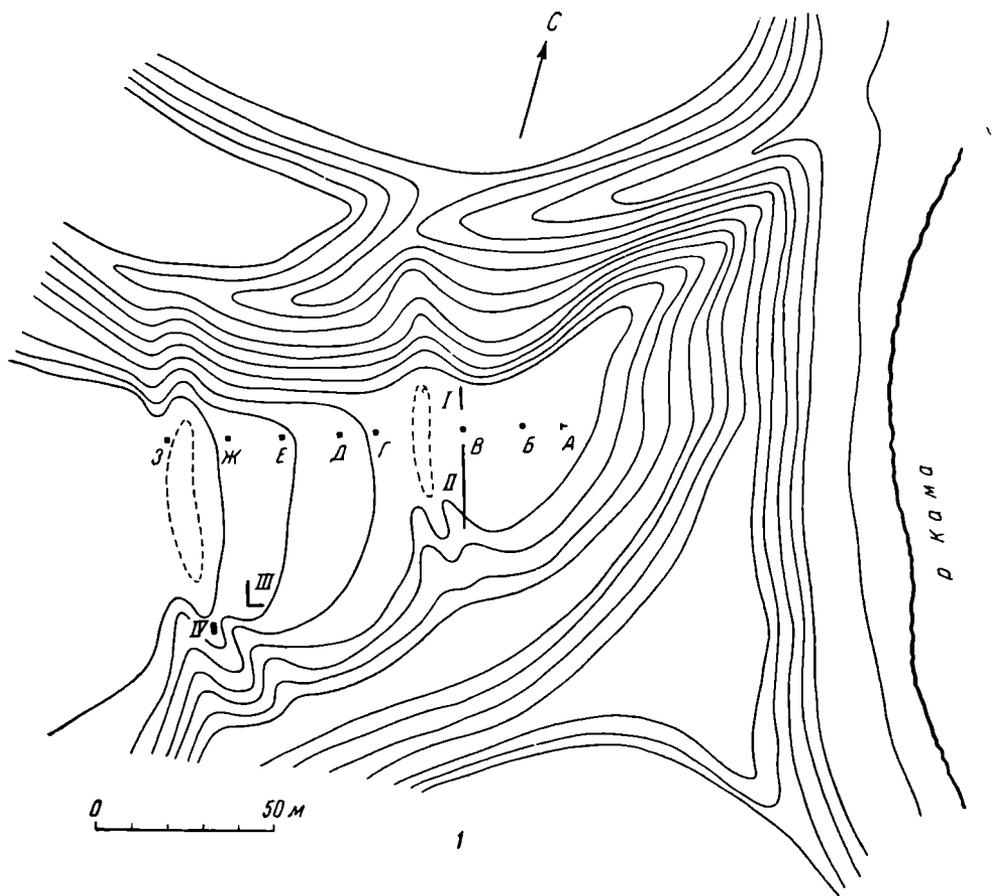
Еще более малочисленны предметы из металла.

Главным оружием обитателей Котловского городища были, несомненно, лук и стрелы. Среди находок — один целый и фрагменты 12 костяных наконечников стрел различной формы, часть из которых побывала в огне (рис. 41, 2, 3). На одном из четырехгранных наконечников на плоском черешке нанесена перекрещивающаяся нарезка для лучшего скрепления с древком стрелы при помощи клейкого вещества или смолы (рис. 41, 4).

Кроме костяных наконечников стрел, найден наконечник копья или, вернее, рогатины. Это — массивный железный наконечник с небольшим пером листовидной формы, с одной стороны плоским, с другой двускатным, и большой несомкнутой втулкой с отверстием для гвоздя в нижней части (рис. 41, 5). В длину он имеет 18 см, длина пера 8,5 см, наибольшая ширина пера 5 см, диаметр втулки 4 см.

Роль охоты и скотоводства в хозяйстве обитателей Котловского городища характеризуют костные остатки. По определению В. И. Громовой, из 120 годных для анализа костей было 55 костей домашних животных: лошади, коровы, мелкого рогатого скота, свиньи и собаки. К сожалению, нельзя определить, принадлежат ли кости мелкого рогатого скота козе или овце; кости свиньи принадлежали молодой особи, поэтому трудно решить, домашняя это свинья или дикая.

Первое место по числу костных остатков принадлежит лошади (40 костей от четырех особей), второе — корове (6 костей от одной особи), затем

2

Рис. 40. План Котловского городища (1) и разрез очажной ямы раскопа (2):

I - IV - раскопы; А - З - шурфы

идет мелкий рогатый скот и свинья (по 4 кости от одной особи) и, наконец, одна кость собаки.

Костей диких животных в коллекции 51, из них 28 принадлежат лосю, 12 бобру, 9 медведю. Кроме того, найдено небольшое количество костей рыбы.

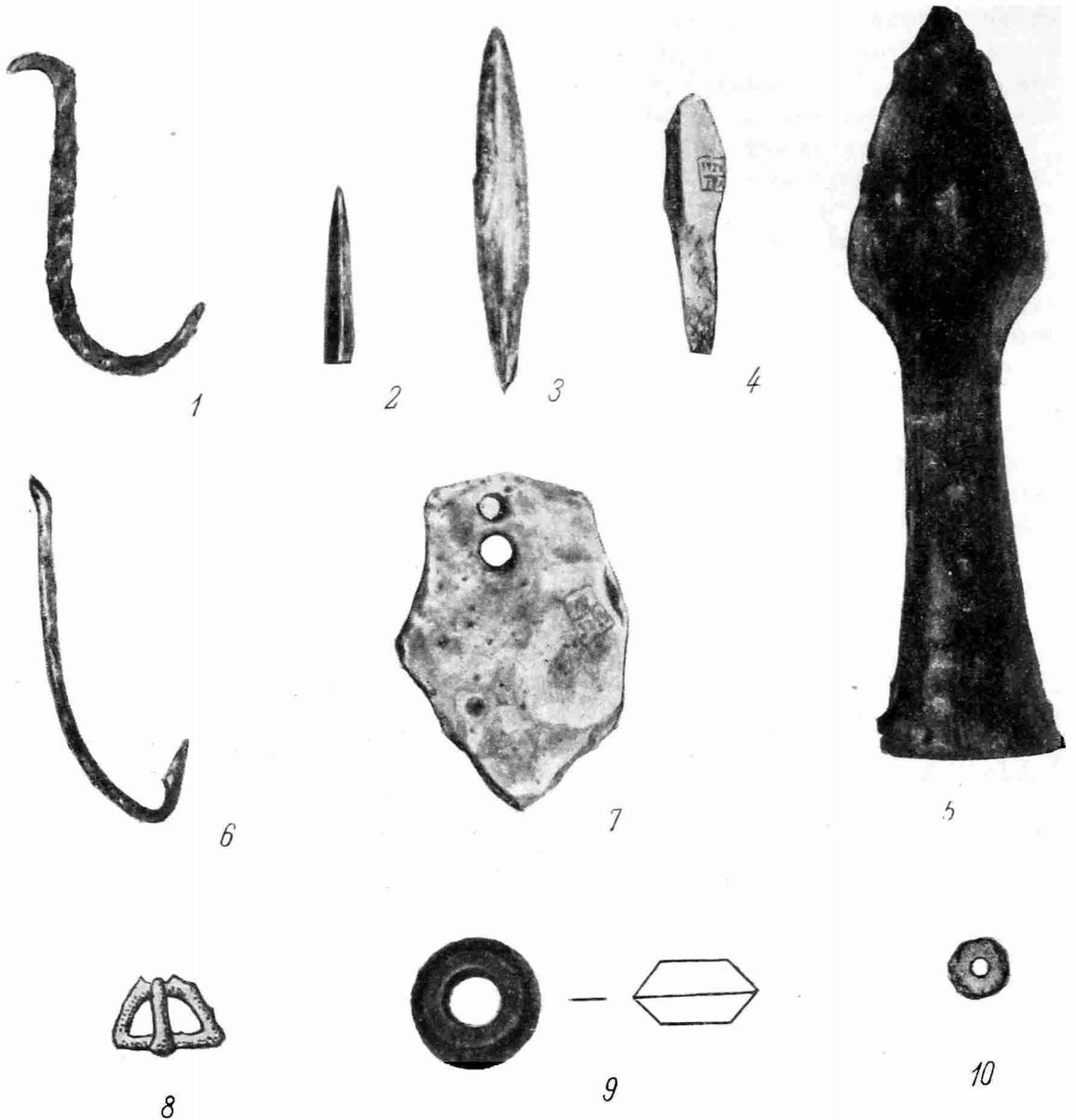

Рис. 41. Бытовые предметы с Котловского городища

Анализ костного материала дает возможность заключить, что в эпоху обитания городища скотоводство и охота имели важное значение в хозяйстве населения. Налицо все главные виды домашних животных — лошадь, корова, мелкий рогатый скот и свинья. Охота давала, с одной стороны, продукты питания, с другой — пушнину, основной продукт обмена. По всей вероятности, немаловажной отраслью хозяйства было и рыболовство. Об употреблении в пищу рыбы свидетельствуют кости рыбы, встреченные в счастных ямах в довольно большом количестве, а также железный рыболовный крючок и каменное грузило (рис. 41, 6, 7).

Но основой хозяйства обитателей Котловского городища было земледелие, которое достигало, повидимому, значительного развития. Неопровержимые свидетельства этому дают нам прежде всего многочисленные находки

обугленных зерен хлебных злаков в очажных ямах городища. Среди злаков различаются зерна ржи, пшеницы и, может быть, проса.

Кроме зерен хлебных растений, служивших, повидимому, главным продуктом питания, среди материала из раскопок 1930 года нужно отметить и обломки жерновов. Все они из серого известняка. Самый значительный фрагмент — кусок круглого жернова с отверстием в центре. Это часть массивного круга диаметром около 28—30 см и толщиной около 10 см; диаметр отверстия 5—6 см. Самый маленький обломок употреблялся в качестве терки уже после того, как был отбит от жернова. По всем данным, подобные жернова являются принадлежностью ручных мельниц, которые до последнего времени употреблялись у некоторых народов Сибири.

О характере земледелия у обитателей Котловского городища по материалам раскопок судить трудно: среди находок нет ни костяных мотыг, обычных для ранних костеносных городищ Вятки и Камы, ни железных сошников, характерных для чепецких городищ и памятников болгарской культуры.

Металлических вещей с Котловского городища сравнительно немного: железные — наконечник рогатины, два крючка и обломок пластинки, небольшая бронзовая пряжка (рис. 41, 8). Но о местном производстве металлических предметов свидетельствуют куски железного шлака, найденные в раскопе III, и глиняный сильно шлакированный небольшой тигель со следами меди или бронзы на одном из краев, найденный в осыпи западного края площадки городища (рис. 42, 1). Тигель имеет вид небольшого трехгранного сосудика с круглым дном и толстыми стенками. Высота его около 5 см, толщина стенок 0,9 см. Обрез края представляет собой равнобедренный треугольник, основание которого длиной около 0,5 см, а боковые стороны немного меньше. Подобные тигельки примерно такой же величины имеются в коллекции Н. Г. Первухина с чепецких городищ¹.

Среди находок отметим глиняные пряслица — 4 цельных и 2 обломка. Пряслица принадлежат по форме к двум типам. К первому относится лишь один обломок пряслица чечевицеобразной формы диаметром около 5 см с орнаментом из небольших круглых ямок, расположенных вокруг отверстия, остальные четыре пряслица и один обломок имеют вид двух усеченных конусов, сложенных основаниями вместе. Диаметр их 3 см, высота 1,5 см; диаметр отверстия 1,2—1,5 см (рис. 41, 9).

Глиняные пряслица обычно считаются принадлежностью веретена и могут характеризовать обработку растительного волокна или шерсти. То и другое вполне возможно, так как обитатели городища умели возделывать культурные растения и разводили мелкий рогатый скот.

Единственным предметом украшения является бочонкообразная бусина, повидимому, из горного хрусталя, найденная на дне сосуда в очажной яме раскопа II (рис. 41, 10). Бусы из горного хрусталя встречаются среди материала с городищ и могильников бывш. Глазовского уезда, а также в славянских курганах X—XI вв.

Наконец, остается упомянуть о небольшой бронзовой плоской пряжке в форме неправильного полукруга. Плоский язычок прикреплен посредине прямой стороны и доходит до края дуги (рис. 41, 8). Сохранность пряжки плохая.

Керамика из раскопок Котловского городища резко отличается от керамики ранних костеносных городищ Вятки и Камы как по составу глиняного теста, так и по форме сосудов. Из общего количества около 3000 фрагментов удалось выделить до 70 сосудов, распадающихся на две неравные группы.

¹ «Материалы по археологии Восточных губерний», т. II, табл. IX, рис. 1.

К первой относится основная масса (65 экземпляров); среди обломков встречены значительные части шеек, стенок и днищ, по которым можно составить полное представление о форме сосудов. Ко второй группе принадлежит небольшое количество преимущественно мелких обломков стенок и шеек от 5—6 сосудов, которые не дают представления о форме.

Рис. 42. Керамика с Котловского городища

Первая группа характеризуется примесью толченых черепков (шамота) к глиняному тесту большинства сосудов и почти полным отсутствием орнамента (лишь на одном фрагменте шейки по венчику расположены косые насечки). Все сосуды этой группы — плоскодонные. Для второй группы характерна примесь раковины к тесту; на одном-двух сосудах нанесен орнамент в виде горизонтального пояса из косых резных линий, расположенных вокруг шейки, а также из косых нарезок по краю венчика; один сосуд орнаментирован ямочными вдавлениями, расположенными вокруг шейки.

Все сосуды лепились от руки.

Керамика первой группы разделяется на четыре основные формы:

1) плоскодонные горшки, довольно низкие, с очень невысокой шейкой, слегка отогнутой наружу, и скорее прямым, чем округлым, венчиком (рис. 42, 2, 3). Диаметр горловины 9—32 см;

2) сосуды, отличающиеся от предыдущих главным образом выпуклостью стенок, что создает резкий переход от шейки к стенке и большую ширину в средней части сосудов, вследствие чего горшок кажется округлее, а шейка, по сравнению с наибольшей шириной сосуда,— более узкой (рис. 42, 4). Диаметр шейки 11—28 см;

3) сосуды в виде горшков с высоким горлом, округлыми стенками и плоским дном. К сожалению, не имеется достаточного числа фрагментов, чтобы восстановить форму сосуда целиком, но, судя по профилям фрагментов шеек, можно представить себе, что стенки были выпуклые. Диаметр горла 16—32 см;

4) к четвертой форме относятся лишь два сосуда в виде низких плоскодонных чашек с прямыми, немного отогнутыми краями. Ширина чашек, наибольшая по верхнему краю, постепенно уменьшается ко дну. Диаметр верхнего края 11—15 см.

Кроме керамики описанных четырех форм с целым рядом промежуточных видов, среди находок из раскопок Котловского городища обнаружено несколько фрагментов мелких сосудиков диаметром 3—6 см. Из них только один дает некоторое представление о форме. Это — нижняя часть плоскодонного сосудика со слегка выпуклыми вверху, немного загибающимися внутрь стенками, вылепленная, видимо, из одного куса глиняного теста без примесей. Диаметр дна 2,5 см, толщина 1,5 см, толщина стенок 0,5—0,6 см (рис. 42, 5).

Наконец, среди фрагментов найдено несколько обломков глиняной крышки и небольшая ручка от сосуда. Крышка круглая, слегка выпуклая, с загнутыми внутрь краями. Диаметр ее около 20 см.

Все предметы, найденные при раскопках, свидетельствуют о позднем времени обитания Котловского городища. Так, например, наконечники стрел по форме, по выделке и по сходству с находками на чепецких городищах имеют поздний облик, причем некоторые формы, например шестигранные, не встречаются среди коллекций с более древних городищ. Костяные наконечники стрел из верхнего слоя Пижемского городища, где уже было сравнительно много железных, также отличаются более совершенной техникой обработки.

Дальнейший процесс развития гончарства подчеркивается увеличением числа форм сосудов: вместо низкой чаши с округлым или слегка уплощенным дном, преобладающей в ряде древних городищ, появляются четыре более или менее резко дифференцированных типа сосудов с целым рядом переходных форм.

Все вышеизложенное заставляет относить время обитания городища к концу I или началу II тысячелетия нашей эры.

А. В. УСПЕНСКАЯ

ЗВЕНИГОРОДСКИЕ КУРГАНЫ

Раскопки курганов в Звенигородском районе летом 1951 г. были организованы Звенигородским историко-краеведческим музеем с целью пополнения коллекции Музея археологическим материалом по истории местного края¹.

Раскопки производились в курганных группах, расположенных близ Саввино-Сторожевского монастыря и д. Клопово.

Первая курганная группа — Саввинская находится на правом берегу р. Разводни (бывш. Сторожевка) в сосновом бору против монастырского скита. В этой группе насчитывается 23 насыпи, большинство из них в среднем 1,3—1,5, а иногда и до 2 м высоты, 14 были давно вскрыты колодцем или траншеями. Известно, что часть была раскопана в 60-х годах прошлого века А. А. Гатцуком, но куда поступил добытый раскопками материал — установить не удалось.

В Саввинской группе нами раскопано четыре кургана; насыпь одного из них (№ 2) выделялась своими размерами среди насыпей других курганов. Насыпи всех раскопанных курганов состояли из глины и песка, где встречались отдельные куски угля и обломки глиняной посуды.

Вторая курганная группа у д. Клопово, близ ст. Звенигород, расположена на правом берегу р. Нахабинки, в полукилометре от впадения ее в Москву-реку. Эта группа состоит из 11 насыпей, 9 из которых неизвестно кем и когда раскопаны колодцем. Здесь нами раскопан один курган высотой в 1,5 м. Насыпь его состояла из глины. Погребенная почва, так же как и в Саввинских курганах, была несколько ниже современной.

Все курганы были раскопаны нами на снос, за исключением кургана № 2, в северо-восточной части которого у основания росли два дерева. Для исследования профиля насыпи оставлялась бровка, в направлении с севера на юг, шириной в 0,6 м.

Насыпи в обеих курганных группах были округлой формы. У некоторых заметны следы ровиков и перемычек.

Погребенные во всех курганах лежали вытянуто, на спине, головой на запад, лицом на юг или на север; в четырех курганах (С № 1, 3, 4; К № 1) — на горизонте, в одном (С № 2) — в яме².

Из пяти раскопанных курганов три содержали погребения с богатым набором вещей. В двух других (С № 1 и 3) обнаружены мужские погребения, почти без вещей, поэтому останавливаться на них не будем.

¹ Раскопки производились под руководством автора настоящей статьи. В работах принимали участие сотрудники Звенигородского музея Н. С. Елагин и Е. П. Строганова.

² Условно обозначены: С — Саввинская группа, К — Клоповская.

Наиболее интересный материал в отношении погребального обряда и инвентаря дал курган С № 2. Он содержал три погребения: вводное муж-

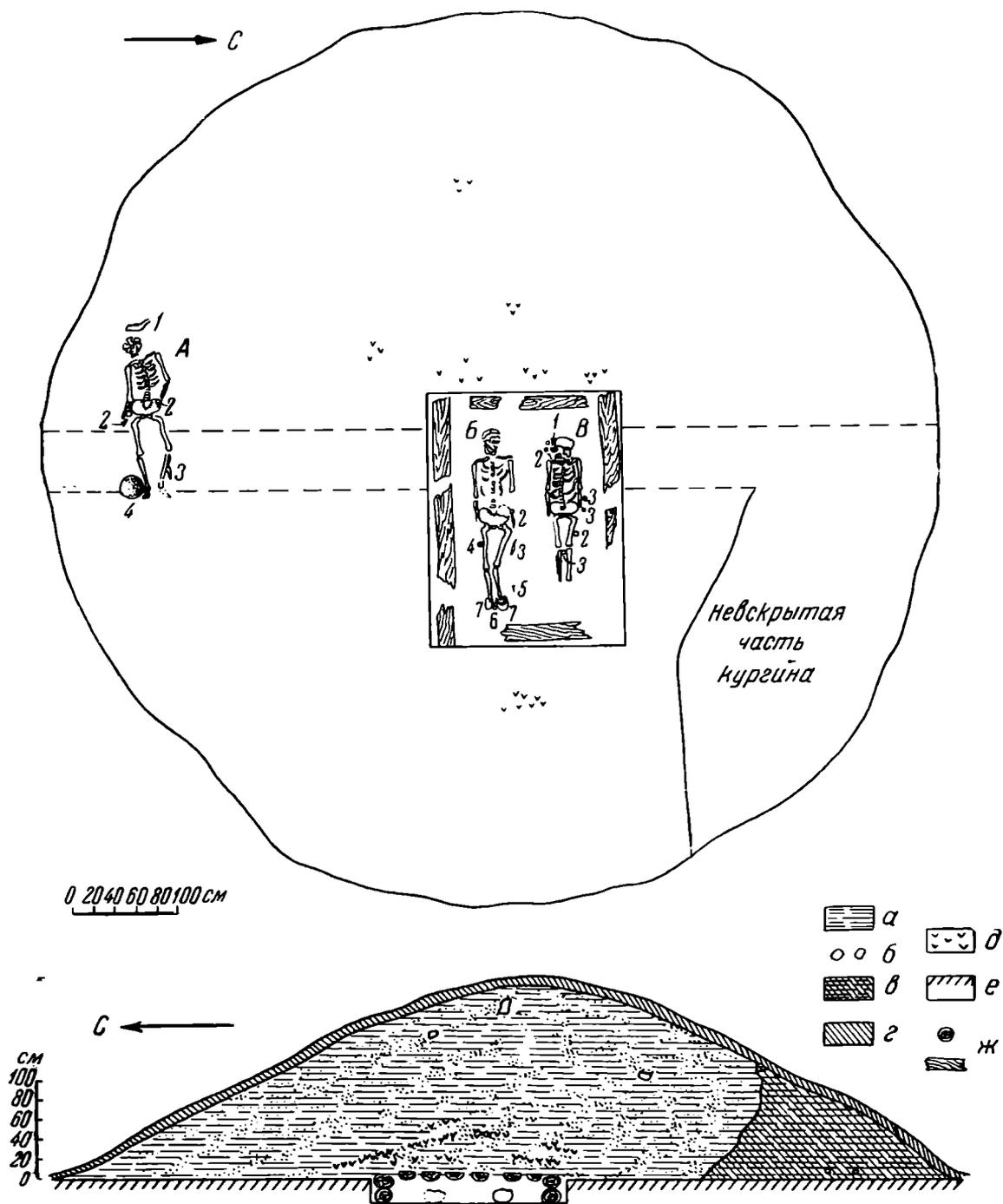

Рис. 43. План и разрез (профиль западной стенки бровки) кургана № 2 Саввинской курганной группы:

А — погребение № 1 — мужское: 1 — челюсть лошади; 2 — поясные кольца; 3 — нож; 4 — глиняный сосуд.
 Б — погребение № 2 — мужское: 1 — костяная заготовка; 2 — нож с кольцом; 3 — нож; 4 — поясные кольца;
 5 — гвоздь; 6 — бубенчик; 7 — фрагменты кожаной обуви. В — погребение № 2 — женское:
 1 — височные кольца; 2 — бусы; 3 — перстни.
 а — глина с темной землей; б — камни; в — глина с песком; г — дерновый слой; д — уголь; е — погребенная почва; ж — дерево

ское (А) в южной части кургана, мужское (Б) и женское (В) в яме (глубиной в 2,5 м) в одном деревянном срубе в центре кургана (рис. 43).

Сруб представлял собой прямоугольное сооружение (2,4 × 1,2 м) из массивных бревен в два венца. Дерево сгнило, но в некоторых местах удалось определить диаметр бревен, равный 17 см. Крыша плоская из таких

же бревен. Сверху сруб был накрыт большими листами бересты. Обвертывание гробов и покойников берестой имело место в погребальном обряде древних славян, в том числе и вятичей. Погребальные срубы, или теремки, известны в курганах дреговичей³ и древлян⁴. В насыпи встречено много углей; над срубом на глубине 1,6—1,7 м — угольная прослойка.

Описание инвентаря привожу по погребениям, типологические определения — по классификации А. В. Арциховского.

Вводное погребение (А) мужское. В головах челюсть лошади, расположенная перпендикулярно к костяку. У тазовых костей два поясных кольца (медные, уплощенные в сечении) с остатками ременного пояса. Под левой берцовой костью — железный нож. У правой ноги покойника стоял раздавленный, сделанный из темной глины сосуд с волнистым орнаментом.

Двойное погребение мужчины и женщины (Б и В). При мужском костяке на груди костяная трубочка со следами обработки ножом, возможно заготовка для какого-то предмета. С левой стороны у тазовых костей лежал железный, сильно окислившийся предмет, скрепленный с маленьким медным колечком. Определить назначение его не удалось, возможно это какое-нибудь орудие для обработки дерева. У левой бедренной кости — нож. У бедренных же костей лежали два поясных кольца, медные, плоские в сечении, с орнаментом. У пяточной кости левой ноги — гвоздь от сруба. На ногах была надета кожаная обувь, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, напоминающая род современных чуней-тапочек, причем верхний край их стягивался продетым в шов шнурком. Около обуви обнаружен маленький однопрорезной бубенчик (рис. 44, 1).

Женское погребение содержало богатый набор украшений: на висках — семь височных семилопастных колец, два из них сделаны из чистого серебра, которое довольно редко встречается в вятических погребениях, остальные — биллоновые. На шее — ожерелье из бус: трех хрустальных шарообразных, пяти сердоликовых бипирамидальных и пяти стеклянных шарообразных светложелтого цвета. Такая же бусинка лежала и у левой бедренной кости. На фалангах левой руки медные перстни — решетчатый двузигзаговый и ложновитой. Между колен перстень решетчатый, однозигзаговый (рис. 44, 2).

Таким образом, размеры кургана, погребальный обряд (наличие деревянного сруба) и богатый набор вещей при погребениях позволяют сделать заключение, что здесь похоронены муж и жена — представители местной знати.

Курган № 4 дал богатое женское погребение (рис. 45). При костяке найдены: у головы семь височных семилопастных колец, среди них одно малое. У шейных позвонков с правой стороны лежали бусы: семь сердоликовых бипирамидальных и семь шаровидных хрустальных. В отличие от большинства таких бус, известных из курганов вятичей, найденные были меньшего диаметра (около 4 мм). На шее — пластинчатая гривна с орнаментом из точек и треугольников, нанесенных чеканкой. К концам гривны припаяны массивные квадратные бляхи, литые из сплава серебра, с орнаментом на лицевой стороне, состоящим из вписанной в квадрат четырехлепестковой розетки и выпуклых кружочков по углам (рис. 46). Аналогичные гривны с бляхами известны из курганов близ с. Тушино и с. Троицкого Московской обл. (хранятся в ГИМ⁵) и д. Волково Звенигородского района⁶.

³ В. З. Завитневич. ОАК за 1892 год. СПб., 1894, стр. 137.

⁴ В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11, 1893, стр. 6.

⁵ ГИМ, инв. № 42436 и 20088.

⁶ Раскопки А. В. Арциховского 1940 года.

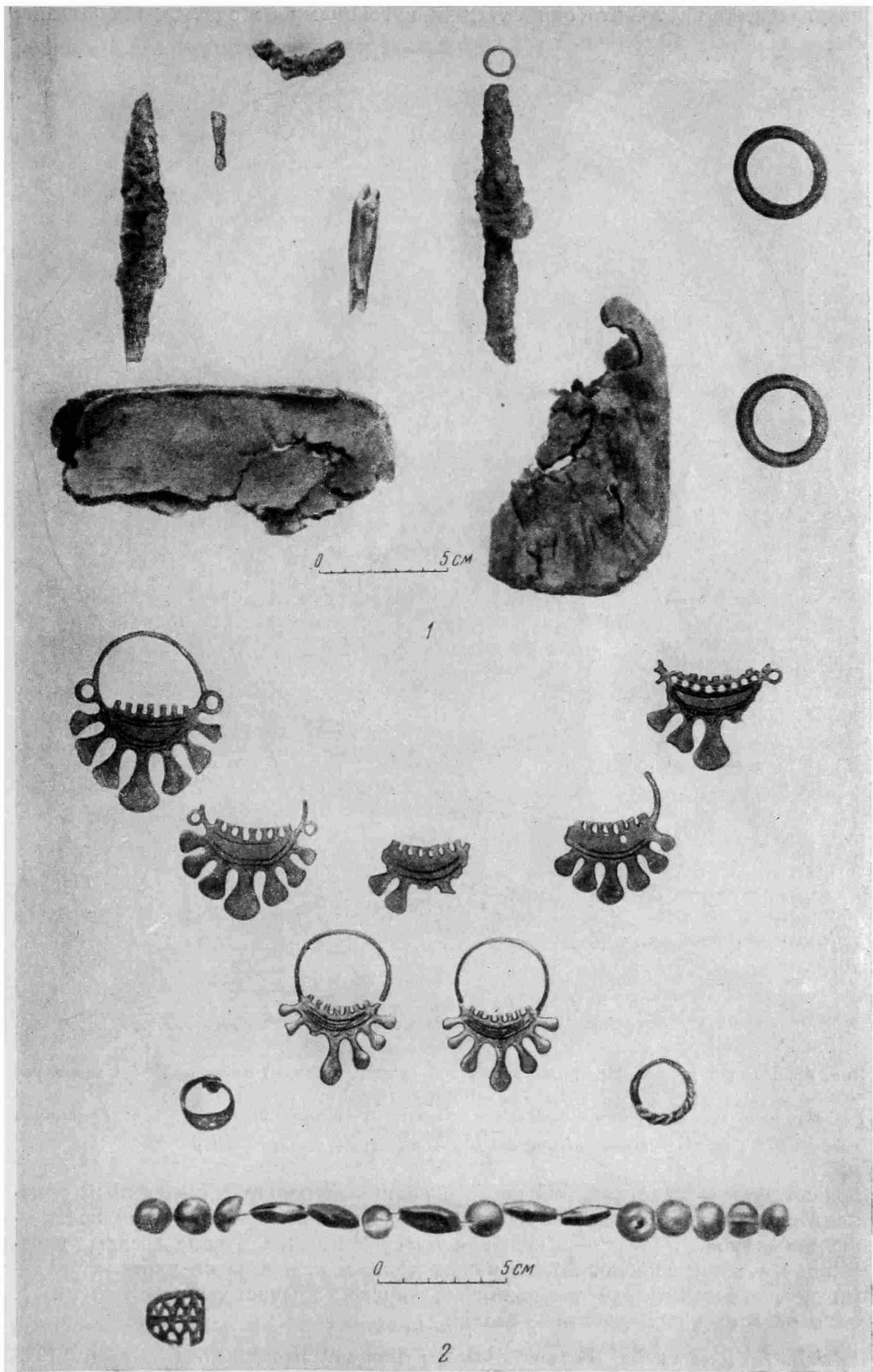

Рис. 44. Погребальный инвентарь кургана № 2 Саввинской курганной группы:
 1 — из мужского погребения Б; 2 — из женского погребения В

У правого плеча и лучевой кости лежали три бубенчика. Расположение их указывает на то, что они служили пуговицами на одежде. На фаланге

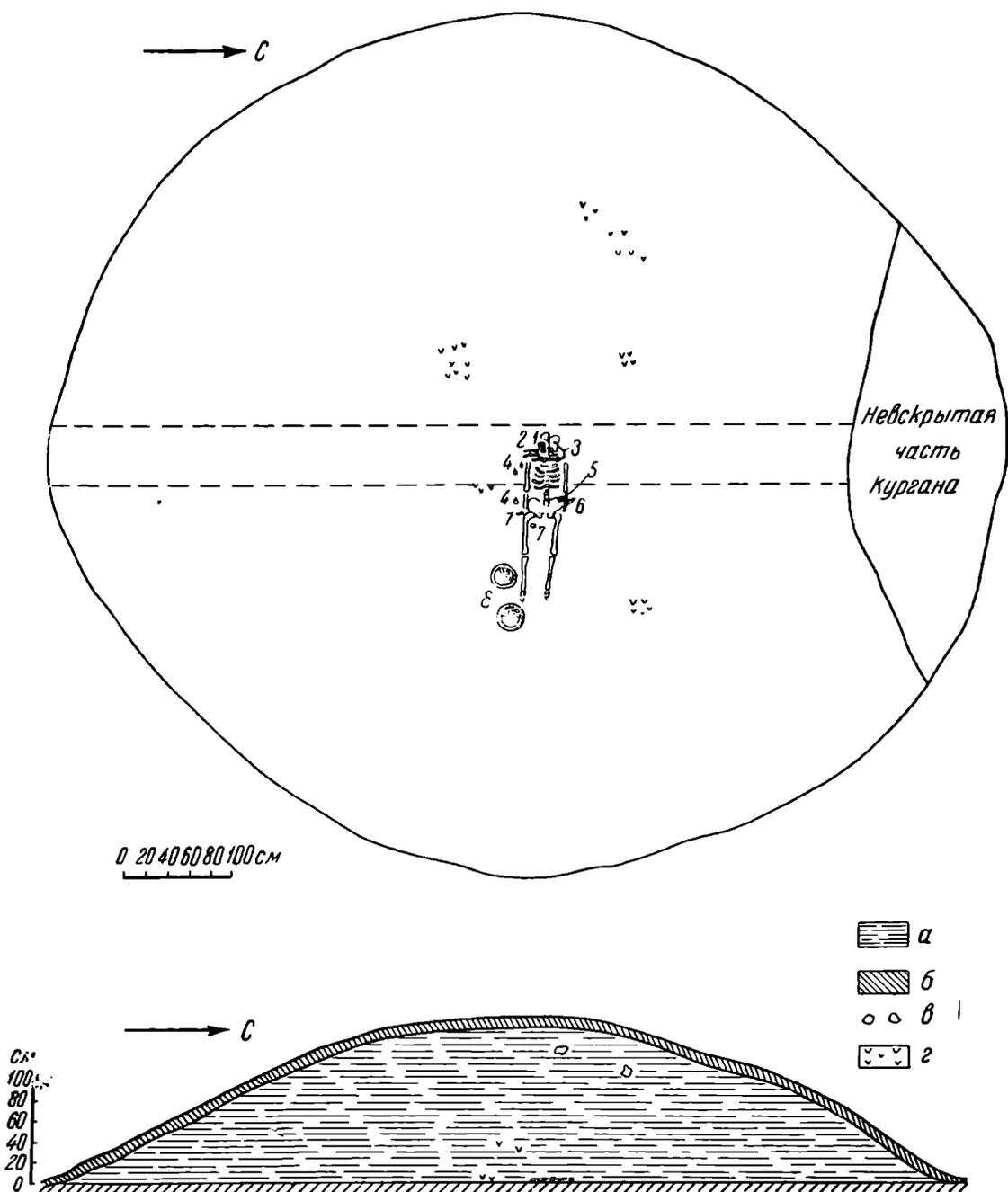

Рис. 45. План и разрез (профиль восточной стенки бровки) кургана № 4 Саввинской курганной группы:

1 — височные кольца; 2 — бусы; 3 — гривна; 4 — бубенчики; 5 — поясная пряжка; 6 — нож; 7 — перстни; 8 — глиняные сосуды.
 а — глина с песком; б — дерновый слой; в — камни; з — уголь

правой руки — пластинчатый широкосрединный перстень с чеканным орнаментом, у правой голени перстень ложновитой. У левой лучевой кости — железный нож. У таза — маленькая поясная пряжка в виде звезды, украшенная ложной зернью. Аналогичные пряжки известны из курганов радимичей⁷. В ногах стояли два глиняных горшка (обычного курганного типа): один раздавленный, другой — целый.

⁷ Б. А. Рыбаков. Радимичи. Праць сэкцыі археалёгіі, т. III. Менск, 1932, стр. 87.

Курган № 1 у д. Клопово содержал два погребения: вводное женское и основное мужское. Грунт здесь очень сырой, поэтому в отличие от захоронений Саввинской группы костяки плохо сохранились. В северной части

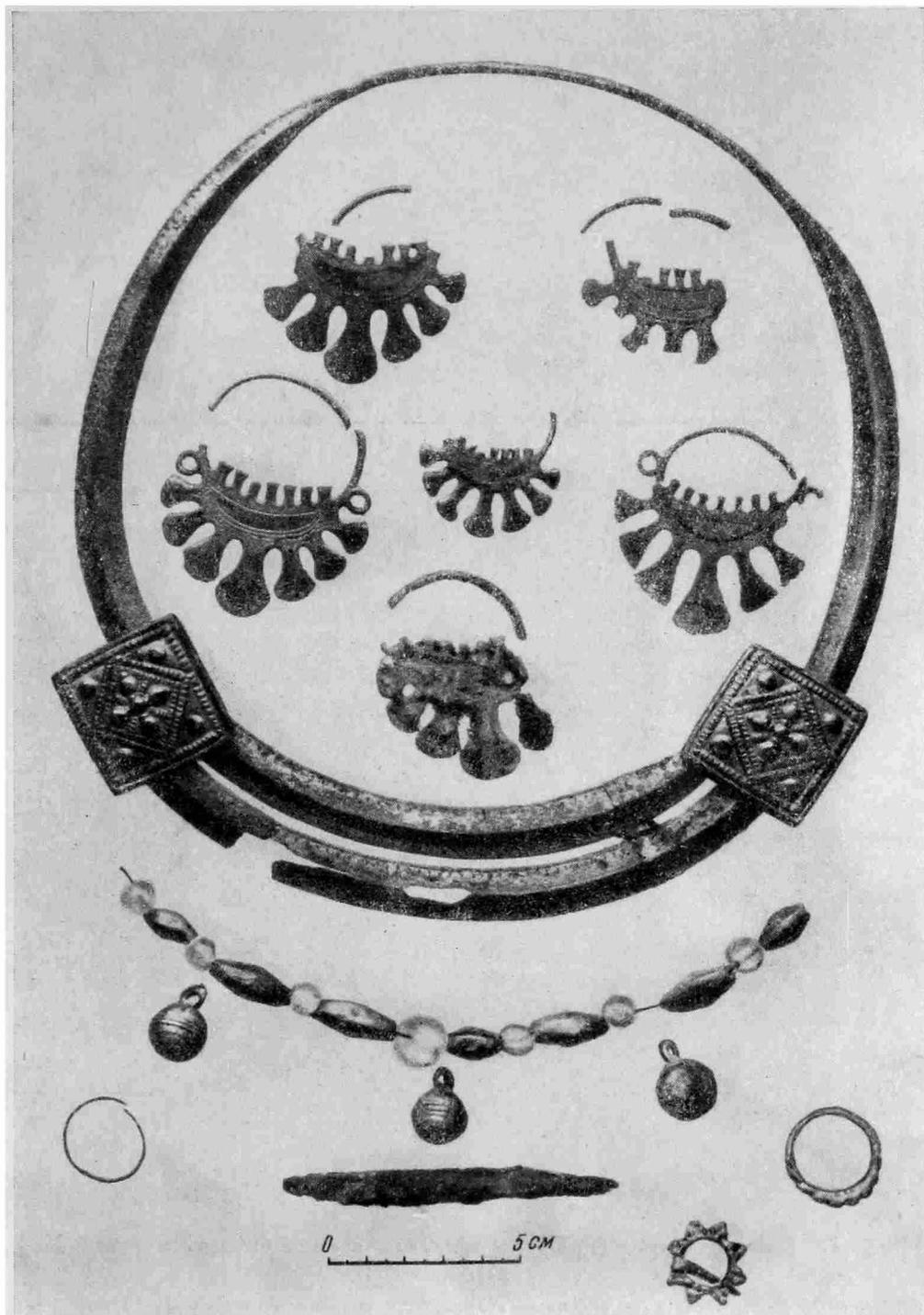

Рис. 46. Вещи из женского погребения кургана № 4 Саввинской курганной группы

кургана на глубине 1 м находилось вводное погребение А (рис. 47), в котором сохранились кости черепа и ног. Около черепа прослеживается стнившее дерево — следы гроба. На висках найдены по два семилопастных височных кольца (рис. 48, 1) и остатки волос, заплетенных в косы. На правом виске сохранились фрагменты тканей головного убора, обрывок ленты размером $4 \times 1,7$ см, сплетенной из шерстяных нитей шахматным узором

(рис. 48, 2). Нити двух цветов — коричневые и зеленовато-синие⁸. Подобные шерстяные ленты, входившие в состав головного убора вятической женщины, известны из кургана № 5 у д. Иславское Звенигородского

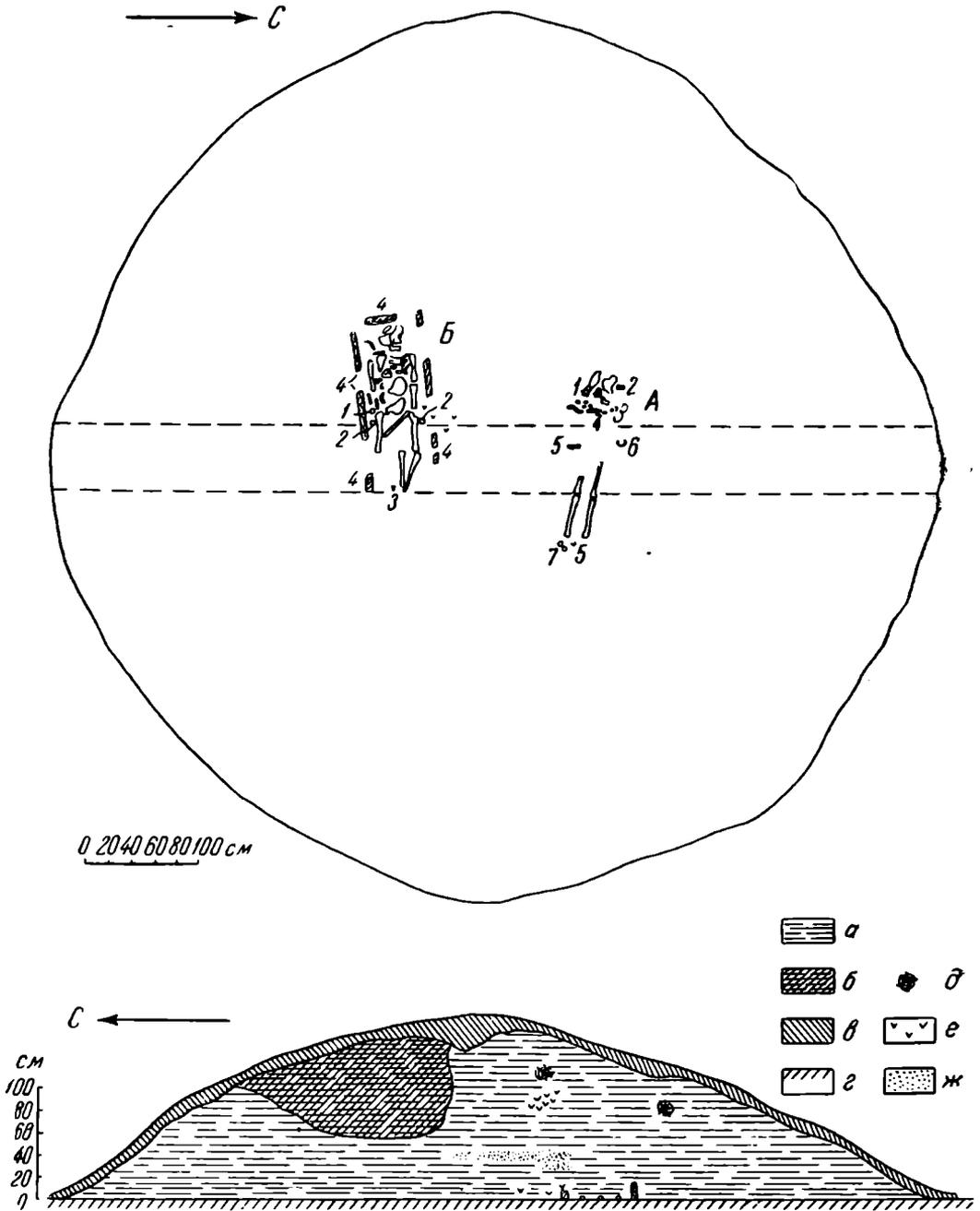

Рис. 47. План и разрез (профиль западной стенки бровки) кургана № 1 у д. Клопово:

А — погребение № 1 — женское: 1 — височные кольца; 2 — фрагменты ткани; 3 — бусы; 4 — подвески; 5 — перстни; 6 — браслет; 7 — фрагменты кожи. Б — погребение № 2 — мужское: 1 — плетяная пряжа; 2 — кольца; 3 — гвоздь; 4 — остатки гроба;
 а — глина; б — яма погребения № 1 (вводного); в — дерновый слой с перегноем; г — погребенная почва;
 д — корни деревьев; е — уголь; ж — песок

района⁹. Что собой представляет другая ткань, установить не удалось, так как сохранились только шерстяные нити утка или основы.

На шее обнаружено ожерелье из бус: девяти сердоликовых бипирамидальных, трех стеклянных зонных голубого цвета и одной хрустальной

⁸ Ткани реставрированы в ГИМ Е. С. Видоной.

⁹ ГИМ, инв. № 56112. Раскопки Л. А. Евтюховой 1924 года.

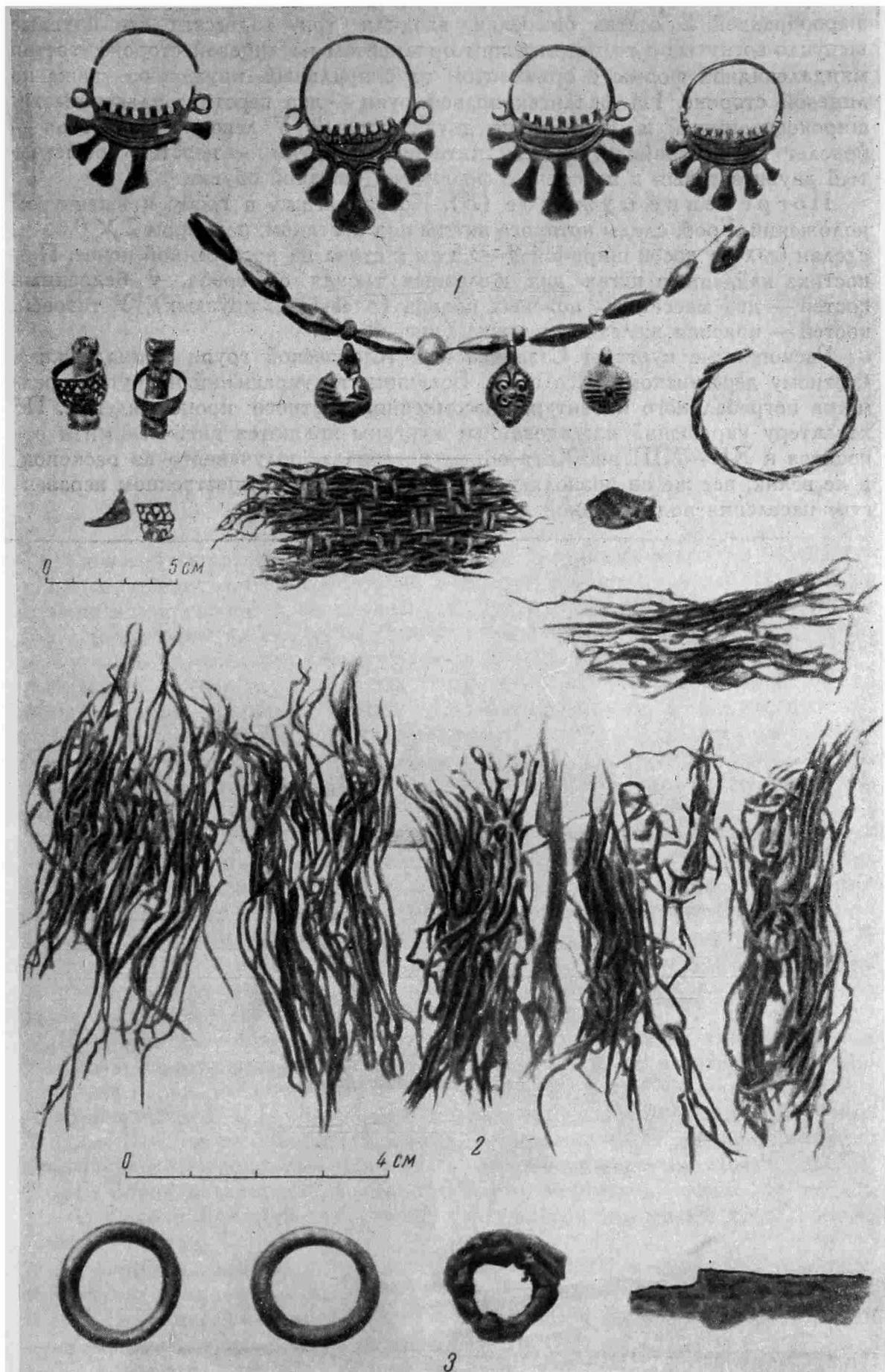

Рис. 48. Погребальный инвентарь кургана № 1 у д. Клопово
 1, 2 — из женского погребения А; 3 — из мужского погребения Б

шарообразной. В состав ожерелья входили три подвески: две круглые выпукло-вогнутые с геометрическим орнаментом на лицевой стороне, третья миндалевидной формы с орнаментом из спиральных кружочков также на лицевой стороне. На фалангах правой руки — два перстня: пластинчатый широкосрединный и решетчатый двузигзаговый. У левого предплечья — браслет витой тройной. Между пяточными костями — перстень решетчатый двузигзаговый и небольшие фрагменты кожаной обуви.

Погребение мужское (Б). Костяк лежал в гробу в вытянутом положении. Гроб, следы которого видны под костяком, размером $2 \times 0,65$ м, сделан был из досок шириной 3—3,5 см и стоял на погребенной почве. При костяке найдены в ногах два железных гвоздя от гроба, у бедренных костей — два массивных поясных кольца (в сечении круглых). У тазовых костей — поясная железная пряжка (рис. 48, 3).

Раскопанные курганы Саввинской и Клоповской групп принадлежали местному деревенскому населению. Большинство украшений и других предметов погребального инвентаря, несомненно, местного происхождения. По характеру украшений исследованные курганы являются вятическими и относятся к XII—XIII вв. Хотя объем материала, полученного из раскопок, и не велик, все же он позволяет сделать вывод об имущественном неравенстве населения подмосковной деревни этого времени.

III. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. А. РУМЯНЦЕВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИНТЕТИЧЕСКИХ СМОЛ ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПКАХ

Консервация археологического материала в полевых условиях — чрезвычайно ответственная, многообразная и крайне напряженная работа. Многие предметы при первом прикосновении к ним, а иногда и от резкого изменения температурно-влажного режима распадаются на мельчайшие куски и совершенно утрачивают значение для дальнейшего изучения.

Известно много случаев, когда вещи погибали безвозвратно, и не по причине неумелого или небрежного обращения с ними, а потому, что мы, к сожалению, не имели еще проверенных и вполне надежных средств фиксации раскопочного материала. Для этой цели археологи пользовались в полевых условиях лишь гипсом, парафином, воском, иногда желатиной и цапонлаками.

Благодаря огромным успехам советской химии высокомолекулярных соединений, изо дня в день углубляющей и обогащающей технологию консервации при археологических раскопках, мы имеем возможность применять новые синтетические смолы как при археологических работах, так и при реставрации и консервации музейных экспонатов.

В настоящей статье сделана попытка обобщить некоторые результаты работ в области реставрации и консервации синтетическими смолами с целью использования их для полевой археологии.

Проверка и применение синтетических смол проводятся автором статьи совместно с реставратором Д. И. Смирновой в Отделе реставрации и консервации Государственного Эрмитажа с 1946 г., когда член-корреспондент Академии Наук СССР проф. С. Н. Ушаков передал на испытание ряд смол. В дальнейшем к этой работе были привлечены заведующий лабораторией Института высокомолекулярных соединений Академии Наук СССР Э. Я. Барг и аспирант Технологического института имени Ленсовета Т. А. Кононова, которые в порядке содружества оказывают повседневную помощь.

Прежде чем говорить о новых способах закрепления в полевых условиях, необходимо упомянуть о недостатках старых методов, при которых употреблялись гипс, парафин, воск, иногда желатина и цапонлаки. Основными недостатками парафина и воска являются:

1) трудность работы с ними в полевых условиях. Парафин и воск при использовании их для пропитки требуют сильного подогрева, иначе, быстро застывая, они не проникают на более или менее значительную глубину, тем

самым ослабляя закрепление. Иногда пользуются парафином, растворенным в авиационном бензине, но это не всегда возможно и удобно;

2) неравномерность и хрупкость покровного слоя;

3) абсолютная непрозрачность;

4) трудности при последующих реставрационных работах (удаление парафина и воска и т. д.).

Все сказанное о воске и парафине почти целиком относится и к гипсу.

Работа с желатиной требует также подогревных ламп. Кроме того, желатина обладает большой набухаемостью и под влиянием бактерий поддается загниванию.

Положительными свойствами новых синтетических смол являются их легкорастворимость в летучих растворителях, бесцветность, повышенная влагоустойчивость, склеивающая способность, стойкость к микроорганизмам, безвредность для красок, химическая инертность, термостойкость и обратимость (в случаях надобности). Эти качества заставляют нас совершенно отказаться от парафина, гипса и воска и пользоваться при закреплении почвы, дерева, ткани, металла, кости, папирусов и тому подобного растворами синтетиков.

За четыре года нами проверено большое количество этих смол и их растворителей; некоторые из них были также использованы в Москве и в других городах Советского Союза для закрепления фресок.

Из синтетических смол, которые могут быть использованы для наших целей, можно назвать:

1) поливинилбутираль (ПВБ) — бутвар — твердое прозрачное вещество с удельным весом 1,11. Сопротивление разрыву: твердого — свыше 560 кг/см², гибкого — около 140—150 кг/см². Термостойкость около 130—140°C. Гибкость его сохраняется и при низких температурах. Поливинилбутираль растворяется в спиртах, сложных эфирах и диоксане. Поглощает воду в количестве 3—5% в течение 16 часов; 2) полибутилметакрилат (ПБМА): удельный вес 1,05. Сопротивление разрыву 70 кг/см². Коэффициент преломления 1,483. Температура размягчения 30°C. Растворители: ксилол, уайтспирт, бензол¹.

В зависимости от физико-механических качеств консервирующего состава, применяемого при работах по консервации и реставрации археологических памятников, наиболее целесообразно использование высокоэластичных, долговечных и безвредных синтетических смол, с соответствующими растворителями. Автор статьи в последнее время применяет главным образом раствор пластифицированного бутвара, хотя он и обладает меньшей термостойкостью, чем ПВБ.

Известно, что некоторые синтетические смолы, при отсутствии в них пластификатора, после испарения растворителя образуют сравнительно жесткие, а иногда твердые пленки, которые утрачивают свою эластичность, делают большую усадку и могут этим вызвать деформацию предмета. Растворы синтетических смол, в состав которых введены безвредные, обладающие незначительной летучестью пластификаторы, даже после испарения растворителя сохраняют на долгое время мягкую, эластичную пленку (как, например, пластифицированный бутвар).

Для раствора ПВБ и пластифицированного бутвара мы пользуемся растворителем, состоящим из 100 г спирта-ректификата и 100 г бензола.

Для археологических полевых работ могут быть использованы следующие синтетические смолы: ПВБ (поливинилбутираль), ПБМА (полибутилметакрилат) и поливиниловый спирт.

¹ Данные о ПВБ и ПБМА взяты из книги лауреата Сталинской премии В. В. Коршака «Химия высокомолекулярных соединений» (изд. АН СССР, 1950). В книге имеется богатейший материал по синтетическим высокомолекулярным смолам и огромный список литературы.

Поливиниловый спирт при испарении растворителя дает прозрачную пленку; удельный вес его 1,293; легко растворяется в воде и не растворяется в бензоле, спирте и других органических растворителях. Для изготовления пропитывающего раствора надо взять 5 весовых частей порошка поливинилового спирта, замочить его в 100 г воды и держать в этом состоянии 10—12 часов. После этого раствор нагревают в водяной ванне почти до кипения. Во время нагревания сосуд с раствором необходимо все время встряхивать.

Материалы и предметы, пропитанные и закрепленные поливиниловым спиртом, могут быть размягчены лишь теплой водой, что является крупным недостатком, так как не все предметы могут быть подвергнуты этой операции. Таким образом, поливиниловый спирт может быть использован в исключительных случаях для закрепления почвы и снятия оттисков, когда в распоряжении археолога нет ни ПВБ, ни ПБМ и соответствующих для них растворителей.

ПБМА (бутиловый эфир метакриловой кислоты) используется в качестве защитного лака для покрытия картин. Проведенные опыты подтверждают, что ПБМА обладает повышенной по сравнению с ПВБ эластичностью, а потому, по нашему мнению, он не может быть широко рекомендован для целей фиксации и консервации при археологических раскопках.

Растворы смол и клеев: ПВА (поливинилацетат) как быстро стареющий и отщепляющий уксусную кислоту; ПММА (полиметилметакрилат, органическое стекло) из-за его плохой растворимости в легкодоступных и безвредных растворителях; БФ, состоящий из 85 частей полибутираля, 30 частей бакелитового спиртового лака и 765 частей этилового спирта, и ряд других, не отвечающих требованиям,— не должны быть применяемы в настоящее время для целей полевой археологии, реставрации и консервации.

Практическому использованию синтетических смол для реставрации и консервации предшествовали опыты над различными моделями и макетами. Были изготовлены и проверены пленки различных синтетических смол для выявления степени их эластичности и жесткости. Проводились наблюдения над усадкой после испарения растворителей, а также проверялись и сами растворители.

Первые опыты проводились для выявления способности растворов смол пропитывать и закреплять кость, дерево, лёсс, песок, мраморную крошку и металл. Выявлялась безвредность и определялась глубина проникновения растворов. Были изготовлены открытые коробки из бумаги размером $5 \times 5 \times 1$ см, в которые засыпался сухой и влажный песок, мраморная крошка и т. п. Изготавливались также кубики из глины; пропитывалось дерево различных пород и разного состояния; покрывались растворами изделия из бронзы, железа и т. д.

Песок для опытной пропитки использовался различный по величине и форме зерна и по составу: кварцевый, доломитовый, известковый, нефелиновый и шпатовый. Размеры зерна колебались в пределах 0,05—2 мм. Механическая прочность модели после пропитки резко увеличивалась и зависела главным образом не от минералогического состава и размеров зерна, а от концентрации раствора и числа повторных пропиток.

При поверхностной пропитке моделей путем пульверизации или поливкой с кисточки глубина пропитки не превышала 3—4 мм. Расход раствора на закрепление модели указанных выше размеров составлял около 15—20 г. Позже был произведен срез земли, размером 50×50 см, пропитанный раствором ПВБ со всеми мелкими предметами, находившимися на поверхности. Для глубинной пропитки использовался медицинский шприц. Количество раствора меняется в зависимости от коэффициента пористости и уплотненности песка, глины, земли, дерева. Процесс пропитки смолой песка проис-

ходит гораздо быстрее, чем пропитка глины. Увлажненные пески, лёсс, мраморная крошка пропитывались лучше сухих.

Глина использовалась крупно- и мелкозернистая. В зависимости от соотношения, содержания и разнообразия силикатов и величины частиц, присутствия коллоидальных частиц и органических примесей менялись быстрота всасывания раствора и число повторных пропиток.

Лучшие результаты по глубине пропитки получались при задержке процесса испарения растворителя. Это достигалось в том случае, если любой предмет или макет помещался на решетку эксикатора, на дне которого находился раствор спирта-бензола.

После предварительной проверки действия ПВБ, ПБМА, поливинилового спирта и их растворителей на краски можно предположить, что пигменты минерального происхождения, кроме закрепления, никакому внешнему изменению не подвергаются. Для окончательного выяснения действия синтетиков и их растворов на некоторые пигменты органического состава, как естественного, так и искусственного происхождения, в связи с наблюдающимися изменениями некоторых из них, следует произвести тщательную проверку в специальных лабораториях. Необходимо составить соответствующую таблицу действия синтетических смол и растворителей на различные красители.

Позднее подверглись пропитке и закреплению при реставрационных работах: терракота, плиты из песчаников, большая античная и восточная мраморная скульптура, алтайская деревянная повозка из раскопок С. И. Руденко, кость, бусы, различные предметы из дерева, заделка папируса между листами пластифицированного бутвара, покрытие бронзы и железа и т. п.

Основная задача консервации в полевых условиях состоит не в длительном закреплении исторических памятников для изучения их и экспонирования, а во временном, мгновенном и вполне надежном закреплении находок для выемки их из земли, безопасной отправки в реставрационные лаборатории-мастерские, где они должны быть подвергнуты очистке, дезинфекции и окончательному закреплению.

Очень часто археологу приходится прибегать к выемке почвы с остатками сильно разрушенных предметов из дерева, кости, ткани, металла, войлока или бус, сохранивших правильное расположение, но утративших связь. Встречается необходимость зафиксировать отпечатки (оттиски) от разрушенных предметов. В этих случаях предлагаемые смолы дают возможность легко и быстро произвести поверхностную пропитку почвы (сухой и сырой) со всеми предметами, находящимися на ней, а по истечении некоторого времени произвести срез почвы со всем содержимым.

Пропитка археологических находок растворами синтетиков изменяет их физические свойства и ведет к увеличению механической прочности, влагоустойчивости, химической стойкости, пластичности с сохранением внешнего вида и цвета.

Особо важное значение имеет то обстоятельство, что археолог теперь обладает возможностью, закрепив определенный участок почвы с имеющимся оттиском (отпечатком), вырезать его и сохранить как подлинный, документальный, приобщив к общему раскопочному материалу. Этот же закрепленный оттиск (отпечаток) может быть использован для изготовления копий из гипса, воска и др.

Задача археолога — после вскрытия культурного слоя немедленно пропитать, закрепить обнаруженные предметы, а иногда зафиксировать общее расположение отдельных деталей. Весьма важно произвести предварительное закрепление ткани с украшениями из бус или металла. Ткань может еще обладать некоторой прочностью, но нитки, на которых были нанизаны бусы и металлические украшения, могут перегнуть. Необходимо закрепить

всю ткань, иначе украшения беспорядочно рассыплются и утратят всякое значение как рисунок.

По нашему мнению, археологические памятники (свитки, папирусы, фрески, клинописные таблетки, кожа, ткань и т. п.) при раскопках, в зависимости от их состояния, должны подвергаться закреплению без предварительной физической очистки от загрязнений. Исключительно быстрое и эффективное действие растворителя позволяет легко и без ущерба для вещи производить ее очистку в лабораторных условиях.

Самой трудной и ответственной считается реставрация папируса. Но это только кажущаяся трудность. В настоящее время при находке папирусов археолог и специалист по консервации должны немедленно пропитать их целиком в том виде, в каком они обнаружены; разворачивать папирусы с последующим закреплением можно лишь в лаборатории, руками специалиста-реставратора. При поспешной обработке в полевых условиях папирусы могут распасться на мелкие части и даже совсем погибнуть.

В поле для закрепления археологических памятников следует пользоваться 2—3-процентным раствором смол.

При закреплении почвы для проведения среза или сохранения отпечатков (оттисков) можно использовать более сильную концентрацию. Пропитку, в зависимости от структуры, плотности и состояния предмета и концентрации раствора, следует повторить от 5—6 до 8—10 раз.

Необходимо учитывать, что слабые растворы смол (0,5—1-процентные) имеют значительное преимущество, так как они легче и глубже проникают в материал (в кость, дерево, фреску и т. п.).

При работе встречается необходимость между повторными пропитками вводить один растворитель, который будет способствовать проникновению смолы.

Появление на поверхности предмета блеска и пленки при закреплении указывает на необходимость остановить дальнейшую пропитку. Излишний блеск и поверхностную пленку можно легко удалить растворителем. Закрепленный предмет, тщательно изолировав его от действия пыли, оставляют в покое до момента полного испарения растворителя. Процесс испарения растворителя, в зависимости от условий, протекает от нескольких минут до 3—4 часов.

Пропитку земли можно производить из лейки, пульверизатора или путем разбрызгивания раствора кистью.

Археологические памятники следует закреплять при помощи пульверизатора, шприца или мягкой (колонковой) кисти.

Следует иметь в виду, что энергичное испарение растворителя вызывает иногда помутнение пленки. Это происходит вследствие охлаждения и конденсации влаги.

Повторные пропитки следует производить лишь после полного испарения растворителя.

Для закрепления и выемки хрупких, глубоколежащих в земле предметов следует использовать шприц с длинной иглой. Это дает археологу возможность закрепить раствором предмет вместе с землей и безопасно вынуть его. После выемки любого предмета его необходимо обработать (опрыскать) раствором со всех сторон.

Для экономии раствора при пропитке предмета, подлежащего выемке вместе с землей, можно использовать жестяные формы (полоса жести шириной 4—5 см), которые врезаются вокруг на глубину до 2 см. При этих условиях раствор не будет растекаться в стороны и не закрепит ненужную землю.

При необходимости изъятия какой-либо детали со срезанного и закрепленного куска почвы (например, бус, кости и т. п.) достаточно накапать 2—3 капли растворителя на требуемую деталь, и она будет легко освобождена.

После соответствующей очистки предмет может быть возвращен на свое место и вновь закреплен 2—3 каплями раствора.

Пластифицированный бутвар в изделиях (пленка) перед использованием для раствора следует промыть в горячей воде, чтобы удалить соду, имеющуюся на поверхности пленки. Растворитель к нему состоит из 50% спирта-ректификата и 50% бензола. Растворители должны быть всегда химически чистыми. При неправильном их соединении в сосуде иногда наблюдается помутнение, которое устраняется добавлением спирта-ректификата.

При работе 2—3-процентным раствором расход его на 1 м² ориентировочно равен 800—1000 г. Для пропитки почвы, дерева, кости можно добавлять на 100 г раствора 0,2—0,3 г ПВА (поливинилацетата). Растворы смол и растворители надлежит хранить в прохладном месте, в плотно закупоренных бутылках, вне опасности от огня.

Необходимо иметь в виду, что предлагаемые к использованию в полевой археологии для реставрации и консервации памятников синтетические смолы, в связи с возрастающими успехами советской химии высокомолекулярных соединений, могут быть заменены и другими. Выбор смол, очевидно, должен находиться в зависимости от объекта пропитки и конкретных заданий. Однако эта зависимость не настолько велика, как это может показаться при поверхностном разборе вопроса. Использованию новых смол и их растворителей должны всегда предшествовать соответствующие испытания и проверка этих смол и растворителей.

Ясно, что успех использования синтетических смол в полевых условиях для всех вышеуказанных целей может быть достигнут только лишь при условии правильного выбора синтетиков и соответствующих приемов в работе.

А. В. КИРЬЯНОВ

ПРИМЕНЕНИЕ РАЗЪЕМНЫХ ГИПСОВЫХ ФОРМ ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПКАХ

Вопросы реставрационной полевой археологической практики, связанные с извлечением из земли плохо сохранившихся древних предметов (кость, дерево, кожа, железо, бронза и т. д.), которые не могут быть взяты обычным способом без риска разрушения, уже давно привлекают внимание советских археологов и реставраторов. Археологическая полевая практика в этом случае шла по двум путям — извлечения предметов вместе с окружающей землей и закрепления находок при помощи естественных смол, воска, парафина, желатины и т. п.

Все приемы, основанные на закреплении предметов в почве расплавленным воском, парафином, спиртовыми растворами шеллака, почти не давали благоприятных результатов, осложняя, кроме того, последующую обработку вещи в лаборатории (в особенности при применении парафина и воска).

Наиболее простым способом, не утратившим своего значения в археологической практике до наших дней, является так называемая вырезка предметов вместе с землей, дающая особенно благоприятные результаты при извлечении находок небольших размеров из почвы значительной плотности. Известно немало примеров, когда при применении способа вырезки сохранялись ценные археологические материалы (В. А. Городцов). Но этот способ громоздок, особенно при подъеме больших предметов, когда для предохранения их от разрушения приходится брать толстый слой земли, что связано с большими неудобствами при транспортировке и возможностью случайной гибели почвенного монолита. На песчаных, мало связанных почвах этот способ вообще не применим.

Несколько видоизмененный, усовершенствованный способ «вырезки» в виде разъемных деревянных ящичков предложен М. В. Фармаковским 20—25 лет назад. Предмет вместе с окружающей землей при помощи соответствующих технических приемов помещают в деревянный ящик, обеспечивающий полную сохранность при транспортировке. Но и этот прием фиксации находок при раскопках громоздок и сложен, требует наличия досок и не всегда применим в полевых условиях.

М. М. Герасимов предложил довольно оригинальный и вместе с тем простой способ извлечения из земли вещей путем заливки расплавленным воском с предварительной изоляцией их несколькими слоями бумаги и армированием воска деревянными палочками, проволокой и пр. Предмет сохранял в восковой форме свое первоначальное положение. Этим способом М. М. Герасимовым с большим успехом взято много ценных распав-

шихся предметов на кости, восстановленных затем в лабораторных условиях. Таким образом, реставрационные работы и практика фиксации рассыпающихся предметов шли в основном по пути применения жестких армированных систем, обеспечивающих полную сохранность собранных материалов.

Камеральной лабораторией ИИМК был предложен и введен в практику полевой археологии прием фиксации разрушенных рассыпающихся находок в разъемных гипсовых формах. Сущность этого приема сводится к следующему: обнаруженный при раскопках предмет предварительно расчищают до появления полного его очертания и размеров. Расчистка производится не на всю глубину залегания вещи, а только верхней ее части, проходящей примерно по оси симметрии. Нет необходимости производить тщательную расчистку от земли и иных наслоений, так как окончательная обработка производится в спокойной лабораторной обстановке. Рядом с предметом, по всей его периферии, расчищают также и землю в виде горизонтальной площадки, совпадающей с осью симметрии найденной вещи. Хорошо выровненная площадка после заливания предмета гипсом служит краями-бортиками разъемной гипсовой формы, поэтому ширина ее намечается в зависимости от величины объекта. Затем на него накладывают небольшими кусочками слой мягкой увлажненной бумаги, мелкие кусочки которой хорошо облегают весь рельеф. На первый слой накладывают таким же образом второй. Рядом на расчищенную площадку также накладывают в один-два слоя увлажненную бумагу, во избежание прилипания земли к гипсу. Затем разводят в воде соответствующее количество гипса, который наносят на предмет, а также и на площадку по всей линии предмета, от величины веса и очертаний которого зависит толщина наносимого слоя гипса. При очень больших размерах предмета, превышающих 40—50 см, для повышения механической прочности гипс необходимо армировать (укреплять). Для этого после наложения тонкого слоя гипса укладывают по всей длине каркас в виде железной проволоки, железных пластин, а в случае отсутствия железа — деревянных планок или прутьев. При длине в 50—70 см для получения высокой прочности достаточно наложить 2—3 куска проволоки по всей длине гипсовой формы. Такое армирование железом или деревом позволяет делать гипсовые формы значительно меньшей толщины, уменьшая тем самым их вес, что имеет большое значение при транспортировке. После того как гипс затвердеет, его немного зачищают при помощи ножа для выравнивания поверхности формы. Чтобы сделать другую половину, необходимо форму вместе с находкой перевернуть, слегка расчистить предмет и, наложив бумагу, залить гипсом. Цель оборачивания формы заключается в том, чтобы перевернуть ее вместе с окружающей землей во избежание разрушения предмета. Этот ответственный прием, от которого зависит сохранность вещи, производится следующим образом: если объект незначительных размеров, то при помощи лопат гипсовую форму вместе с землей и находкой очень осторожно переворачивают на обратную сторону. При значительных размерах предмета производят выбирание земли из-под формы предмета, но с таким расчетом, чтобы его не затронуть. После удаления земли подводят доски, железные листы или лопату и гипсовую форму вместе с заключенной в нее находкой переворачивают.

После производства этой операции предмет расчищают таким же образом, как и в первоначальном случае. Края гипсовой формы освобождают от приставшей бумаги и зачищают при помощи ножа для придания им ровной поверхности. На расчищенных бортиках вырезают небольшие углубления («зажимы»), чтобы обе половинки формы не смещались. Вся цель разъемных гипсовых форм заключается в том, чтобы обе половинки совершенно свободно снимались, не затрагивая предмета, что совершенно необходимо при последующих реставрационных работах.

Это обстоятельство надо учитывать перед изготовлением второй половины гипсовой формы. При заготовке первой половины может оказаться, что предмет загипсован ниже его оси симметрии; в этом случае бортики формы необходимо срезать, чтобы линия среза совпала с осью симметрии. Наоборот, если при загипсовке ось симметрии находится выше бортиков, то на них надо наложить гипс, чтобы выровненная линия совпала с осью симметрии. Это особенно важно при извлечении из земли находок, имеющих округлые формы, например бивней мамонта, черепов и т. п. Только после проверки правильности положения вещи можно приступить к изготовлению второй половины формы. На расчищенный предмет таким же образом, как и в первом случае, небольшими кусочками накладывают увлажненную бумагу в два-три слоя. На бортик формы кладут слой влажной бумаги, которая служит линией разъединения двух половинок. Затем, как и при изготовлении первой половины, накладывают слой гипса, после чего гипсовая форма, с заключенным в нее предметом, который можно рассматривать с двух сторон, если снять одну из половинок, — готова. Этот способ фиксации применим для всех без исключения археологических находок самых разнообразных размеров, веса и формы, сухих и предельно насыщенных влагой. Незначительное расширение гипса при схватывании удерживает очень плотно заключенный внутри формы объект и исключает всякую возможность повреждения его при транспортировке. Описанный способ фиксации в настоящее время широко внедряется в археологическую полевую практику. При раскопках Авдеевской стоянки в 1948 г. все находки костей и бивней мамонта были удачно извлечены подобным путем и затем восстановлены в Музее антропологии Московского государственного университета.

В 1950 г. этот способ, с некоторыми изменениями, был применен в Хорезмской археологической экспедиции и показал себя с самой хорошей стороны. И, наконец, во всей широте возможностей он был применен при раскопках Старой Нисы для извлечения из почвы ритонов парфянских царей. В короткий срок вынута из почвы 27 ритонов и 8 точеных изделий из бивней слона, находившихся в состоянии крайнего разрушения. Почти все ритоны удачно восстановлены.

Влажные предметы (кость, бивни мамонта, дерево) после многовекового пребывания в почве при высушивании на воздухе претерпевают большие физические изменения, следствием чего являются растрескивание, осыпаемость и деформация. Замедленное высушивание в гипсовых формах способствует более безболезненному переводу из одного режима в другой, в результате чего уменьшается возможность разрушения и деформации предмета. Это одна из положительных сторон фиксации в гипсовых формах. Кроме того, этот способ очень упрощает и облегчает последующую реставрацию и восстановление, которые производятся после высыхания в гипсовой форме. Все операции, связанные с реставрацией, производятся в форме последовательно с каждой стороны объекта. После окончания работ находку вынимают из формы.

Необходимо отметить простоту и дешевизну этого способа фиксации. Для применения его необходимо элементарное знание работы с гипсом, чем владеет почти каждый археолог. Единственным недостатком является значительный вес гипсовых форм, но при современных транспортных средствах, какими располагают в настоящее время археологические экспедиции, это не представляет затруднений.

Применяется также способ фиксации предметов синтетическими смолами. Этот способ связан с заливкой растворами смол (что не всегда возможно и выполнимо) и имеет ограниченное применение. Он пригоден лишь для эластичных объектов (тканей, кожи и т. п.), а также для закрепления мелких находок вместе с окружающей землей. Для извлечения больших

предметов (бивней мамонта, деревянных кадей при раскопках древнерусских городов и т. д.) этот способ совершенно не применим. Кроме того, он усложняет последующую реставрацию, так как связан с растворением смолы. Следует заметить, что закрепление предмета и все операции, связанные с его реставрацией, должны производиться только один раз. Это особенно необходимо в отношении уникальных вещей. Всякие повторные операции — растворение смол, вторичные закрепления и склейка — не желательны. Они могут вызвать изменение предмета, а кроме того, осложняют и удорожают работу.

Работа лаборатории ИИМК в настоящее время идет по пути усовершенствования и упрощения техники приемов фиксации археологических предметов в жестких формах с ограниченным применением в отдельных случаях синтетических смол для окончательной фиксации эластичных объектов.

Реставрационная полевая практика последнего пятилетия показала жизненность и необходимость применения гипсовых форм для фиксации разрушившихся предметов при археологических раскопках.

IV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

С. А. СЕМЕНОВ

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ДРЕВНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ
СТОЯНОК КИЙК-КОБА И КОШ-КОБА

В январе 1947 г. автором этого сообщения были просмотрены остеологические материалы из палеолитических стоянок, поступившие в Институт зоологии Академии Наук СССР в различное время. При знакомстве с материалами Г. А. Бонч-Осмоловского из мустьерских стоянок Кийк-Коба и Кош-Коба наше внимание привлекли костные остатки, которые, безусловно, носили на себе следы человеческого труда. Обломок дистального отдела голени дикой лошади из грота Кийк-Коба особенно выделяется среди других аналогичных костей. Известно, что трубчатые кости из Кийк-Коба, как правило, расколоты в целях извлечения костного мозга. Диафизы таких костей всегда раздроблены, а целыми остаются только головки (эпифизы). Экземпляр, отмеченный нами, сохранил часть диафиза в форме шилообразного острия, конец которого обломан (рис. 49, 1).

О том, что этот предмет был в употреблении, т. е. служил орудием, свидетельствует не столько форма, сколько поверхность кости острия и остальной кромки расколотого диафиза. Шилообразная форма могла получиться при раскалывании случайно. Что же касается поверхности кости, особенно на участках разлома, то здесь видны явные следы подправки, характерные для строгания кремнем, и заглаженность от употребления. Обычная для кости шероховатость в разломе отсутствует. Не остается сомнений, что кость служила орудием, преднамеренно изготовленным и находившимся в работе. Отсутствующий конец оказался среди материалов Археологического отдела Института этнографии Академии Наук СССР¹. По структуре кости и заглаженности обломанный конец орудия и его основа совершенно одинаковы. Одинаковой оказалась и толщина их на месте разлома. Но конец не совсем совпадал с основой в стыке торцов. Повидимому, орудие было сломано в процессе раскопок ударом лопаты, и какая-то незначительная промежуточная часть оказалась потерянной (рис. 49, 2).

Назначение этого остроконечного орудия не совсем ясно в условиях жизни неандертальского человека, о костяных орудиях которого мы знаем так мало. Равномерная заглаженность рабочей части указывает на мягкий и пластичный объект, который, очевидно, прокалывался орудием. Не исключена возможность, что таким объектом была кожа крупных животных.

¹ Опубликован Г. А. Бонч-Осмоловским в работе «Грот Кийк-Коба». В кн.: «Палеолит Крыма», вып. I, 1940, стр. 116, табл. XVIII, рис. 1.

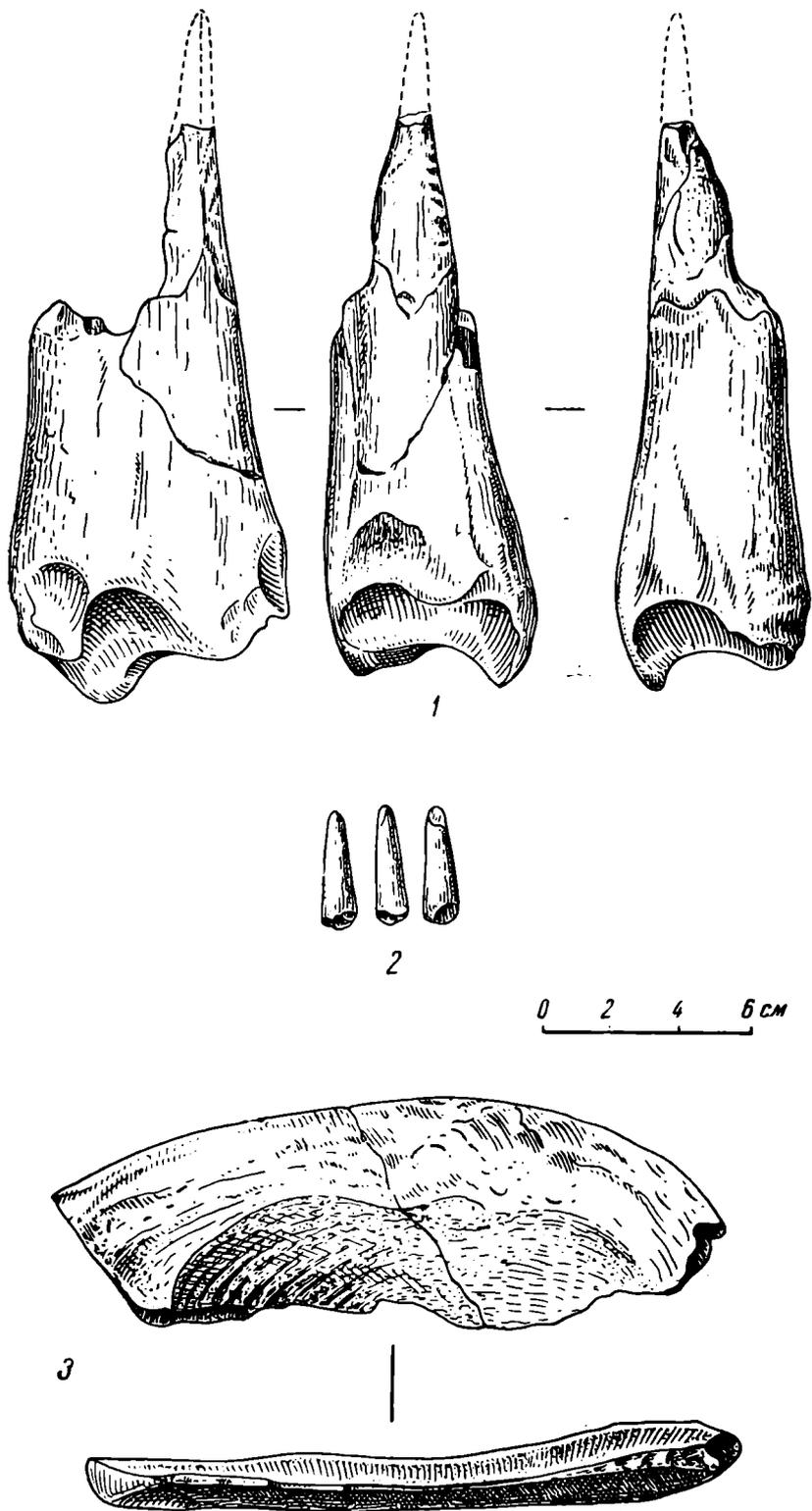

Рис. 49. Костяные орудия из грота Кийк-Коба:

1 — орудие из голени дикой лошади; 2 — рабочий конец (острие) того же орудия; 3 — фрагмент левой ветви нижней челюсти дикой лошади со следами обработки и употребления

Вторым предметом, выделявшимся среди исследуемого материала, был фрагмент костяной чашечки, изготовленной из левой ветви нижней челюсти дикой лошади или дикого осла (рис. 49, 3). По утолщенному краю (ободку) установлены следы обработки каменным орудием, которым были нанесены срезы волнистой формы, с явным намерением выровнять края, придать предмету желаемую форму. Сохранились следы его использования в качестве ступки для растирания, резко выраженные на вогнутой стороне, где стерт поверхностный слой костной ткани, а промежуточная губчатая масса протерта насквозь до нижнего компактного слоя. Частично в левой стороне впадины видны линии круговращательного движения. Что растиралось — сказать пока трудно. Следов краски не обнаружено. Обе находки — из четвертого слоя грота Кийк-Коба.

Ниже приведены предметы со следами их использования неандертальским человеком, обнаруженные среди материалов грота Кош-Коба. По характеру следов их можно объединить в одну группу, показывающую широкое применение определенного рода технических приспособлений.

Наибольший интерес представляет промежуточная кость левой стопы мамонта (*os intermedium dextra*). Сочленовая площадка этой кости вся покрыта следами двоякого рода. Первые из них — углубления на поверхности кости, отличающиеся угловатой структурой, резкостью и глубиной (рис. 50, 1). Эти четко выраженные вмятины не могли быть получены в результате беспорядочных ударов одним угловатым камнем, так как расположение углов вмятин на поверхности весьма разнообразно, размеры и конфигурация их также отличаются в каждом отдельном случае. Анализ дает полное основание считать, что вмятины нанесены не в результате непосредственных ударов, а некоторым промежуточным предметом, каким мог быть только нуклеус, подвергавшийся обработке ударной техникой. Это же предположение подтверждается известными нам типами мустьерских нуклеусов пирамидальной формы и приемами работы над ними. Таким образом, первый род углублений на *os intermedium* позволяет видеть в находке костяную «наковальню» или подкладку, служащую для упора нуклеуса, весьма удобную для этой цели благодаря седловидной форме.

Второй род следов на той же кости подтверждает сделанный вывод, одновременно раскрывая перед нами дополнительную функцию костяного приспособления в производственной практике неандертальского человека.

По правому краю *os intermedium* расположены параллельные узкие и продолговатые углубления, которые кажутся рядом борозд, прочерченных в одном направлении. Однако тщательный анализ показывает, что эти бороздки не являются следами резания или царапания. Пластилиновые позитивы, оттиснутые с них, дают зубчатое строение предмета, устанавливаемого на кость, что возможно только в результате сильного нажима или удара, одновременного по всей длине борозды. Предметами, способными оставить подобные следы, могли быть только грубо ретушированные лезвия кремневых пластин мустьерского типа, в частности скребков или остроконечников. Оттиски последних на пластине дают бороздки, аналогичные обнаруженным на кости.

Итак, в *os intermedium* из Кош-Коба мы усматриваем «наковальню» двоякого производственного назначения: для скалывания с нуклеуса пластин и для их оформления приемами ударной ретуши.

Повидимому, крымский неандертальский человек систематически пользовался костями стоп мамонта в качестве «наковален» для обработки каменных орудий. Чаще всего эти кости он приспособлял только для одного вида работы — для ретуширования. Это наблюдается еще на двух примерах. В одном случае (рис. 50, 2) обнаружена карпальная кость, обрубленная почти со всех сторон и принявшая форму неправильного четырехугольника; сочленовая площадка по краям покрыта бороздками второго рода. Эти

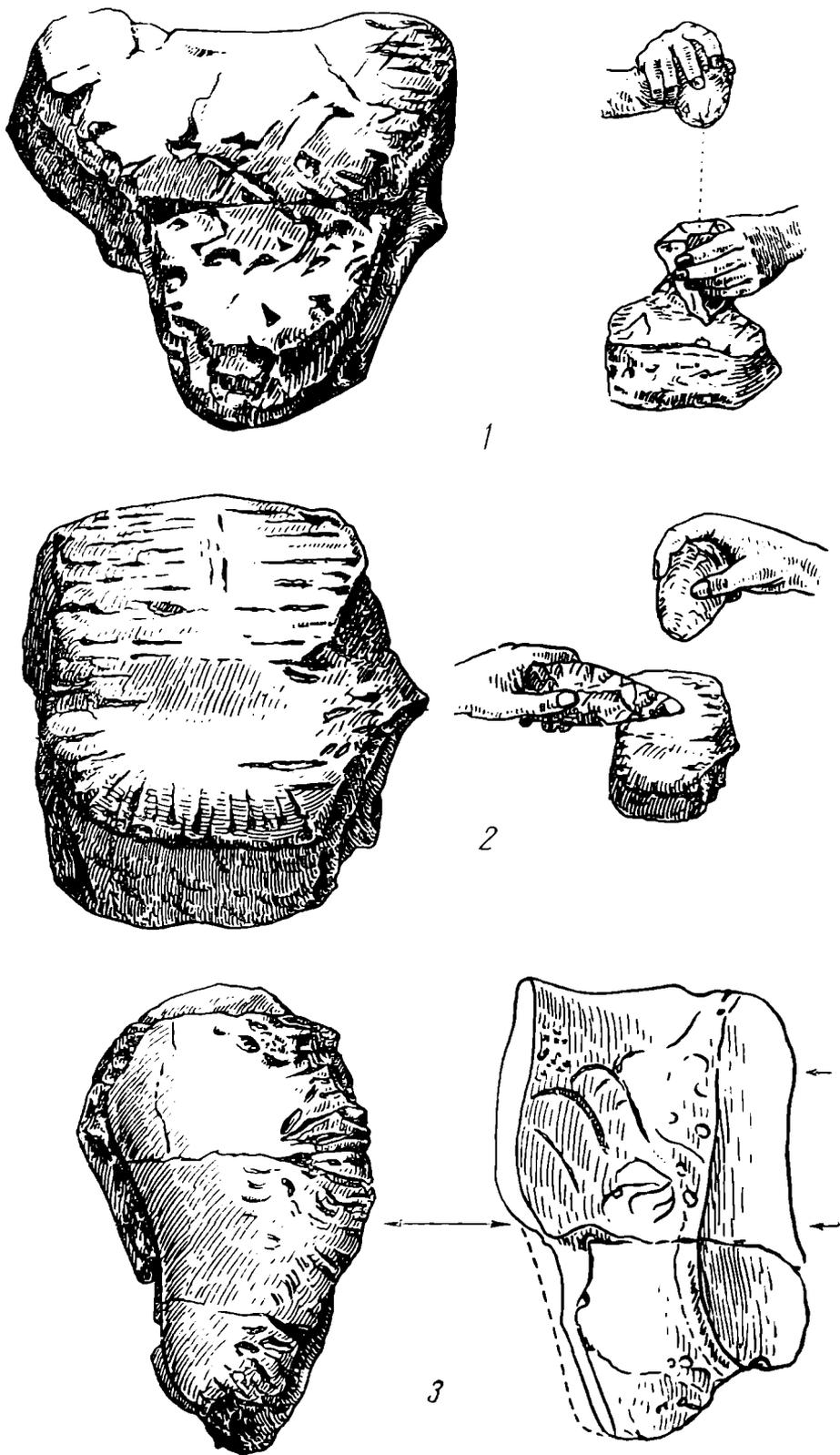

Рис. 50. Костяные орудия из грота Кош-Коба:

1 — промежуточная кость из левой кисти мамонта; 2 — карпальная кость мамонта со следами использования в качестве „наковален“, 3 — ульнарная кость мамонта со следами работы

бороздки-насечки расположены параллельными рядами, позволяющими судить о приемах установки обрабатываемого орудия — на ребре. Глубина борозд увеличивается к периферии и сходит на нет к центру кости. Такой характер следов наводит на мысль, что перед нами «наковальня» для оформления остроконечников.

В другом случае взята одна из фаланг стопы (ульнарная кость). Но насечки, расположенные на ее высоком крае, несколько иного вида. Наблюдается прерывистость, нет строгой параллельности расположения и усиления глубины к периферии (рис. 50, 3). Возможно, что на этой кости велась обработка орудия иного типа.

Использование каменных наковален пока не установлено в инвентаре мустьерского времени. На наш взгляд, кость имела перед камнем преимущество, в особенности при обработке ударной ретушью, так как упругая костяная подкладка не давала контрудара и тем самым избегалась возможность образования случайных и нежелательных фасов, выщербин на орудиях со стороны наковальни.

Костяных орудий мустьерского времени обнаружено очень мало. Среди материалов, открытых на территории Советского Союза, мустьерские костяные орудия почти не выделены. Исключение представляют два обломка от неизвестных орудий из грота Чочурча, один из стоянки Ильской, а также фрагменты трубчатых костей со следами использования их в качестве ретушеров².

Нет сомнений, что использование кости в мустьерскую эпоху было гораздо более широким, нежели об этом свидетельствовали археологи, руководствуясь типологическим отбором.

Изучение следов работы на костяном материале мустьерского времени, безусловно, обогатит наши знания об этой эпохе.

---

² Интерпретация нарезок на фрагментах трубчатых костей из Кийк-Кобы как следов использования этих фрагментов в качестве ретушеров впервые сделана Г. А. Бонч-Осмоловским и является его заслугой.

Ю. В. КУХАРЕНКО

КЛАД ИЗ СЕЛА ТУРИИ

В фондах Черкасского краеведческого музея (Киевская обл.) хранятся два серебряных кольца и большая янтарная бусина¹. Это все, что уцелело от весьма интересного клада, найденного в мае 1929 г. возле с. Турии Златопольского района Киевской обл.

Упоминания об этом кладе имеются в рукописной работе С. В. Коршенко². Автор при описании состава клада и обстоятельств находки ссылается на заметки С. Гамченко, побывавшего в том же 1929 г. на месте и видевшего найденные вещи лично. Сам С. В. Коршенко также видел клад, но значительно позже, уже в Черкасском краеведческом музее. Тогда же он сфотографировал все вещи из клада. Негатив, к счастью, сохранился и в настоящее время находится в фондах Киевского Исторического музея. На основании этих материалов и составлена настоящая заметка.

Клад найден случайно. Крестьянка хут. Гунивцы (возле с. Турин) А. Г. Брюханова во время посадок на огороде задела цапкой небольшой глиняный горшок. Горшок при этом разбился, и из него высыпались различные вещи: кольца, бусы, завернутые в тряпочку, пряжка, костяные подвески, серебряные монеты и пр.

Все вещи переданы А. Г. Брюхановой на хранение в Златопольское районное отделение связи по квитанции № 9, в которой были указаны следующие вещи: монеты римские, серебряные — 48; кольца серебряные (одно поломанное) — 7; пряжка бронзовая — 1; кольцо бронзовое малое — 1; стюльгама серебряная — 1; костяные четырехгранные пирамидки (одна сломана) — 2 и различные бусы: янтарные круглые — 13, такие же, но половинки — 1, коралловые — 10, янтарные прямоугольные — 5, стеклянные — 6 и пастовые — 4.

С. Гамченко осмотрел место находки и прилегающие к нему участки.

На огороде были обнаружены фрагменты глиняных сосудов двух типов — «серые местные и блестящие римские» и небольшие куски пережженной глины с отпечатками прутьев. Остатков горшка, в котором был найден клад, собрать не удалось.

На соседнем огороде (усадыба Н. Носаченко) обнаружено много кусков пережженной глины с отпечатками деревянных конструкций, фрагменты глиняных сосудов «местных и римских».

¹ Инв. 262—263 — кольца, 251 — бусина.

² С. В. Коршенко. Материалы для составления археологической карты распространения культуры полей погребений на территории УССР. Архив Института археологии АН УССР, ф. 12, д. 49, стр. 53—54.

Монеты из клада определены С. В. Коршенко. Всего было 48 денариев³, в том числе: Веспасиана (69—79 гг.) — одна; Траяна (98—117 гг.) — одна; Адриана (117—138 гг.) — семь; Элия Вера (135—138 гг.) — одна; Антонина Пия (138—161 гг.) — пять; Фаустины Старшей, жены Антонина Пия — пять; Марка Аврелия (161—180 гг.) — семь; Фаустины Младшей, жены Марка Аврелия — девять; Коммода (180—192 гг.) — восемь; Криспины, жены Коммода — четыре.

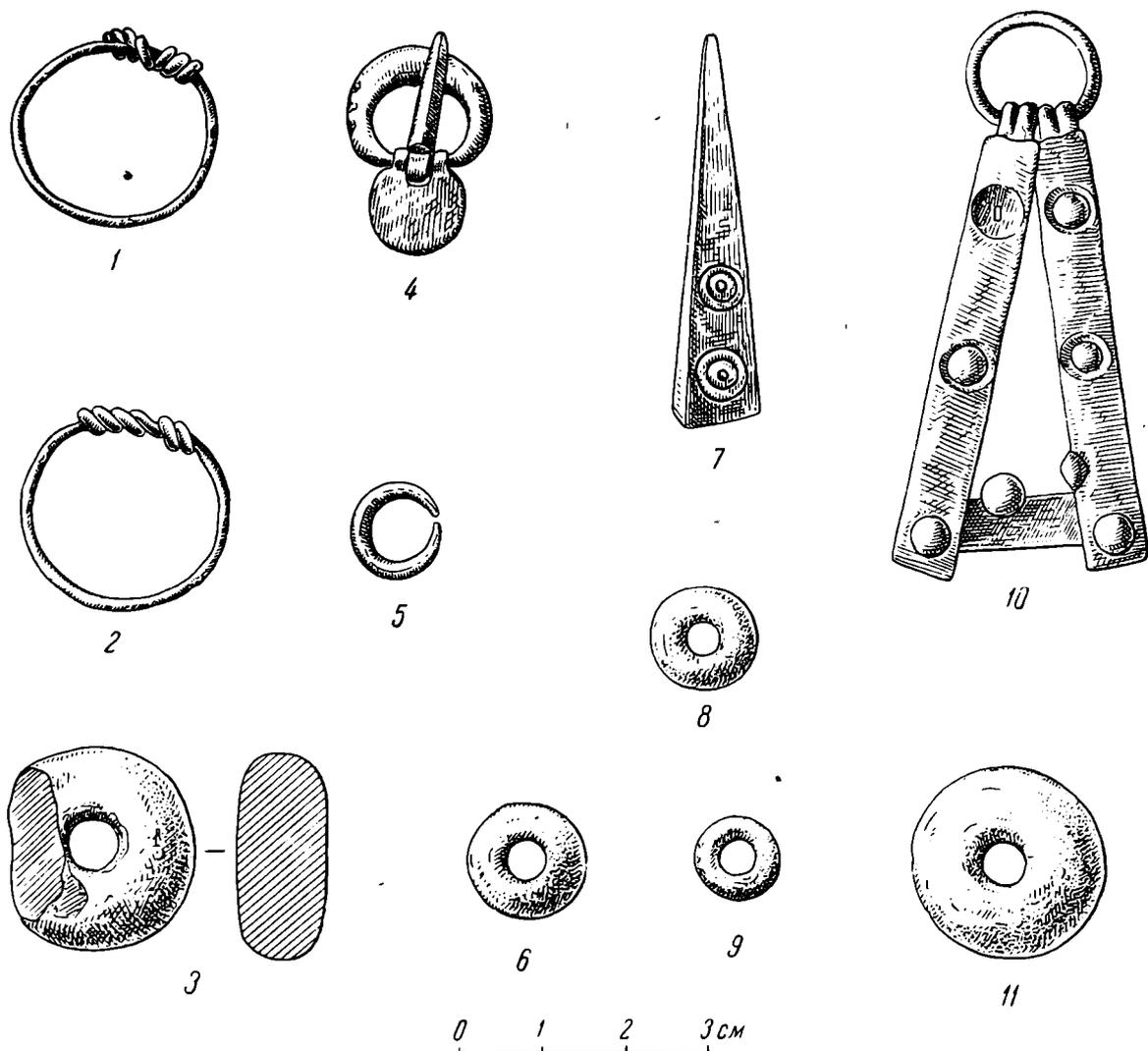

Рис. 51. Вещи из клада у села Турии

Из семи больших серебряных колец сохранилось только два (рис. 51, 1, 2). Остальные, судя по упомянутому негативу, были точно такой же формы и размеров. Сделаны они из тонкой серебряной проволоки; концы спиралевидно закручены вокруг стержня. Диаметр каждого кольца в среднем 2 см.

Из четырнадцати круглых янтарных бусин (тринадцать целых и одна половинка) сохранилась лишь одна (рис. 51, 3). Она имеет вид жернова, сделана из темнокрасного, повидимому днепровского, янтаря. Диаметр 2,5 см. Остальные бусы, судя по негативу, такой же формы (рис. 51, 11), но три из них меньших размеров (рис. 51, 6, 8).

Описание остальных вещей и их рисунки даются по негативу.

³ Монеты в музее не сохранились.

Бронзовая пряжка овальной формы с круглой пластинкой для прикрепления к ремню. Длина ее 2,8 см (рис. 51, 4).

Маленькое литое бронзовое кольцо с несомкнутыми концами, ромбического в сечении. Диаметр 1,2 см (рис. 51, 5).

Серебряная поделка неизвестного назначения (по описи «сюльгама») состоит из небольшого кольца, на которое надеты две тонкие пластинки; свободные концы их соединены между собою еще одной небольшой пластинкой. На пластинках имеются заклепки с коническими шляпками. Длина поделки 7 см (рис. 51, 10).

Костяные подвески — в виде четырехгранных пирамидок. Грани покрыты концентрическими кружочками. Одна из подвесок целая (рис. 51, 7), длиной около 6 см, вторая со сломанной вершиной.

Все стеклянные бусины невелики, прозрачны (рис. 51, 9), диаметром около 1 см. Остальные бусины — коралловые, прямоугольные янтарные и пастовые — на снимке вышли плохо и дать их описание затруднительно.

Клад, обнаруженный возле с. Турии интересен не только тем, что это один из очень немногих кладов, в которых римские монеты встречены вместе с другими вещами. Для нас более важно то обстоятельство, что монетный состав позволяет нам довольно точно датировать найденные в кладе вещи, очень часто встречающиеся в памятниках полей погребений.

Поскольку в составе клада позднейшими являются монеты Коммода (180—192 гг.) и в нем еще нет монет Септимия Севера (193—211 гг.), обычных в монетных кладах Приднепровья, можно считать, что Турийский клад зарыт в самом конце II или, что менее вероятно, в самом начале III века н. э.

Клад найден, повидимому, на поселении полей погребений.

Н. В. АНФИМОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АМФОРЫ С НЕФТЬЮ
 С ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 1950 г. на Таманском полуострове, на территории МТС в районе ст. Сенной, при рытье ямы под известь найдены три средневековые амфоры (рис. 52), наполненные на три четверти темной жидкостью, обладающей типичным нефтяным запахом и по внешнему виду не отличающейся от современной нефти¹. Горла амфор, по словам рабочих, были плотно закупорены глиняными пробками².

Место находки обследовано автором настоящей статьи совместно с А. В. Мартыновой. Установлено, что амфоры обнаружены на расстоянии приблизительно 300 м от берегового обрыва, на глубине около 1 м в суглинистом грунте, и стояли в один ряд. Никаких следов позднейших ям или нарушения грунта не прослеживалось. К северу от местонахождения амфор, на расстоянии 200 м, расположено городище, отождествляемое большинством исследователей с античным городом Кепами. Систематических исследований городища до сих пор не производилось. Сборы подъемного материала, а также изучение стратиграфии культурных напластований в искусственных обнажениях показывают на наличие довольно мощного средневекового слоя³. Таким образом, найденные амфоры связываются с городищем.

Анализ жидкости, находившейся в амфорах, произведен в Центральной научно-исследовательской лаборатории объединения «Краснодарнефть» и показал, что в сосудах хранилась нефть.

Физические свойства и состав ее следующие⁴:

Удельный вес D_{4}^{20}	— 0,921	Температура вспышки по М. П.	— 128°
Содержание акцизных смол	— 20%	Кинематическая вязкость при 20°	— 38
„ серы	— 0,15%	Молекулярный вес	— 268
„ парафина	— отсутств.	Фракционный состав по Энглеру:	
Кислотность мг КОН на 100 г нефти	— 179,7	Н. К. ; до 250° ; до 300° ; до 340°	
Температура застывания мивус 17°	— при не застывает	209° ; 12% ; 33% ; 54%	

¹ Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, стр. 85.

² Амфоры хранятся в Темрюкском музее.

³ Средневековый слой на городище отмечает также А. С. Башкиров («Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г.»). В «Тр. этнографо-археологического музея МГУ». М., 1927, стр. 37.

⁴ П. И. Цыганок и Т. А. Зернышко. Нефть, хранимая с VI в. н. э. «Нефтяное хозяйство», 1951, № 8, стр. 81.

Анализ показал также отсутствие в нефти бензиновых фракций. Кроме того, отмечается необычайно большая кислотность, однако у современной нефти на Кубани такая кислотность не редка ⁵.

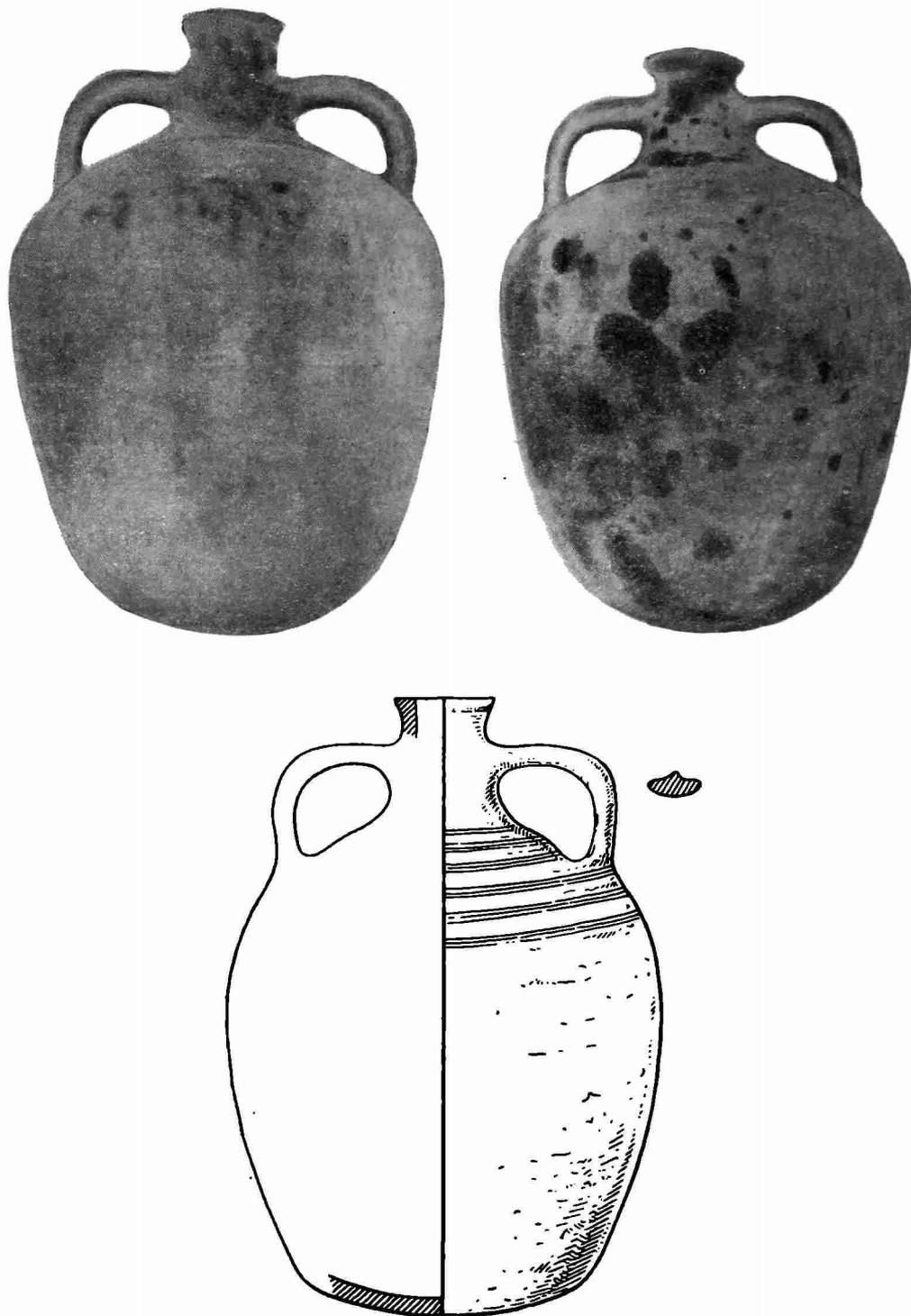

Рис. 52. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова

«Аналитические данные показывают, что длительное хранение нефти в глиняной посуде не повлияло на физические свойства и состав нефти; некоторые изменения в качественных показателях нефти (содержание смол.

⁵ П. И. Цыганок и Т. А. Зернышко. Ук. соч., стр. 81.

кислотность, фракционный состав) произошли за счет легких углеводов, диффундирующих через стенки сосудов в землю»⁶.

П. И. Цыганок и Т. А. Зернышко, производившие анализ, считают, что «при сравнении данных, полученных из амфор, с современными нефтями находим наибольшее сходство нефти из амфоры с нефтями Керченского полуострова. Особенно заметным сходством обладает нефть из амфор с нефтями Таганской, Коджаларской, Кармыш-Келичинской и Султанской антиклиналей»⁷.

Амфоры могут быть датированы только на основании анализа их формы, так как никаких других материалов вместе с ними не найдено. Все три сосуда совершенно однотипны. Они имеют широкое округлое тулово с закругляющимся дном, сравнительно высокое для данного типа амфор горло с хорошо выраженным, слегка отогнутым венчиком. Ручки отходят значительно ниже венчика, приблизительно от середины горла, и сначала идут почти горизонтально, а затем, закругляясь, падают вниз к широким плечикам. На ручках — продольное выступающее ребро, подчеркнутое неглубокими желобками по его сторонам. По плечикам нанесен гребенчато-линейный орнамент, состоящий из шести поясков узких врезанных линий, идущих по три вместе. Остальная часть тулова гладкая. Глина у двух амфор желтая, у третьей — красноватая, хорошо промешанная, без видимых включений.

Общие контуры тулова найденных амфор сближают их с амфорами IX—X вв., между тем как форма горла и ручек характерна для более ранних типов. В этом отношении найденные сосуды приближаются к амфорам VIII в.⁸, однако последние имеют более вытянутую стройную форму и желобчатую обработку поверхности тулова⁹. Фрагменты амфор, аналогичных описываемым, были найдены на степных поселениях Цимлянского района (левобережном Саркелском и Потайновском) и на поселении на Золотой Косе близ Таганрога. М. И. Артамонов, описывая данный тип амфор, отмечает сравнительно высокое горло с ручками, расходящимися в стороны от его верхней части и падающими на широкие бока. Причем ручки имеют особое продольное ребро, ограниченное неглубокими желобками. Поверхность тулова гладкая; по плечикам встречаются украшения в виде полос из горизонтальных или волнистых гребенчатых линий¹⁰. Сравнивая эти типы амфор с другими, М. И. Артамонов в хронологическом отношении ставит их после амфор салтовского типа, подчеркивая, что они получают «совершенно новые признаки в виде гладкой поверхности и гребенчато-линейных украшений»¹¹, и датирует их приблизительно X в., считая более ранними, чем грушевидные амфоры с низким горлом и поднимающимися кверху ручками.

Весьма близок по общим контурам описываемым амфорам амфоровидный сосуд из Гнездова с древнерусской надписью. Курганный комплекс, в котором найден гнездовский сосуд, датируется первой четвертью X в.¹² Еще более близкой является амфора, найденная близ ст. Пролетарской на Маныче (хранится в Новочеркасском музее¹³). А. Л. Якобсон считает ее «своеобразным вариантом» второй хронологической подгруппы амфор так

⁶ П. И. Цыганок и Т. А. Зернышко. Ук. соч., стр. 81.

⁷ Там же.

⁸ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, стр. 72, рис. 35, 2.

⁹ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, т. XV, 1951, стр. 331, рис. 4, 16—18.

¹⁰ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 71, рис. 33, 34.

¹¹ Там же, стр. 73—74.

¹² Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, вып. XXXVIII, стр. 77—79, рис. 36, а.

¹³ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 331, рис. 4, 20.

называемого салтовского гипа и датирует IX в.¹⁴ Можно указать еще на находку аналогичной амфоры в разрушенном погребении Фанагорийского некрополя (некрополь А, раскопки 1936 года), но так как другого инвентаря здесь не было, то погребение осталось не датированным. Приведенные выше аналогии позволяют датировать найденные на Таманском полуострове амфоры с нефтью IX — началом X в.

Находка амфор с нефтью представляет значительный интерес, указывая на местную ее добычу (о чем говорит анализ нефти) и, повидимому, на довольно широкое использование. Подтверждение этому мы находим также и в письменных источниках. Константин Багрянородный сообщает, «что за городом Таматархою имеется много источников, извергающих нефть»; далее он пишет: «Должно знать, что в Зихии у местности Паги, лежащей в сторону Папагии, где живут зихи, есть девять источников, извергающих нефть. Масло этих девяти источников не одноцветно, но одни из них красные, другие желтые, третьи черноватые. Должно знать, что в Зихии, в местности, называемой Папаги, где вблизи находится селение, называемое Санакси, что значит «пыль», также есть источник, извергающий нефть. Должно знать, что там имеется и другой нефтяный источник в селении, носящем название Хамух. Хамух было имя древнего мужа, основавшего это селение, поэтому и селение это было названо Хамух. Эти места отстоят от моря на один день конного»¹⁵. Зихия начиналась, по свидетельству того же писателя, от реки Укрух (повидимому, черноморского рукава Кубани), на расстоянии 18 или 20 миль от Таматархи¹⁶. Таким образом, в X в. нефтяные источники были широко известны как на Таманском полуострове, так и в непосредственной близости от него. Для Керченского полуострова засвидетельствована добыча нефти еще в IV—V вв. н. э.¹⁷

К сожалению, мы в настоящее время не располагаем анализом современной таманской нефти, которая должна быть близка керченской, что лишает нас возможности окончательно решить вопрос о месте добычи найденной в амфорах нефти. По составу своему, как указано выше, она наиболее близка нефти из крымских месторождений, что должно было бы указывать на доставку нефти в то время на Тамань с Керченского полуострова. Между тем свидетельство Константина Багрянородного дает право предполагать и местную добычу.

О способах добычи некоторое представление могут дать сохранившиеся описания более позднего времени. На Кубани в XIX в. нефть добывали очень примитивным способом — при помощи неглубоких открытых колодцев, откуда ее вычерпывали ведрами. Еще в середине XIX в. местное казачье население добывало нефть таким способом в ряде пунктов Таманского полуострова. Кроме того, на меновой торг в ст. Варениковскую черкесы привозили нефть, добываемую ими во многих местах Натухайского округа (территория древней Зихии). Вполне вероятно, что в этих же местах нефть могли добывать и в эпоху средневековья.

¹⁴ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 333, 334.

¹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении государством. «Известия ГАИМК», 1934, вып. 91, стр. 44.

¹⁶ Там же, стр. 21.

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. 1949, стр. 481—482.

V. ХРОНИКА

А. И. МЕЛЮКОВА

КОНФЕРЕНЦИЯ ИИМК, ПОСВЯЩЕННАЯ ВОПРОСАМ
СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Для понимания древнейших периодов истории юга Советского Союза большое значение имеет изучение истории и культуры скифских, сарматских и соседних с ними племен. В связи с этим советские историки и археологи уделяют серьезное внимание проблемам скифо-сарматской археологии.

С целью подытожить достижения советских исследователей в этой области и наметить правильные пути дальнейшего развития в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания в ИИМК была созвана специальная конференция, посвященная проблемам скифо-сарматской археологии.

В ней приняло участие свыше ста научных работников — археологов, историков и лингвистов Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Воронежа, Симферополя, Краснодара, Саратова и других городов.

На заседаниях, происходивших с 28 января по 2 февраля 1952 г., заслушано 22 доклада, прошедших в атмосфере оживленной критики и самокритики. Конференцию открыл директор ИИМК А. Д. Удальцов, вступительное слово которого было посвящено определению задач скифо-сарматской археологии и проблематике предстоящей конференции.

Центральное место в работе конференции заняли вопросы скифской археологии, сарматская тематика представлена меньшим количеством докладов.

С докладом на тему «Основные культуры скифского времени в Причерноморье», посвященным одной из главных проблем скифской археологии, выступил Б. Н. Граков (в составлении доклада принимали участие Н. Н. Погребова и А. И. Мелюкова). Во вступительной части доклада Б. Н. Граков остановился на тех положениях в трудах И. В. Сталина в области языкознания, на которых необходимо основываться в разработке истории и археологии скифов и племен скифского времени, а также охарактеризовал общее состояние науки о скифах, дал развернутую критику взглядов буржуазных ученых и последователей Марра.

Подчеркнув, что понятие «скифской стадии» Марра, искажавшее исторический процесс развития древних племен юго-восточной Европы, отпало, Б. Н. Граков выступил против имеющегося еще в среде археологов стремления объединять в одно культурное и этническое целое все памятники Причерноморья, относящиеся к скифскому времени. Для успешного разрешения вопроса о расселении племен геродотовой Скифии он предложил расчленить «скифскую» культуру прежде всего на основные культурные

области, внутри которых можно искать отдельные локальные варианты. На территории северного Причерноморья докладчиком выделены две большие культуры — степная и лесостепная, отличающиеся одна от другой целым рядом существенных признаков. Возражая М. И. Артамонову, П. Н. Третьякову и другим исследователям, считающим Скифию конгломератом разных племен, Б. Н. Граков на основании свидетельств Геродота о языке, происхождении и обычаях скифов рассматривает Скифию как союз родственных племен, говоривших на языке североиранской группы. В связи с этим он считает, что только одна из двух больших культур северного Причерноморья, а именно степная, могла принадлежать собственно скифским племенам — кочевым и земледельческим. Лесостепная культура, распространенная широкой полосой к северу от собственно скифов и распадавшаяся на ряд вариантов, рассматривается в докладе как принадлежавшая нескифским племенам Геродота. На территории Прикубанья выделена особая группа культуры, вероятными носителями которой были синдские и меотские племена. В заключение Б. Н. Граков предложил употреблять термин «скифская культура» только для культуры степных скифов. Остальные культуры, имеющие общие черты со скифской, могут быть названы лишь культурами скифской эпохи.

В двух докладах разбирались вопросы социальной, экономической и политической истории коренных скифов.

Доклад Б. Н. Гракова «К истории степного скифского царства» неразрывно связан с первым его докладом и посвящен главным образом ранним периодам истории скифов. Докладчик показал, как из союза скифских племен уже к IV в. до н. э. выросло государство рабовладельческого типа. Более позднее скифское царство с центром в Крыму, которое М. И. Артамонов считает первым государственным образованием в Скифии, Б. Н. Граков рассматривает лишь как новую и более высокую форму скифской государственности. Подчеркивая, что скифское государство было объединением этнически родственных племен, а не конгломератом в духе империи Кира, Б. Н. Граков объяснил этим длительность его существования и самостоятельность. Характер рабства в скифском рабовладельческом государстве докладчик гипотетически сравнил с рабством фессалийского или спартанского типа.

Доклад Э. И. Соломоник «О государстве поздних скифов» явился как бы продолжением доклада Б. Н. Гракова. В нем дана обстоятельная характеристика скифского государства с центром в Крыму. Э. И. Соломоник показала, что это государство отличалось от более раннего наличием развитого города, более высоким уровнем развития ремесла, торговли, строительной техники, искусства, чеканкой в подвластной Ольвии монет с именами скифских царей, активной внешней политикой. Несмотря на это, позднее скифское царство не превратилось в развитое рабовладельческое государство и сохранило черты, характерные для скифского общества более ранней поры.

По тематике близок к предыдущему доклад П. Н. Шульца, посвященный итогам исследования в послевоенный период Неаполя Скифского. П. Н. Шульц определил Неаполь как столицу позднего скифского государства и охарактеризовал различные стороны жизни столицы с момента возникновения до конца существования (III в. до н. э. — III—IV вв. н. э.). В течение всего времени Неаполь Скифский был, по мнению докладчика, городом земледельцев и скотоводов, торговцев, ремесленников и дружинников. Видя преобладание местных элементов в материальной культуре жителей города, П. Н. Шульц пришел к выводу, что в этническом составе населения преобладали скифы, хотя среди жителей были тавры, греки и сарматы. Довольно большое внимание докладчик уделил определению тех немногих черт в культуре поздних скифов, которые, как предполагает

П. Н. Шульц, получили дальнейшее развитие в культуре восточного славянства. На основании изучения этих черт докладчик пришел к выводу, что культура поздних скифов была якобы одним из источников формирования южной ветви восточного славянства.

Н. Н. Погребова прочла доклад о скифских курганах Крыма; в докладе дана новая классификация крымских погребальных памятников и определены их характерные особенности, отличающие крымскую локальную группу. Докладчиком отмечено, что одни из погребальных сооружений скифского времени продолжали старые, доскифские традиции, другие же появились в Крыму в связи с переселением сюда некоторой части нижнеднепровских скифов. Н. Н. Погребова прослеживает коренные изменения погребальных памятников во II—I вв. до н. э. и объясняет это изменениями в скифском обществе и государстве.

Два доклада посвящены вопросу о связях степных скифов с соседними племенами.

И. В. Яценко по предметам конского убора проследила тесные связи нижнеднепровских скифов с племенами среднего Приднепровья и среднего Дона, с одной стороны, и населением Фракии — с другой. Она показала, что эти связи были особенно интенсивными в IV—III вв. до н. э. Вместе с тем И. В. Яценко отметила, что племена Кубани были более оторваны от собственно скифов, чем две первые группы племен.

А. П. Манцевич в докладе «Ритон Талавского кургана» пыталась доказать фракийское происхождение предметов художественной торевтики, найденных в богатых курганах нижнего Приднепровья, рассматриваемых большинством исследователей как произведения боспорских мастеров. На этом основании она сделала предположение, что связи Скифии с Фракией были более тесными, чем с греческими городами северного Причерноморья.

В докладах Б. Б. Пиотровского «Скифы и урартские центры в Закавказье» и Е. И. Крупнова «Походы скифов в Переднюю Азию» были сопоставлены данные древневосточных и греческих письменных источников со всем известным в настоящее время археологическим материалом. Б. Б. Пиотровский признал несостоятельность своих прежних положений о «скифской стадии» в Закавказье и Передней Азии и о том, что походы скифов в Переднюю Азию определялись стадияльной общностью скифов и населения мелких стран, входивших в состав древневосточных рабовладельческих государств. Новый материал из раскопок на Кармир-блуре позволил Б. Б. Пиотровскому говорить о тесных взаимоотношениях причерноморских скифов с урартами в VII—VI вв. до н. э. и о гибели урартской крепости от набега скифов.

Е. И. Крупнов, руководствуясь археологическим материалом, наметил четыре пути проникновения скифов в страны Передней Азии и подчеркнул достоверность свидетельств Геродота о Дербентском проходе, указав на то, что этот проход был основным путем продвижения скифов в эти области.

Семь докладов были посвящены различным проблемам истории и культуры племен, населявших лесостепные области Украины.

Центральное место среди них занял доклад А. И. Тереножкина о памятниках предскифской эпохи на правом берегу среднего Приднепровья. На основании материалов, полученных в результате работ последних лет, докладчик доказал автохтонное происхождение оседлых земледельческо-скотоводческих племен, населявших в скифскую эпоху днепровскую правобережную лесостепь. Установив, что культура этого населения в IX—VIII—первой половине VII в. до н. э. была самобытной, он сделал вывод, что племена правобережного среднего Поднепровья по своей этнической принадлежности не могли быть родственными ираноязычным скифам, а относились скорее к предкам восточных славян. Вместе с тем, отметил он, с конца

VII в. до н. э. культура этих племен приобрела скифский облик, утраченный лишь во II в. до н. э., т. е. после вытеснения части степных скифов сарматами и перенесения центра Скифии в Крым. На этом основании А. И. Тереножкин пришел к заключению, что с конца VII в. до н. э. племена правобережной днепровской лесостепи вошли в состав Скифии и до II в. до н. э. находились под властью царских скифов. Он предполагает, что эти племена были известны Геродоту под именем скифов-пахарей, так как они, не будучи скифами по своей этнической принадлежности, были подвластны коренным скифам. Таким образом, А. И. Тереножкин придерживается отвергнутой Б. Н. Граковым точки зрения, что Скифия представляла собою конгломерат племен с царскими скифами во главе.

Как дополнение к докладу А. И. Тереножкина можно рассматривать доклады Е. Ф. Покровской «Селище времени раннего железа на Тарасовой горе», С. С. Баранович «О предскифских памятниках на Уманщине». Они познакомили собравшихся с материалами, происходящими из раскопок последнего времени на поселении раннескифской эпохи и предскифских зольников белогрудовского типа.

П. Д. Либеров в докладе «Хронология скифских памятников среднего Приднепровья» показал несостоятельность хронологических классификаций памятников скифской эпохи, предложенных буржуазными исследователями Самоквасовым, Бобринским, Ростовцевым. Принимая в общих чертах классификацию Спицына, П. Д. Либеров сделал ряд поправок и дополнений к ней на основании материалов, полученных в результате работ советских исследователей над памятниками лесостепной Скифии.

В докладе В. А. Ильинской о керамике скифских курганов Посулья отмечались существенные различия посуды скифской эпохи, бытовавшей на Суле, Пселе и Северном Донце, и той, которая была распространена в это же время на территории правобережного среднего Приднепровья. Докладчик пришел к интересному выводу, что культура северо-восточных районов левобережного среднего Поднепровья сложилась на иной основе доскифского времени, чем правобережная. В. А. Ильинская предполагает, что такой основой могла быть позднесрубная культура, одним из центров которой был бассейн Северного Донца.

А. И. Мелюкова в докладе о памятниках скифской эпохи на территории северо-западной части среднего Поднепровья попыталась на основании новых материалов дать характеристику культуры населения этих областей. Она пришла к выводу, что по сравнению с соседними локальными группами лесостепной Украины здесь значительно слабее сказалось влияние скифов. Оно прослеживается лишь для VI и первой половины V в. до н. э. и объясняется связями населения среднего Поднепровья с племенами правобережного среднего Поднепровья, принявшими многие черты скифской культуры. В отличие от последних, племена среднего Поднепровья никогда не входили в тесный контакт с собственно скифами. Вместе с тем она отметила, что здесь большую роль, чем в других группах лесостепной Украины, играли взаимоотношения с областями соседних высоцкой, гальштатской и лужицкой культур. Возражая М. И. Артамонову, А. И. Мелюкова считала невозможным видеть скифов-пахарей Геродота в населении рассматриваемых областей и допускала предположение о принадлежности его к неврам.

В. И. Каневец познакомил собравшихся с результатами раскопок Высоцкого могильника, произведенных Институтом археологии Академии наук УССР в 1951 г. Новый материал позволил докладчику лучше, чем это было в работах Сулимирского, проследить в высоцкой культуре местные элементы, сближающие ее с украинской лесостепной.

Два доклада посвящались культурам Северного Кавказа предскифской и скифской эпох.

А. А. Иессен охарактеризовал памятники Северного Кавказа VIII—VII вв. до н. э. и пришел к существенному выводу, что на территории Северного Кавказа освоение железа началось значительно раньше, чем это принято считать. Уже в VIII—VII вв. до н. э. железо, наряду с бронзой, применялось в производстве оружия и конской сбруи. А. А. Иессен предполагает, что в освоении железа на Северном Кавказе значительную роль сыграли связи с югом, с Закавказьем и Передней Азией. Кроме того, докладчик наметил три этапа в развитии межплеменных сношений на юге СССР в предскифское и раннескифское время.

Доклад Н. В. Анфимова посвящен характеристике культуры, экономики и социальных отношений синдов VI—IV вв. до н. э. Сопоставив данные письменных источников и археологического материала докладчик определил, что основой хозяйства синдов были земледелие и скотоводство. Достаточно развитой, особенно в V—IV вв. до н. э., была торговля синдов с греками. Культура синдов стояла на высоком уровне. В VI в. до н. э. у них возникли крупные городские центры, окруженные к V веку мощными крепостными стенами. Во второй половине V в. образовалось синдское государство, тесно связанное с Боспором и в известной степени от него зависевшее. В первой половине IV в. Синдика была включена в границы Боспорского царства.

С. Ф. Стржелецкий в докладе «Таврские памятники эпохи бронзы и раннего железа» подвел первый итог изучению поселений и могильников предгорного Крыма. Все известные поселения он разделил на четыре хронологические группы от рубежа III—II тысячелетий до VI—V вв. до н. э. и охарактеризовал каждый период. Он предполагает, что уже в первом периоде ведущую роль в хозяйстве тавров получило пастушеское скотоводство, а в социальном строе имели место зачатки патриархальной семьи. Докладчик считает, что основой хозяйства поселений тавров VI—V вв. до н. э. было земледелие и морской промысел, а в социальном строе произошел переход к военной демократии. Говоря о погребениях тавров, С. Ф. Стржелецкий отметил, что каменные ящики VI—V вв. до н. э. принадлежали лишь племенной аристократии, тогда как рядовое население хоронило своих покойников в грунтовых могильниках.

Сарматская тематика представлена на конференции тремя докладами. К. Ф. Смирнов в специальном докладе о состоянии и перспективах изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии отметил серьезные достижения советских исследователей в этой области. Вместе с тем он указал, что основные проблемы требуют дальнейшей разработки. Необходимо разрешение вопроса о происхождении различных групп сарматских племен, отождествление локальных групп сарматской культуры с известными по письменным источникам племенными образованиями, выяснение роли сарматов в истории античных городов северного Причерноморья, а также разрешение вопроса о взаимоотношениях сарматов с их соседями и прежде всего с ранними славянами. Помимо этого, К. Ф. Смирнов призвал к проведению систематических полевых исследований в наименее изученных областях распространения сарматской культуры и прежде всего на Украине.

Во втором докладе К. Ф. Смирнова «Этапы развития культуры населения среднего Прикубанья скифо-сарматской эпохи» основное внимание обращено на вопрос о сарматизации местного меотского населения. Он установил, что первое появление сарматов (сираков) на территории Прикубанья из волго-донских степей может относиться к III—II вв. до н. э. Однако решительная сарматизация местного населения произошла лишь в I в. до н. э., когда господствующей стала общесарматская культура, отличавшаяся лишь в деталях от сарматской культуры Поволжья и Украины. В I—II вв. до н. э., как отметил К. Ф. Смирнов, начинается

проникновение алан из нижнего Поволжья, которые, слившись с сиракской и меотской племенной аристократией, установили господство над оседлым населением среднего Прикубанья. В IV—V вв. н. э. племена среднего Прикубанья были очень близки по культуре к северокавказским аланам и участвовали в создании общей для Северного Кавказа и Подонья аланской культуры.

М. И. Вязьмитина познакомила с интересными результатами раскопок сарматского могильника, открытого работающей на новостройках экспедицией Института археологии АН УССР в 1951 г. в окрестностях с. Ново-Филипповки Запорожской обл. Данные раскопок особенно важны потому, что сарматские памятники степной полосы Украины почти совершенно не исследованы. Как определила М. И. Вязьмитина, некрополь принадлежал рядовому сарматскому населению, обитавшему в долине р. Молочной в I в. до н. э.—I—II вв. н. э. Обряд и инвентарь погребений позволили докладчику сопоставить их с сарматскими курганами Поволжья и Прикубанья.

Все доклады, заслушанные на конференции, были подвергнуты всестороннему обсуждению. В прениях принимали участие не только археологи, но и лингвисты.

Наиболее оживленные дискуссии происходили после докладов, посвященных основным проблемам истории и археологии Скифии.

Большинство выступавших по докладу Б. Н. Гракова об основных культурах скифского времени в Причерноморье отмечало как положительный момент изучение Б. Н. Граковым конкретных племен и народов Скифии. Единодушно было поддержано положение, что носителями североиранских языков были скифы — обитатели степных районов северного Причерноморья. Однако нельзя сказать, что точка зрения докладчика об этническом единстве Скифии была принята всеми выступавшими. Так, А. И. Тереножкин продолжал отстаивать положение, что Скифия представляла собою федерацию различных по происхождению племен, объединенных лишь главенством скифов царских. Б. В. Горнунг заметил, что в докладе Б. Н. Гракова прозвучало слишком большое доверие к показаниям Геродота о языке. Б. В. Горнунг предполагает, что среди племен, входивших в Скифию Геродота, могли быть и какие-то другие этнические элементы, но что ираноязычный элемент среди них был всегда преобладающим. Вместе с тем Б. В. Горнунг высказал сомнение в том, что непосредственными соседями скифов были предки восточных славян, так как по данным изучения древнеславянских языков нет основания признать существование длительного контакта скифов со славянами.

Прения показали, что вопросы об этническом единстве Скифии и о включении в нее других этнических элементов, при господстве ираноязычных скифов, нельзя считать окончательно решенными.

Большинство выступавших по второму докладу Б. Н. Гракова, посвященному истории скифского царства, разделяли основные положения докладчика (А. А. Иессен, Т. В. Блаватская, Б. А. Шрамко, С. Ф. Стржелецкий). В. А. Ильинская хотя и признает, что в IV в. до н. э. в социальной структуре скифского общества произошли большие сдвиги, не считает возможным говорить о переходе к государственному образованию в эпоху Атея. Она отстаивала ту точку зрения, что первым скифским государством было скифское царство с центром в Крыму.

Выступавшие в прениях по докладу А. И. Тереножкина С. В. Киселев и лингвист П. С. Кузнецов отметили ценность основного вывода докладчика относительно автохтонного происхождения племен, населявших в скифскую эпоху правобережную днепровскую лесостепь. Они возражали главным образом против предположений о принадлежности этих племен к предкам только восточных славян.

Резкую критику вызвали положения П. Н. Шульца относительно участия крымских скифов в сложении культуры южной ветви восточного сла-

вянства. Б. Н. Граков и лингвист В. К. Сидоров указали на то, что в докладе П. Н. Шульца прозвучала мало обоснованная тенденция представить крымских скифов как генетически родственных южной ветви восточного славянства. В. Д. Блаватский отметил, кроме того, что П. Н. Шульц недооценивает влияние античной культуры на городскую культуру Неаполя Скифского.

В прениях по докладам, посвященным частным вопросам скифской археологии, наиболее существенные возражения сделаны П. Н. Шульцем по докладу С. Ф. Стржелецкого. П. Н. Шульц считает необоснованной характеристику экономики и социального строя тавров, данную докладчиком. По докладу А. П. Манцевич выступавшие Т. В. Блаватская, М. М. Кобылина, Т. Д. Златковская, А. А. Иессен отметили, что докладчику не удалось показать ничего специфически фракийского в стиле тех предметов из скифских курганов, которые А. П. Манцевич считает фракийскими, а не греческими по происхождению. Следовательно, пока не может быть признан правильным и вывод А. П. Манцевич о том, что Скифия была теснее связана с Фракией, чем с греческим миром.

Не получила поддержки от выступавших в прениях Т. Д. Златковской, А. П. Манцевич, П. Д. Либерова точка зрения, разделяемая А. И. Мелюковой, о принадлежности западноподольской группы памятников неврам Геродота, хотя общая характеристика культуры населения северо-западной части среднего Поднестровья в скифскую эпоху была принята.

Выступавшие по второму докладу К. Ф. Смирнова В. П. Шилов и Н. В. Анфимов справедливо критиковали обозначение этапов развития меото-сарматов Прикубанья. Вместе с тем они упрекнули докладчика в недооценке внутреннего развития коренного меотского населения Прикубанья на последних двух этапах.

В заключительной части конференции А. Д. Удальцов подвел итоги ее работы. Он отметил, что прочитанные на заседании доклады свидетельствуют о больших достижениях скифо-сарматской археологии и об успехах, достигнутых исследователями после выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. Конференция показала, что археологи с успехом преодолевают вредные влияния «школы» Марра в области скифо-сарматской археологии. Остановившись на отдельных результатах работы конференции, А. Д. Удальцов подчеркнул, как положительный момент, единодушный вывод, что в настоящее время, по всей вероятности, можно констатировать наличие у степных скифов североиранских языков и что в дальнейшей работе необходимо суживать понятие «скифы», отказавшись от неправомерной обобщенности, имевшей место раньше.

Вместе с тем А. Д. Удальцов указал на недостатки работы конференции, в частности на то, что одна из важнейших задач скифской археологии — уточнение карты Скифии Геродота — не получила разрешения. Мало сделано также для разрешения вопроса о возможной связи племен лесостепной Украины с ранними славянами. Подчеркивая важность изучения памятников Крыма всех эпох, А. Д. Удальцов вместе с тем считает необходимым предостеречь крымских историков и археологов от утверждений исконности славян в Крыму.

Конференция приняла резолюцию, в которой нашли отражение достижения и недостатки скифо-сарматской археологии, освещенные в результате работы конференции. В заключительной части резолюции перечислены основные задачи, стоящие перед археологами, занимающимися изучением скифских и сарматских памятников.

Важнейшие из этих задач следующие:

1) продолжать борьбу со всевозможными проявлениями антиисторической «теории» Марра и различными проявлениями буржуазной идеологии в вопросах скифской и сарматской археологии;

2) продолжать начатую после выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания совместную с языковедами работу по успешному разрешению вопросов об этнической принадлежности носителей разных групп культуры скифского и сарматского времени;

3) особое внимание обратить на изучение культуры племен лесостепной полосы скифского времени в связи с вопросом о происхождении славян;

4) углублять изучение больших культурных групп и их внутреннего членения для более отчетливого выяснения состава племен и народностей скифо-сарматской эпохи и их роли в образовании предков современных народов СССР и формировании их культуры.

5) расширить полевые археологические исследования памятников скифского и сарматского времени, особенно на великих стройках коммунизма, при этом особое внимание обратить на изучение поселений;

6) возможно теснее координировать работы родственных институтов и учреждений при изучении вопросов скифо-сарматской археологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты Археографической экспедиции
АС — Археологический съезд
АЗР — Акты Западной России
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДАК — Дело Археологической комиссии
ДАН — Доклады Академии Наук СССР
ЗООИД — Записки Одесского общества изучения древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии Наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КАЭ — Комплексная археологическая экспедиция Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОНТИ — Объединение научно-технических издательств
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СГГ и Д — Собрание государственных грамот и договоров
СЭ — Советская этнография
ТУАК — Тверская ученая архивная комиссия
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О задачах советских археологов в свете решений XIX съезда партии	3

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. Я. Брюсов. К вопросу о заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху	8
М. К. Каргер. „Летска божница“ Владимира Маномеха	13
Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси	21
А. Ф. Медведев. К истории кольчуги в древней Руси	26
Р. Л. Розенфельдт. Русские замки домонгольского времени	32
Э. А. Рикман. Новые материалы по топографии древней Твери	39

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. Арембовский и Л. Н. Иванов. Новое обследование Иркутской палеолитической стоянки	51
А. П. Черныш. Палеолитическая стоянка Бабин I по материалам раскопок 1949—1950 гг.	56
Н. Н. Гурина. Археологические исследования на северо-западе европейской части СССР	65
А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1950 г.	78
Т. Н. Никольская. Городище у деревни Свинухово	86
О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 году	97
В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ села Планерское (Раскопки 1949—1951 годов)	104
А. В. Збруева. Котловское городище	117
А. В. Успенская. Звенигородские курганы	124

III. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. А. Румянцев. Использование синтетических смол при археологических раскопках	133
А. В. Кирьянов. Применение разъемных гипсовых форм при археологических раскопках	139

IV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

С. А. Семенов. Костяные орудия из древнепалеолитических стоянок Кийк-Коба и Кош-Коба	143
Ю. В. Кухаренко. Клад из села Турии	148
Н. В. Анфимов. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова	151

V. ХРОНИКА

А. И. Мелюкова. Конференция ИИМК, посвященная вопросам скифо-сарматской археологии	155
Список сокращений	163

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР

Редактор издательства С. Т. Попова. Технический редактор Т. А. Землякова. Корректор В. К. Гарди

РИСО АН СССР № 72—591В. Т-00720. Издат. № 3791. Тип. заказ № 803. Подписано к печати 23/IX 1953 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. лист. 5,13. Печати. лист. 14,06. Уч.-изд. лист. 14,2. Тираж 1700. Цена 8р. 50к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОТПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
23	14 сн.	(Курсуни)	(Корсуни)
27	10 св.	костными	костяными
77	4 сн.	1947	1941
93	11 сн.	(3, 5мм)	(3—5 мм)
96	17—16 сн.	зарубинского, корчеватовского	зарубинецко-корчеватовского
115 }	16 св.	Б. В. Рыбаков	Б. А. Рыбаков
	15 сн.	вып. XII	КСИИМК, вып. XII
147	11 сн.	Чочурча	Чокурча
148	18 св.	(возле с. Турии)	(возле с. Турии)
159	1 сн.	В I—II вв. до н. э.	В I—II вв. н. э.
164	6 св.	„Летска божница“ Владимира Мономаха	„Летская божница“ Владимира Мономаха

Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XLIX